

crime story №2

Дарья ДОНЦОВА
Татьяна УСТИНОВА
Юлия ШИЛОВА

а также:

Елена Арсеньева, Мария Брикер
Галина Куликова, Елена Логунова
Наталья Солнцева

Annotation

Дорогие читатели! Перед вами сборник, в который вошли остросюжетные рассказы признанных мастеров детективного жанра. Дарья Донцова, Татьяна Устинова, Юлия Шилова и другие известные авторы с успехом подтвердили, что талант талантлив во всем, – их короткие криминальные истории такие же увлекательные и захватывающие, как и получившие широкое признание детективные романы!

Содержание сборника:

Елена Арсеньева «Легкой дороги!»
Мария Брикер «Кастинг на чужую роль»
Дарья Донцова «Никто из ниоткуда»
Галина Куликова «Рождество по-русски»
Елена Логунова «Прогноз погоды в доме»
Наталья Солнцева «Гороскоп»
Татьяна Устинова «Часы с секретом»
Юлия Шилова «Заложница страха, или история моего одиночества»

-
- [Дарья Донцова, Татьяна Устинова, Юлия Шилова, Елена Арсеньева, Мария Брикер, Галина Куликова, Елена Логунова, Наталья Солнцева](#)
    - [Елена Арсеньева](#)
    - [Мария Брикер](#)
    - [Дарья Донцова](#)
    - [Галина Куликова](#)
    - [Елена Логунова](#)
    - [Наталья Солнцева](#)
    - [Татьяна Устинова](#)
    - [Юлия Шилова](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
-

**Дарья Донцова, Татьяна Устинова, Юлия Шилова, Елена
Арсеньева, Мария Брикер, Галина Куликова, Елена
Логунова, Наталья Солнцева
Crime story № 2**

Елена Арсеньева Легкой дороги!

Ну, она уж думала, что не успеет на этот несчастный автобус! Электричка должна была прийти на станцию Линда в двадцать часов, а оказалась там только в двадцать тридцать. Почему-то простояли в Киселихе ровно полчаса, без всякого объявления, без объяснения...

Алена сначала нетерпеливо крутилась, то и дело посматривала на часы, в очередной раз убеждаясь, что до отправления автобуса из Линды в деревню Маленькая, где ее ждали к рождественскому столу, остается всего ничего; искательно оглядывалась на других пассажиров – может, они что-то знают о причинах непредвиденной и столь затянувшейся задержки; напряженно вслушивалась в неразборчивое кряхтенье, доносившееся из репродуктора, пытаясь извлечь оттуда хоть какую-то обнадеживающую информацию; ну а потом глянула на сумятицу снежных вихрей за окном – да и загляделась. Мело истоиво, самозабвенно, ну совсем как в ту волшебную, приснопамятную ночь перед Рождеством, когда черт украл месяц. Похоже, в снежной круговерти было нечто гипнотическое, потому что Алена впала в какое-то оцепенение, странное состояние между сном и бодрствованием, когда не помнишь, где находишься, когда все равно, что с тобой происходит и еще произойдет.

Наконец, почувствовав, что засыпает, убаюканная неслышной музыкой метели, она с усилием оторвала взгляд от окна, встряхнулась и воткнула в уши «ракушки», соединенные с мобильным телефоном. Включила любимое «Радио 7 на семи холмах», но здесь оно шло со сплошными помехами. Переключилась на «Авторадио» и попала на выпуск местных новостей.

– Дорожные службы города в очередной раз оказались бессильны перед погодными катаклизмами... Пробка на Окском съезде превзошла все мыслимые пределы... Продолжаются поиски сына нижегородского бизнесмена, владельца сети хозяйственных магазинов «Мастер» Валентина Федорова. По сведениям нашего источника в УВД Нижегородской области, мальчик похищен неизвестными лицами. Господин Федоров отказывается от встреч с журналистами и ничего не говорит о требованиях, предъявляемых похитителями... Напоминаем, что по Первому каналу сегодня большой праздничный концерт... До наступления Рождества осталось меньше четырех часов...

«Бедный мальчишка», – подумала Алена. – Бедные его родители. Вернее, бедный отец!» Об этом бизнесмене, владельце множества хозяйственных магазинов, рассыпанных по всему городу, Алена недавно читала статейку в нижегородском выпуске «Комсомолки». Нормальное интервью с человеком, который сделал себя сам и привык в жизни полагаться только на себя – во всем, вплоть до решения мельчайших бытовых вопросов и до воспитания сына. Да, оказывается, Федоров с женой развелся, но ребенка ей не отдал: она вышла замуж за богатого турка, владельца отеля в Анталье, и теперь обитает в жарких странах. Алене запомнилось, что Федоров происходил из музыкальной семьи, одно время мечтал сделаться великим пианистом, поступил в консерваторию, а потом вдруг увлекся экономикой, да так, что музыку совершенно забросил, занялся бизнесом. Однако его двенадцатилетний сын, который пока еще учится, по малолетству, в музыкальной школе, твердо намерен стать вторым Вэном Клайберном.

В «ракушках» послышался сплошной треск, и Алена, сердито сморщившись, выдернула их из ушей.

Огляделась.

Один из двух ее попутчиков (вагон, как и весь поезд, был этим праздничным вечером практически пуст) сидел неподвижно, отвернувшись к окну, погруженный в оцепенелое созерцание вьюги, другая же пассажирка нервничала: тискала руки, вскакивала, металась по проходу – словом, проделывала тот же комплекс беспокойных упражнений, что и Алена незадолго до этого. Поскольку женщина была одета в длинную, чуть не до пола, серебристую норковую шубу, такую же шапку, а еще имела длинные-предлинные волосы удивительного серебристого оттенка, она напоминала Снежную королеву, заключенную в убогом пространстве обшарпанного вагона пригородного поезда...

У нее даже глаза были серебристые, словно наполненные лунным светом... А впрочем, нет: такой эффект создавали белые тени, положенные около внутренних уголков век.

Однако красавица нервничала, жутко нервничала! Что-то здесь явно нечисто, какой-то здесь кроется подвох, подумала Алена, которая, следует заметить, сделала выискивание всех и всяческих подвохов своей профессией. Нет, она не работала в налоговой инспекции или в правоохранительных органах, она даже не была частным детективом – она просто писала детективы, была писательницей. Привыкнув запутывать и распутывать выдуманные интриги, Алена иногда невольно следовала проторенной дорожкой и в реальной

жизни. И сейчас от нечего делать она начала придумывать разные варианты нелегкой биографии красавицы. Снежная королева побывала и воровкой, которая в многочисленных сумках с фирменными этикетками самых дорогих нижегородских супермаркетов везет вовсе не громадное количество еды для рождественского стола, а транспортирует содержимое только что обчищенных сейфов «Византии», «Оникса» или какого-то другого роскошного ювелирного магазина. Зачислила Алена Снежную королеву и в убийцы, которая прячет в сумках части тела расчлененного ею любовника (мужа, подруги, свекрови – нужное подчеркнуть)...

А беспокойство красавицы тем временем достигло предела. Она выхватила из кармана крошечную плоскую трубку мобильника и, нервно потыкав пальчиком в кнопки, выкрикнула резким, взволнованным голосом:

– Это я! Мы тут застряли на какой-то станции. Не знаю, когда поедем, никто ничего не говорит. Успокойся, меня никто даже не замечает. Ладно, до встречи!

«Так! – кивнула сама себе Алена. – Это она выходила на связь с подельником, который будет ее встречать. Интересно, куда она едет? Но напрасно она думает, что ее никто не замечает. Ты в своем прикиде в интерьер электрички никак не вписываешься, не то что мы, грешные!»

Под «нами, грешными» подразумевались прочие пассажиры: во-первых, сидевший у окна сутулый дядька в бесформенной куртке с ужасно отвисшими карманами, в черной вязаной шапчонке, низко надвинутой на лоб, и в старых лыжных штанах, небрежно спущенных на уродские ботинки, а во-вторых, сама Алена Дмитриева, одетая в поношенную короткую дубленочку с капюшоном, старые джинсы и сапоги с меховыми отворотами, которые при надобности можно было поднять чуть не до колена и одолеть почти любые сугробы.

В это мгновение размышления нашей писательницы были прерваны: поезд дернулся вперед, потом назад, потом неспешно тронулся. Ура, наконец-то! Громкоговоритель прохрипел:

– Наш поезд прибывает на станцию Линда. Просьба к пассажирам не забывать в вагонах свои вещи.

Снежная королева вспорхнула со скамьи, принялась собирать свои сумочки и пакетики, навешивая их на каждый пальчик, причем всем пальчикам досталось по две сумочки, а указательному на правой руке аж три! Потом она поспешила к дверям, чтобы выйти первой. Итак, она тоже едет до Линды, и у Алены есть шанс увидеть ее подельника...

Задремавший было дядька в вязаной шапчонке поднялся (ну надо же, какой популярностью пользуется эта незамысловатая станция накануне Рождества!), выволок из-под лавки рюкзак и принялся надевать на плечи. Алена бросила на него безразличный взгляд – и невольно вскинула брови.

Ничего себе!.. Буквально на днях в одном из шикарных магазинов Нижнего Новгорода Алена купила себе такой же рюкзачок. Совсем простенький, черно-серый, бельгийского производства, с изысканным лейблом «Easy way!» на ляжке, и цена его была немаленькая: полторы сотни евро... Ладно, полторы сотни евро Алену, может быть, не слишком напрягают, а вот для дядьки, вся прочая экипировка которого даже не секунд-, а секунд-секунд-хенд, – это небось вся его месячная зарплата!

«О-о! – подумала наша писательница, в мозгу которой немедленно началось очередное детективное завихрение. – А может, именно этот дядька грабанул нынче «Византию» или «Оникс»? А может, Снежная королева его сообщница? И они только делают вид, будто не знают друг друга?»

В эту минуту за мутным заснеженным окном цепочкой пробежали огни длинного перрона станции Линда, и Алена громко ахнула. На фасаде проплывшего мимо низенького вокзальчика мелькнул циферблат часов, и часы эти показывали половину девятого. То есть последний автобус до деревни Маленькой, являвшейся конечным пунктом Алениного назначения, ушел пятнадцать минут назад...

А может, еще не ушел?! Должно же быть в жизни место чудесам, особенно накануне Рождества!

Алена рванулась вперед, успела проскочить в дверь перед дядькой с рюкзачком, спрыгнула со ступенек и понеслась было по перрону, однако путь ей преградила живописная группа. Группа состояла из двух человек и являла собой Снежную королеву, которую неистово обнимал какой-то высокий мужчина в длинном черном пальто. Звуки сочных чмоканий порою перемежались не менее страстными выкриками:

– Дорогая, наконец-то! Он ничего не заподозрил? Я заждался! Машка не подведет, скажет, что ты у нее? Какое счастье, что ты приехала! Я так долго ждал! Камин, наверное, уже погас! Дорогая, ну обними же меня, обними!

«Дорогая» никак не могла этого сделать – по той простой причине, что ее руки были по-прежнему заняты бессчетным количеством пакетов. Она, бедная, так и стояла, растопырив руки, чтобы не мешать кавалеру проявлять его пылкие чувства.

Алене мигом стал ясен сюжет этой истории. Итак, налицо вульгарный адюльтер. Снежная королева всего лишь неверная жена, которая сбежала из дому встречать Рождество якобы к какой-то Машке,

наверное, подруге или сестре, а на самом деле уехала за тридевять земель к любовнику, который приехал за ней... на чем?

Да определенно на этом вот черном «БМВ», который увидела Алена, выбежав на привокзальную площадь. Ну что ж, машина, достойная прекрасной дамы. И номер какой интересный, ну надо же: три восьмерки.

Ой, а что это за автобус маячит впереди? Не тот ли самый, который ей нужен?!

– Простите, вы до Маленькой? – крикнула она, подлетев к автобусу и заглянув в гостеприимно открытую дверь.

Водитель, тощий смуглый парень, который напряженно разглядывал свои пальцы, как будто пытался обнаружить на них перстни с бриллиантами и очень удивлялся, ничего не найдя, уныло ответил, не повернув головы:

– Ну да.

– Места есть? – спросила Алена, пытаясь заглянуть в салон. – Билеты у вас можно купить или в вокзальной кассе?

– Давай двадцать рублей и садись, – буркнул водитель. – Мест полно!

Алена отдала деньги и пошла по проходу. В салоне было полутемно и полупусто, пассажиров – человек пять, не более того. Все нормальные люди, видимо, уже добрались до дому и сидят за праздничными столами.

Ужасно захотелось есть. Она достала два слегка помятых банана, втиснула рюкзак на багажную полку над своей головой между объемистыми сумками и плюхнулась в кресло.

Большая-пребольшая тетка в норковой шляпе и куртке-«дутьше», сидевшая через проход, подозрительно покосилась на Алену, приподнялась и тщательно осмотрела сумки, меж которых был втиснут рюкзак.

– Извините, – сказала Алена, которая была патологически вежлива, – мой рюкзачок не мешает вам?

Тетка хищно сощурилась и открыла рот с явным намерением отчитать нахалку, но сидящий рядом тощенький невзрачный мужичонка схватил ее за толстопалую ручищу и прошептал:

– Люсенька, ну что ты...

– Ладно, пускай пока полежит, – милостиво сказала тетка.

Что она там везет, в этих своих сумищах? В голове нашей писательницы уже готов был сложиться новый образ гипотетической грабительницы магазинов «Византия» и «Оникс» (уж больно сумки велики), но тут в автобусе появился новый пассажир, и Алена едва подавила желание поздороваться с ним, потому что это был не кто иной, как тот самый мужик из электрички со своим фирменным рюкзачком.

– В Маленькую? – спросил он простуженным голосом. – А когда поедет?

– Да он стоймя стоит вот уже полчаса! – плачущим голосом закричала тетка в «дутьше». – Кого ждем-то?

– Тише, тише, Люсенька, – прошелестел ее сосед, снова погладив ручку, вернее, ручищу подруги.

И Люсенька снова утихомирилась.

– Ну что такое полторы сотни, а я тебя в Маленькую за десять минут домчу! – послышался с улицы отчаянный вопль.

Алена оглянулась и успела увидеть в свете фар желтую облезлую «копейку» (для переводчика – первая модель «Лады»), рядом с которой топталась унылая фигура неудавшегося «чайника».

Да у этой «копейки» куда больше шансов застрять на полдороге, чем у крепенького, проворного «пазика». А вот и «БМВ», кстати: заложил крутой презрительный вираж, мелькнула серебристая шубка на переднем сиденье – и «бумер» растаял в снежной метели, умчал Снежную королеву туда, где в ее честь разожжен камин и, конечно, приготовлено пышное ложе... Ну, дай бог ей растаять в рождественскую ночь только от жарких объятий, и, конечно, чтоб подруга Машка сделала свое дело и отмазала подружайку перед законным мужем, ведь самое главное в жизни – это любовь!

Тем временем новый пассажир плюхнулся на свободное сиденье впереди Алены, затолкав рюкзак под ноги, как недавно в поезде.

Забавный дядька. Если он так обращается с бельгийским дорогим рюкзаком, как же он поступает с вещами отечественного производства? Или это в нем так выражается классовый протест?

По обычаю всех нижегородских (вернее, всех российских!) шоферов, в автобусе было немедленно врублено на полную катушку радио. Разумеется, это оказалось «Авторadio». И после обрывка какой-то мелодии прозвучали последние новости: те самые, которые Алена уже слышала в поезде. Насчет исчезнувшего мальчика, сына олигарха (правда, теперь было добавлено, что отец намерен подать в суд на телекомпанию «Око Волги», корреспондент которой сделал достоянием гласности факт похищения ребенка,

потому что, по мнению господина Федорова, эта информация может вынудить похитителей к непредсказуемым действиям и подвергнуть жизнь его сына опасности!); и насчет заторов на дорогах и неготовности дорожной службы к погодным катаклизмам; ну и самая важная информация, конечно, прозвучала – о том, что до наступления Рождества остается около трех часов...

«Караул! – мрачно подумала Алена. – А впрочем, тут ехать-то не больше сорока минут. Шанс еще есть! А на телекомпанию и в самом деле надо подать в суд. Особенно если с мальчишкой, не дай бог, что-нибудь случится...»

По радио снова грянула музыка, а автобус между тем миновал главную улицу Линды. Мелькнула бензозаправка на самой окраине деревни, потом еще два-три окольных домика – и теперь в окне не видно было ни огонька. Автобус продвигался медленно, вдобавок его временами заносило на промерзлой дороге.

«Интересно, сколько же мы будем такими темпами тащиться? – с тоской подумала Алена, вглядываясь в окно. – И главное, скорость не прибавишь, жизнь дороже...»

Словно почуяв ее мысли, шофер еще сбросил скорость. Вдруг сбоку около дороги замигали разноцветные лампочки.

– Заправиться надо, товарищи! – крикнул шофер, заложив довольно крутой и небрежный вольт, и Алена увидела, что они и впрямь заехали на заправку.

– Да ты ж только что заправлялся в Линде! – возмущенно выкрикнула тетка в «дутьше». – Я сама видела, как ты с бензоколонки выезжал!

– Люсенька...

– Тихо-тихо! – Водитель перегнулся в салон. – Во-первых, у нас здесь законная остановка, мимо проехать и не взять пассажиров я не имею права. Во-вторых, в Линде я залил только бензин. А масла на той заправке не было. Понятно?

Он выскочил из кабины, распахнув двери салона. Метель немедленно юркнула туда и принялась шнырять между сиденьями, проворно хватая своими ледяными пальцами кого за открытую шею, кого за щеку, кого за нос.

Вместе с метелью в автобус проник парень в короткой куртке-дубленке и огромной лохматой ушанке.

– Вот повезло, – жизнерадостно заявил он, сверкая из-под нее глазами. – Успел на автобус! Ну прям рождественский подарок, да?

Люсенька в «дутьше», судя по всему, хотела выразить прямо противоположное мнение, но спутник жизни снова схватил ее за руку, и не было исторгнуто ни единого звука.

Новый пассажир устроился где-то на последнем ряду сидений. Через несколько минут в кабину взобрался водитель, закрыл двери, выглянул в салон:

– Ну, все, дальше пилим без остановок!

Люсенька недоверчиво хмыкнула.

За окном немедленно сгустилась снежная непроглядная муть. «Бедная Инка! – обеспокоенно подумала Алена. – Неужели топчется около магазина на деревенской площади в Маленькой? Какая жалость, что Леонид так не вовремя слег с ангиной и не смог меня встретить на машине в Линде! Надо позвонить Инне, что мы задерживаемся.»

Она вытянула из-под дубленки мобильный телефон, висевший на шее, взглянула на дисплей – и разочарованно присвистнула: обозначение сети отсутствовало.

– Люди добрые! – импульсивно воскликнула Алена. – Не найдется у кого-то из вас сотового, который на этой территории работает? Мне срочно нужно подруге сообщить, что я задерживаюсь, она меня на улице ждет. Я заплачу за звонок!

Все пассажиры, как по команде, повернули головы и уставились на нее. Алена в доказательство благих намерений достала полусотенную бумажку и помахала ею:

– У кого есть мобильный телефон? Пожалуйста, разрешите позвонить!

– Деньги лишние, что ли? – пробормотала Люсенька и отвернулась к спутнику, который уже не выпускал ее ручищу из своей цыплячьей лапки.

Смерив Алену равнодушными взглядами, отвернулись и остальные, а она все сидела как дурочка, помахивая своими денежками. Ее бывший попутчик покосился на купюру, и Алене вдруг показалось, что по его губам скользнула ехидная усмешка. Потом он полез было в карман, но тут же убрал руку, сел, как сидел, отвернувшись к окну.

Автобус снова остановился.

– Это что такое? – так и взвилась Люсенька, с неожиданным проворством выскакивая в проход и явно намереваясь наброситься на водителя. – Опять стоим? А теперь какого черта тебе не хватает?

– Наоборот! – сообщил тот, перегнувшись в салон. – Кое-чего в моем организме наблюдается явный

излишек. Понятно? Я не могу с полным мочевым пузырем ехать, а памперс купить не догадался. Так что две минутки придется подождать.

И он распахнул дверь салона, а потом выскочил из кабины и исчез в снежной темноте.

Но вот две минуты, отпущенные «сделать это дело», истекли, да и пять истекли, а водитель не возвращался. Из двери дуло немилосердно, и кое-где поземка уже намела под креслами крохотные снежные сугробики.

– Да что ж это такое?! – плачущим голосом возопила Люсенька, и на сей раз даже ее укротитель не стал супругу осаживать. – Завез невесть куда – и исчез! Что ж он там делает, изверг?

Кто-то высказался в том смысле, что первоначальные намерения шофера изменились, дело потребовало более обстоятельных размышлений. Еще кто-то резонно возразил, что долгие размышления при такой погоде чреватые непредсказуемыми последствиями: если не отморозишь некоторые жизненно важные части тела, то тебя непременно занесет снегом по самую макушку, поскольку человек, сидящий на корточках, значительно ниже человека, стоящего во весь рост.

– А может, его волки съели? – трагически выкрикнула Люсенька.

– Ну что ты, – прочирикал ее спутник жизни, – откуда здесь волки? Их тут и нету!

– Откуда, откуда! Из леса! – возразил пассажир с переднего сиденья. – Вы, сразу видно, нездешние. Волков тут, в Линде, сколько угодно. По ночам за деревенскими околицами желтые глаза как угольки светятся.

– Вон они, волки! – что было мочи заорала Люсенька, резко поворачиваясь и тыча пальцем в заднее стекло.

Остальные пассажиры тоже обернулись разом, едва не вывихнув шеи, и впрямь увидели два желтых глаза невдалеке.

Надо сказать, первое впечатление было очень сильным...

– Да это машина, а никакие не волки! – вдруг выкрикнул кто-то с облегчением.

И в самом деле: волчьи глаза стали огромными, ослепительными. А потом в свете оставшихся включенными задних огней автобуса мелькнула черная лакированная, изрядно залепленная снегом машина с бело-синим значком на капоте...

Здрасьте! Старые знакомые! Черный «бумер» с тремя восьмерками. Алена озадачилась. Она помнила, что преступные любовники уже обгоняли автобус... А впрочем, мало ли куда им нужно было заехать.

– Слушайте, волки или не волки, а ведь с водилой нашим что-то явно случилось, – решительно сказал парень в ушанке. – Может, ему там худо стало? Или отошел слишком далеко от автобуса и заблудился? Вон метель какая, а?

– Надо посигналить, – сказала Алена. – Водитель, если и в самом деле заблудился, услышит и сориентируется, где нас искать.

Парень в шапке быстро прошел вперед. Перегнулся в кабину, протянул руку к рулевому колесу, однако ожидаемого сигнала почему-то не последовало. Через несколько секунд он обернулся и удивленно сказал:

– А знаете, гудок-то не работает! Вот же гад, а? В рейс идти с неисправным сигналом, в такую погоду, по такой дороге, на ночь глядя... Ох, вернется, я ему покажу!

– Пусть сначала вернется! – резонно возразила Люсенька, и ее спутник жизни неожиданно согласился:

– Вот именно, пусть сначала вернется!

– Да, интересное дело! – пробормотал парень в ушанке, растерянно озираясь. – Что ж теперь делать?

Народ безмолвствовал.

– Может, покричать? – предложила Алена.

– Ау! – дурашливо заблажил кто-то из пассажиров, но тотчас сконфузился и умолк.

Парень в ушанке только головой покачал с досадой:

– Да не здесь! Какой смысл орать в автобусе? Надо на улицу выйти.

И выскочил вон.

Спустя некоторое время он забрался обратно и прохрипел разочарованно:

– Никакого толку.

– Да ты ж не кричал! – возмущенно воскликнула Люсенька.

– Ничего себе не кричал! – возопил парень и закашлялся. – Вон, голос сорвал. Ветер, снег, звук моментально глохнет.

– Пустите меня, уж я крикну, так крикну! – Люсенька с бойцовским огнем в глазах ринулась к выходу.

Укротитель влачил за ней с привычным стоном:

– Люсенька, тише...

– Да без толку одному глотку рвать, – махнул рукой парень в ушанке. – Чтобы этот ветер одолеть,

нужен целый хор! Нет, ну что вы так смотрите на меня? – сердито обозрел он оторопевших пассажиров. – Дело-то общее, всем дальше ехать надо!

Мгновение поразмыслив, народ молчаливо согласился и начал пробираться наружу. Дольше всех задержался Аленин попутчик из электрички. Он даже еще глубже осел, совсем вжался в сиденье.

– Вам что, особое приглашение нужно? – скандальным голосом выкрикнула Люсенька, завидев это.

Тяжко вздохнув, мужик начал выбираться со своего насиженного местечка. Алена как раз в это мгновение проходила мимо. Посмотрела на его руку, схватившуюся за спинку переднего сиденья, и невольно споткнулась. Быстро оглянувшись, но ничего нового не увидела: заросшие щетиной щеки, черная засаленная шапчонка, надвинутая на лоб, мрачный взгляд исподлобья.

Алена прошла к выходу и спустилась с занесенной ступеньки, угодив прямым в сугроб. Поскорей нагнулась и отогнула отвороты сапог. Не хватало еще начерпать снегу, который потом растает и промочит носки. Это удовольствие редкостное, особенно когда на дворе градусов пятнадцать мороза и неизвестно, когда сможешь переобуться...

– Ну что, все здесь? – спросил парень в ушанке, вошедший в роль неформального лидера и озирающий пассажиров с видом заботливой наседки, пересчитывающей своих цыплят. – Тогда все вместе давайте... Нет, погодите, повернитесь в разные стороны, чтобы звук дальше отлетал.

– Чего кричим-то? – спросила Люсенька. – Ау? Эй? Ого-го? Мы здесь?

Последовал короткий спор, какой именно крик окажется наиболее действенным. Наконец достигли консенсуса и решили орать «Мы здесь!».

– На счет «три»! – велел лидер. – Раз, два... три! Мы где-есь!

– Мы где-есь! – заблажили остальные.

Никакого эффекта. Умолкнув, все напряженно вслушивались в завывания ветра.

– Нет, это не дело, – озабоченно сказал лидер. – Надо немножко рассредоточиться вдоль автобуса и кричать постоянно, минуты три подряд. Потому что такой короткий крик никакой возможности сориентироваться не дает. Только, ради бога, никто от автобуса не отходите, а то еще не хватало кому-нибудь тоже потеряться.

Придерживаясь за грязные, с налипшим снегом стенки автобуса, пассажиры рассредоточились и принялись орать кто во что горазд, пока то один, то другой не начали заходиться кашлем.

– Я не могу больше! – осипшим голосом сообщила наконец Люсенька и вскарабкалась на подножку, волоча за собой своего мужчину, который от криков совсем ослабел и еле шел, заплетая ногу за ногу. Вслед за ними начали подниматься в автобус и остальные, сметая с себя снег, громко кашляя и сообщая, что они думают обо всем случившемся вообще и о пропавшем водителе в частности.

Те, у кого были термосы, немедленно достали их и принялись смачивать горло. Двое использовали для этой же цели содержимое водочных бутылок. Мужик из электрички плюхнулся на свое место и безучастно отвернулся к окну. Видимо, ни термоса, ни бутылки у него не было.

– Эй, а где этот, как его? – вдруг громко спросила Люсенька.

– Кто? – слабо выдавил спутник жизни.

– Ну этот, который нас кричать заставлял?

А и впрямь: неформального лидера в автобусе не было.

– Сейчас придет небось, – предположил кто-то из пассажиров, однако ни сейчас, ни через несколько минут томительного ожидания парень в ушанке не появился.

– Да что за напасть? – закричала Люсенька. – Сначала один, потом второй... Главное, всех из автобуса выгнал, а сам пропал... Стойте-ка! – вдруг вскрикнула она. – А ну-ка, проверьте свои вещи! Может, он воришка какой? Может, он нарочно все это затеял?

Пассажиры суетливо принялись проверять свой багаж. Люсенька, у которой этого багажа было больше, чем у прочих, металась вдоль полок, шевеля губами и загибая пальцы сначала на одной, потом на другой руке.

Попутчик из электрички заглянул под сиденье, попинал для надежности свой рюкзак и с прежним равнодушием уставился в окно. Алена тоже поддалась было всеобщей подозрительности и хотела посмотреть, на месте ли ее немудреный багаж, но Люсенька сновала туда-сюда по проходу и мешала.

«Ладно, куда он денется!» – легкомысленно подумала писательница.

– Да вроде ничего не пропало, – сообщил кто-то из пассажиров.

Его поддержали несколько голосов.

– Неужели? – выкрикнула Люсенька торжествующе. – Пропало! Я же говорила! Говорила, что он ворюга!

– Господи! – обморочно простонал ее охрипший от крика мужчина. – Не томи! Говори! Что пропало-

то?..

– Вон той девушки рюкзак! – Люсенька ткнула пальцем в Алену.

Наша писательница, давно уж перешагнувшая бальзаковский возраст, с особенной нежностью относилась к людям, которые называли ее девушкой. Однако сейчас было не до признательных улыбок. Она вскочила и внимательнейшим образом оглядела полку, на которую втиснула меж Люсенькиных вещей свой рюкзак.

– Да, – растерянно проговорила Алена. – То есть нет. В смысле, рюкзака и правда нет. Ну надо же, а?!

– Вот именно! – возбужденно воскликнула Люсенька. – Я сразу поняла: что-то не то! Потом вспоминаю: мама дорогая, синяя сумка есть, красная есть, а между ними ведь что-то черное торчало... У тебя рюкзак черный был, правильно?

– Черный, – уныло кивнула Алена.

– Импортный небось?

– Импортный.

– Конечно, сразу понятно, что импортный, на нем что-то не по-русски написано было!

Право слово, Люсенька оказалась редкостно наблюдательна!

– Не по-русски, – в очередной раз кивнула Алена. – Написано было по-английски: «Easy way!», это означает «Легкой дороги!».

Попутчик из электрички, доселе безучастно смотревший в окошко, вдруг подскочил, сунулся под сиденье и выволок на свет божий собственный рюкзак. Близко поднес его к лицу, как будто хотел обнюхать, помял так, что в нем что-то громко захрустело, а потом растерянно уставился на Алену.

– Да вот же он, рюкзак! – радостно заорала Люсенька. – Вот он! Нашелся! Ты зачем его под сиденье сунул? Девушку нервничать заставил, мы тут все переживали... Отдавай девушке ее рюкзак!

Попутчик проворно спрятал рюкзак за спину от Люсенькиных цепких ручек и тихо, каким-то извиняющимся тоном сказал:

– Это мой рюкзак.

– Чего? – проревела Люсенька, всем телом подавшись к нему. – Как это твой: черный, буквы импортные! Отдавай рюкзак девушке!

– Это его рюкзак, – устало подтвердила Алена. – В самом деле. У нас рюкзаки оказались одинаковые, я еще в электричке заметила. Мы в одном вагоне ехали.

Попутчик метнул на нее быстрый темный взгляд исподлобья, потом, прижав рюкзак к груди, вдруг бросился к выходу.

– Куда вы? – испуганно вскрикнула Алена. – Что случилось?

– Надо остановить того человека! – на миг обернулся попутчик. – Который украл ваш рюкзак! Он не мог далеко уйти!

– Ошалел? – хохотнула Люсенька. – Остановишь его, как же! Ищи ветра в поле!

И тут вместе с очередным порывом упомянутого ветра в кабину вдруг влетел... нет, не похититель Алениного рюкзака, как можно было бы подумать. Пропавший водитель!

– Приветик! – вскрикнул оживленно. – Вы меня небось потеряли, ребята?

Он смахнул с волос снежную пыль, похлопал себя по груди.

– Прощу пARDону. Сошел с дороги, мигом в сугробе увяз, пошел не в ту сторону, сразу потерял правильную сексуальную ориентацию! – Он хихикнул, весьма довольный собой, но тотчас уловил общий пассажирский настрой и, обхватив себя за плечи, демонстративно зацеловал зубами. – Ох, задубел я! Думал, уже все, молитвы последние читать придется! В этой пуржище не видно ни хрена. Слава богу, услышал, как вы орете, наконец-то сообразил, куда идти. Сейчас домчусь с ветерком!

Он начал было перебираться через перегородку, отделяющую салон от кабины, и в это мгновение Аленин знакомец из электрички вскрикнул:

– Погодите! Мы не можем ехать!

– Это еще почему? – изумленно уставился на него водитель.

– Вон у той девушки рюкзак пропал, – кивнул на нее попутчик.

– Не понял? – удивился водитель. – Как у девушки пропал рюкзак?!

– Вот такой же у нее рюкзак был, – он потряс в воздухе своим, – ну и пропал невесть куда.

– И совсем не невесть куда! – вмешалась Люсенька. – Его тот парень спер, которого ты на бензоколонке посадил. Вот как подаст она, – кивок в сторону Алены, – на тебя в суд, потребует возмещения ущерба – будешь знать, как кого ни попадая на дороге подбирать!

– Елы-палы! – простонал водитель, отирая лоб, и видно было, что его и впрямь бросило в пот. – Это что ж на белом свете делается? В моем автобусе какие-то с-сволочи крадут вещи? – И он яростно стукнул по

рулевому колесу.

Клаксон взревел.

– Так он работает? – выкрикнул кто-то из пассажиров.

– А почему бы ему не работать? – изумился шофер.

– Ну тот, воруяга, уверял, что гудок не работает. Ах, аферист!

– Слушай, у тебя в рюкзаке что-то ценное было? – перегнувшись через пышные колени супруги, спросил у Алены Люсенькин муж.

– Да нет, не особенно, – пожалала она плечами. – Рождественские подарки подруге и ее мужу, ну, кое-какая вкусная еда: ананас, манго, семга малосольная в вакуумной упаковке, баночка икры... конфетки шоколадные... А кошелек, паспорт, ключи у меня в карманах куртки, мобильник вот на шее висит. – И в доказательство она подергала за шнур. – Так что... ну, жалко, конечно, но подруга, надеюсь, меня простит.

И тут она вспомнила, что ее несчастная подруга, очень может стать, все еще стоит, занесенная по самую макушку снегом, посреди маленькой площади деревни Маленькой, и даже руками всплеснула:

– Ой, поехали скорей! Поехали!

– Поехали! Поехали! – раздалась голоса тут и там, но мужик из электрички вдруг пробежал через салон, потрясая своим рюкзаком, и встал на ступеньках, бормоча:

– Ну как же так? Мы уедем... а вещи этой девушки? Нет, я не поеду дальше. Я сойду!

Алена воззрилась на него вытаращенными глазами. Аналогично смотрели и все остальные пассажиры.

– Не сходите с ума, – сказала она как могла спокойно. – Мои друзья простят мне отсутствие подарков, я же сказала! А рюкзак я вполне смогу новый купить, велика проблема!

Попутчик не слушал.

– Какая подлость! – твердил он, топчась на ступеньке. – Нет, какая подлость, а?

Он ударил кулаком по дверце, и Алена снова обратила внимание на его руки.

Что бы все это значило, интересно знать?..

Ладно, у нее еще будет время поразмышлять обо всем этом на досуге. А пока...

– Поехали, а? – попросила она водителя. – Черт с ними, с моими вещами, но сколько можно мучить людей?

Водитель пощелкал какими-то штучками, повертел руль и вдруг сообщил, что не может завести мотор. То есть он-то готов ехать дальше, всей душой готов, однако автобус почему-то ехать не хочет.

– Издеваешься? – раздалась выкрики. – Ты что, очумел? Да хоть бы двери закрыл, мы ж тут уже задубели все!

Двери, однако, закрыть водитель не мог, потому что на подножке все еще топтался возмущенный владелец рюкзака-близнеца и продолжал причитать насчет человеческой подлости.

И вдруг что-то защекотало Аленин живот. Словно бы какое-то уютное, стрекоушее существо ползало по свитеру под дубленкой, мелодично напевая мелодию танго «Брызги шампанского».

Боже! Да ведь это Аленин мобильный телефон звонит! Вибрирует и звонит! Ожил! Значит, только на передачу он здесь не работает, а сигнал принимает. Наверное, Инна.

Совершенно верно!

– Инна, дорогая! – Алена распахнула дубленку и подтянула телефон к уху. – Я в такую передрыгу попала, ты не представляешь!

– Кажется, представляю, – донесся голос подруги. – Судя по тому, что автобуса до сих пор нет, он где-то застрял?

– Да! – в отчаянии выкрикнула Алена. – Тут вообще столько всякого случилось, что я совершенно не представляю, когда до вас доберусь. Погоди-ка. Водитель, послушайте! Это звонит моя подруга. Она может вызвать машину техпомощи.

– Техпомощь! – хохотнул водитель. – Какая может быть техпомощь в десять вечера перед Рождеством?! Да все мужики уже под лавками валяются, в зююю пьяные. Будем сами справляться.

И он принялся терзать стартер.

– Девушка! – позвал кто-то из пассажиров.

Алена за этот вечер настолько привыкла в подобном обращении, что уже отзывалась без всяких сомнений и колебаний.

– Девушка, а нельзя вашу подружку попросить, чтоб ко мне домой позвонила? – попросила плачущим голосом молодая женщина, сидевшая в первом ряду. – А то у меня мужик такой ревнивый, спасу нет!

– И ко мне пусть позвонит, а то мне теща потом всю плешь проест!

– Ой, говорите ей все это сами, – засмеялась Алена, – а то я что-нибудь обязательно перепутаю.

Ее телефон пошел по рукам. Все приняли участие в переговорах с Инной, а Алена исподтишка

поглядывала на попутчика, который все так же торчал в дверях.

– Эй, водила! – вдруг воскликнул кто-то. – Вон машина приближается! Выйди, махни, вдруг там человек получше тебя в моторах петрит?

– Она не приближается, а удаляется, – резонно сообщил водитель. – Да и ладно, мужики, нашел я поломку, сейчас исправлю, все будет в порядке.

– Что, скоро поедем? – раздался недоверчивый вопрос.

– Уже, считай, едем! – откликнулся водитель и обратился к стоявшему в дверях человеку с рюкзаком: – Все в порядке, ладно переживать, поехали.

Тот зачем-то выглянул из дверей, словно все еще не мог решить, что делать: сойти или остаться, но потом все же поднялся в салон и уселся на своем прежнем месте, прижав к себе свой рюкзак.

И автобус тронулся! В самом деле – тронулся!

Люсенька, которая в это время как раз давала Инне руководящие указания, вернула Алене телефон. Та поднесла трубку к уху.

– Алло, Алена? – перепуганным шепотом спросила подруга. – Ты меня слышишь? Они мне там столько всего наговорили, что я ни одного адреса не запомнила. Я перепутаю все, я никуда не пойду!..

– И не ходи, – усмехнулась Алена. – Все, уже наладили наш автобус. Поехали мы. Но погоди, не отключайся. У меня к тебе вопросик.

Она прошла на задний ряд кресел, забила в уголок, да еще ладонью загородилась, чтобы никто ничего, не дай бог, не услышал, и задала свой вопросик. Вернее, несколько вопросиков.

– С ума сошла, – растерянно сказала Инна, выслушав подругу. – Ладно, я попробую...

Алена спрятала телефон под дубленку и повернулась к заднему окну. Вдали маячили два желтых глаза. Алена усмехнулась. Если она правильно понимает ситуацию, их сейчас должна нагнать машина, но это будет уже не черный «бумер», конечно... Ага, вот и машинка. Ну-ка, что там? Ого, знакомая желтая «копейка».

Погоди, не заносись, писательница Дмитриева. Ситуация разрешится только в Маленькой, и очень может статься, что ты, как всегда, слишком доверилась своей разнузданной фантазии. Ох, скорей бы позвонила Инна.

Они ехали уже минут двадцать в сонном оцепенении и молчании (у всех пассажиров, видимо, наступила реакция на тот небольшой шок, который пришлось недавно испытать), когда телефончик на Алениной груди снова ожил. Алена успела схватить трубку прежде, чем мобильник разразился «Брызгами шампанского».

– Алло? Инка, ты?

– А кто еще? – послышался взволнованный голос. – Ну, тебе повезло. Я все узнала! Слушай.

– Инночка, ты... самая лучшая на свете, – сказала Алена прочувствованно, когда подруга умолкла. – Мы уже минут через десять или пятнадцать приедем, наверное, только ты меня не встречай, ладно? Мне будет проще тут разобраться одной. Не беспокойся, дом ваш я найду, я отлично помню дорогу. И скажи Ленке, пусть уже вытащит шампанское из холодильника. Я не люблю перемороженное, ты же знаешь.

Автобус въехал в Маленькую не через десять, а через семь минут, и развернулся около заметенной чуть ли не под самую крышу остановки.

– Прибыли! – выкрикнул водитель, отметив торжественный момент длинным гудком, а потом распахнул двери. Народ начал выгружаться, однако первым умудрился выскользнуть бывший попутчик из электрички, прижавший к сердцу черно-серый рюкзак.

Алена продолжала сидеть. Строго говоря, ей тоже следовало выскочить как можно скорей, но, в-первых, она упустила момент, и теперь весь проход был загорожен Люсенькиными сумками, а во-вторых, Алену вдруг затрясло от волнения.

«Да ладно! – сказала она себе. – Даже если ты ошиблась – ну что в этом такого?!»

Для нее – ничего. Но это означает, что для того, другого человека поездка обернется горем и отчаянием...

– Чего сидишь? – полуобернулась к ней Люсенька, которая как раз закончила сгружать с багажных полок сумки. – Переживаешь?

– Да, – честно призналась Алена, которая и в самом деле переживала. Даже очень!

– Слушай... – Люсенька запнулась и потупила глаза. Эта застенчивость в восьмипудовом теле выглядела невероятно трогательно! – Мы от родни с Киева едем... У меня, конечно, мангов с ананасами нету, но, может, возьмешь салца украинского и колбаски домашней? Кровяная, с гречкой! Ты не думай, мы же все понимаем! А чтоб про семгу не сокрушаться, я тебе чехони дам свежепосоленной. Чехонь днепровская, ну просто сладкая!

– Люсенька!.. – Алена, нервы которой были на пределе, вдруг так растрогалась, что привскочила и обняла толстуху. – Спасибо тебе огромное, но ты не беспокойся обо мне. Ничего не нужно.

– Понятно, – протянула Люсенька, делая губы в ниточку и неодобрительно оглядывая Алену. – Сала с колбасой не ешь, да? Фигуру соблюдаешь? Ну давай, давай, соблюдай, дособлюдалась вон до того, что Рождество праздновать к подружке едешь, к чужой семье притуляешься, своей не завела. А я на ночь пельмени ем и сало с утра, и кровяную колбасу на обед, и кожа гладенькая, и мужик при мне мой, мой собственный!

Она выдернула из сиденья спутника жизни и воздвигла поверх баррикады сумок как венец своих жизненных достижений.

Алена кивнула молча, признавая свое поражение. А и в самом деле, ну что тут скажешь?

Люсенька вытаскивала свое движимое и недвижимое имущество просто невыносимо долго. Алена истерзала ногтями ладони, пока дождалась своей очереди выйти. Но вот наконец-то путь был свободен, и она сорвалась с места и выскочила вон, с наслаждением вдыхая напоенный морозом воздух.

Метель утихла, и сразу словно бы занавес раздвинулся над красотой земной и небесной. Нарисовался праздничный, рождественский узор созвездий – это на небесах, а на земле ярко загорелись фонари, освещающие небольшую уютную площадь перед деревенским магазинчиком. Алена окинула площадь взглядом – и вздохнула с облегчением, потому что прямо под фонарем увидела то, что так надеялась увидеть, надеялась, но все же боялась, что ошибается.

Некоторое время она постояла, умиленно наблюдая за своим бывшим попутчиком, который одной рукой прижимал к себе мальчишку лет двенадцати в грязной джинсовой куртке, а другой неуклюже держал черно-серый рюкзак, а потом медленно приблизилась к ним, краем глаза отметив, что коренастый человек, нервно куривший рядом с желтой «копейкой», насторожился и даже отбросил сигарету.

Алена успокаивающе улыбнулась ему и, осторожно потрогав за плечо попутчика, сказала негромко:

– Извините, Валентин Михайлович... Мне очень неловко вам мешать в такую минуту, но... если мой рюкзак вам больше не нужен, может, отдадите его мне?

Он обернулся и уставился на Алену влажными, измученными глазами. Мальчик высунулся из-под его руки. Лицо у него было усталым и зареванным, однако в глазах уже заплескалось любопытство:

– Пап, кто это?

– Извините, Валентин Михайлович, – повторила Алена. – Но меня подруга ждет. Поэтому...

– Вы меня знаете? – спросил этот человек.

– Читала в газете интервью с Валентином Михайловичем Федоровым, но вас никогда в жизни не встречала. Слышала по радио информацию о похищении вашего сына, но все концы с концами связала только сейчас, когда увидела вас вместе с мальчиком.

– Связали концы с концами? – повторил Федоров. – Но как вы вообще догадались?

– Неважно, – усмехнулась Алена. – Вам сейчас не до детективных штучек, верно? Ваш сын...

– Я в порядке! – гордо сказал тот.

Федоров крепче приобнял мальчика:

– Мы оба в порядке, верно, Ванька? Они не причинили ему никакого вреда, только напугали. Они не жестокие люди, просто... гнусные мелкие воришки. Из-за каких-то двухсот тысяч баксов так влипли, что теперь долго не очухаются.

– Значит, я правильно поняла – в рюкзаке были деньги? – оживилась Алена.

– А, ну ясно: это рюкзак меня выдал? – улыбнулся Федоров.

– В том числе, – кивнула Алена. – Нет, я сразу-то ничего не поняла, только удивилась немножко: уж очень рюкзак из общего вашего образа выбивался.

– Эти люди, которые похитили Ваню, приказали, чтобы я был одет как можно проще. Чтобы ничем не выделяться среди пассажиров сельской электрички, – пояснил Федоров. – Мол, едет мужик с рюкзаком да и едет. Я старательно подобрал «гардероб»: куртку и боты нарочно купил на Среднем рынке – знаете, там всякое старье продают? Штаны занял у соседа: он в них в огороде летом возится. А рюкзак... Это Ванькин рюкзак. Мне с ним было как-то... легче.

Федоров посмотрел на Алену с извиняющимся выражением.

– Easy way! – сказала она. – Я понимаю.

– Но я чувствовал, что он бросается в глаза, поэтому и прятал его под сиденьем: то в электричке, то в автобусе. А что, кроме рюкзака, вызвало ваши подозрения? – с любопытством спросил Федоров.

– Еще меня ваши руки удивили, – усмехнулась Алена. – Ухоженные ногти, руки явно привыкли к перчаткам, а сами пальцы длинные, музыкальные – на полторы октавы! И я вспомнила, что читала в интервью с вами: вы учились в консерватории, сын ходит в музыкальную школу.

Отец и сын, не сговариваясь, вытянули руки и показали Алене сильные, узкие ладони с длинными, очень гибкими пальцами.

– Это у нас фамильное, – сказал Федоров с гордостью. – Мой дед был знаменитый пианист, преподавал в консерватории, кому только не аккомпанировал! Отец тоже играл на рояле – в оркестре нашего Нижегородского оперного театра. И пальцы у всех у нас – ну просто вылитые, один в один! Но я вас опять перебил.

– Да ну, ерунда, – небрежно пожала плечами Алена. – Еще я напряглась, когда вы как бы дернулись мобильник достать... Помните, я попросила сотовый у пассажиров? Все на меня смотрели, как на ненормальную, а вы с трудом удержались, чтобы таким привычным жестом не сунуть руку в карман. Впрочем, дело не только в этих зацепках, я на них не больно-то обращала внимание, разве что мимоходом отмечала. Просто странностей было как-то многовато для одного отдельно взятого рейса, а по-настоящему, если честно, я насторожилась, когда вы стали требовать искать парня, укравшего мой рюкзак. Это было неестественно... как-то переизбыточно-благородно. То есть не с чего было так завестись человеку случайно! Ведь никаких особенных ценностей у меня не пропало, но вы были просто в отчаянии. И я заметила, как вы были обескуражены, когда я описывала свой рюкзак, похожий на ваш, словно брат-близнец. Как будто вы сообразили, что мой рюкзак взяли просто по ошибке, вместо вашего... Теперь я понимаю, что все игрища вокруг заблудившегося водителя были устроены лишь затем, чтобы без помех, незаметно забрать ваш рюкзак! А сначала я понять ничего не могла. Но когда вернувшийся водитель начал возмущаться и требовать, чтобы искали того парня, многое стало ясно. Что водитель в этой нечистой игре замешан, я не сомневалась. Ведь он, минут двадцать проведя в эпицентре вьюги, влез в автобус с легкими снежинками на волосах. Он должен был в снеговика превратиться! Значит, он где-то в укрытии отсиживался все это время. В каком укрытии? Скорее всего, в автомобиле. Автомобиль там мелькал, да... Причем, что характерно, на байковой кофте водителя виднелись влажные пятна, да и волосы были сырые. Значит, сначала его крепко замело снегом, потом он где-то в тепле посидел, снег на нем растаял, а потом он опять вышел в метель и быстро добежал до автобуса. Я вспомнила, что автомобиль обогнал нас минут через пять-семь после того, как водитель вышел на дорогу. Видимо, между сообщниками произошла какая-то нестыковка во времени. Ну а уж вовсе подозрительно стало мне, когда водитель поддержал вас и потребовал, чтобы мы начали искать похитителя моего рюкзака. Конечно, он знал, что этот парень где-то недалеко: видимо, в той же машине, где он сам отсиживался. И что они там сразу откроют рюкзак и обнаружат, что он не деньгами набит, а всякой ерундой. И постараются любым способом заполучить нужный рюкзак. То-то водитель время тянул, делал вид, будто автобус сломался, а вы маячили на подножке, выставив свой рюкзак за дверь! В конце концов, они забрали ваш рюкзак, а мой вернули. Впрочем, эти люди, которые были поделниками водителя и вора, здорово рисковали, – продолжала она. – Ведь парень в том случае, если сразу украл бы именно ваш рюкзак, мог бы запросто смяться с ним.

– Этот парень и был организатором всей игры, – сказал Федоров, осторожно поглаживая прижавшегося к нему сына. – А в автомобиле как раз ждали исполнители.

– Как? – удивилась Алена. – Этот парень? Но разве... Это было бы слишком рискованно с его стороны – соваться вам в глаза. Ведь это ваш заместитель, да? Петр Перфильев, так, кажется, его зовут?

Федоров вытаращил на нее глаза:

– Откуда вы о нем знаете?!

– Извините, а документики нельзя ли у вас попросить, девушка? – вдруг раздался голос за спиной, и Алена, обернувшись, увидела того самого коренастого человека, который несколько минут назад нервно курил рядом с желтой «копейкой».

– А ваши документики нельзя ли? – спросила она в свою очередь, ни чуточки не сомневаясь в том, что они будут предъявлены, и это окажется удостоверение работника милиции.

Она почти не ошиблась. Майор Константинов служил не в милиции, а в ФСБ.

Алена, в свою очередь, показала Константинову паспорт и не удержалась, съехидничала:

– Вы не пугайтесь, я ни в каком криминале не замешана, вот разве что детективы пишу.

– Еще неизвестно, что хуже, – проворчал майор Константинов.

– Детективы пишете? – восхищенно воскликнул Ваня.

– Вы что, знакомы с Перфильевым? – строго поинтересовался майор.

– В жизни не видела. Однако черный «БМВ» под номером «В 888 МН», который сегодня то и дело маячил вокруг нашего автобуса, зарегистрирован на его имя, верно?

– Круто! – выдохнул Ваня.

– А откуда вам известно про машину Перфильева? – не унимался майор. – Кстати, здесь что-то холодновато, ветерок задувает. Может быть, пройдем в мою машину? – Он указал на «копейку».

– Только не бросай меня в терновый куст! – хихикнула писательница.
– Что-о? – Майор напрягся.
– Это из сказки дядюшки Римуса, братец Кролик говорит братцу Лису, – пояснил Ваня.
Слава богу, что не все дети играют исключительно в компьютерные игры!

– Нет, в вашу машину я не пойду, по-моему, на дворе прекрасная погода. А что до моей осведомленности, то я на номер и на машину внимание обратила просто случайно. И показалось странно, что этот «БМВ» слишком долго шныряет по проселочной дороге рядом с нашим автобусом. Ваша «копейка» мелькнула значительно позднее, когда история уже близилась к развязке. То, что вы замешаны в эту игру, я поняла, когда вас увидела уже здесь, в Маленькой.

– Майор хотел избавить меня от излишнего риска, – сказал Федоров. – Поэтому и изображал таксиста в Линде. Но я ничего не понял, я твердо помнил инструкцию, которая была дана мне похитителями: ехать в третьем вагоне электрички, потом на рейсовом автобусе до Маленькой, никаких машин, только автобус, а в пути они сами найдут способ забрать у меня рюкзак. Разумеется, они знали его приметы – от цвета до надписи. Еще мне было сказано, что, если будет замечен милицейский «хвост», Ваньке конец... Я не знал, что его в это время уже нашли, он уже был свободен. Мне было бы легче выдержать и эту пытку в автобусе, и спектакль с рюкзаком, если бы я знал, что с сыном все в порядке. Но зато преступники были взяты с поличным.

– Однако я хотел бы уточнить насчет Перфильева, – гнул свое майор Константинов.

– Да что тут уточнять? – нетерпеливо передернула плечами Алена. – Я запомнила номер машины, а когда мне позвонила подруга, я ее попросила узнать, кому этот «бумер» принадлежит. И заодно – связан ли как-то владелец этой машины с бизнесменом Федоровым. Это, конечно, был чисто интуитивный ход, просто случайное озарение, но озарило меня, как выяснилось, не зря.

– Во-первых, зря, – ехидно ответил майор. – Зря, потому что Перфильев три дня назад заявил о краже своего автомобиля. Машину угнали, чтобы запутать следы, но, наоборот, приблизили нас к разгадке. А во-вторых...

– Если это не военная тайна, – попросила писательница, – расскажите, кто именно похитил Ваню!

– Пока идет следствие, никаких комментариев, – с откровенно садистским удовольствием развел руками майор.

– Тут замешан троюродный брат моей бывшей жены, – вмешался более милосердный Федоров. – Он жил в Саранске, так что я его сегодня впервые в жизни увидел, поэтому и не узнал, когда он появился в автобусе. Он и познакомил мою жену с ее теперешним мужем, у них был общий бизнес: ну знаете, торговля турецкой дешевкой. После того как моя бывшая жена Неля окончательно перебралась на новое место жительства, дружба между ними еще окрепла, но когда этот братец своему компаньону задолжал, тот «включил счетчик». Ну, родич мой и решил разом все дела поправить. Про Перфильева, я так понимаю, он от Нели слышал, вот и решил украсть его машину, чтобы всех со следа сбить.

– Ну надо же, у них ведь целая преступная банда! – покачала головой Алена. – Этот брат, потом водитель, и Снежная королева, которая с нами в одном вагоне ехала и следила за вами, я правильно поняла? И еще любовник, который ее встречал, – это ведь они потом ехали в «БМВ»?

– Правильно, – кивнул Федоров. – Только любовник – он и есть братец моей жены, потом он же изображал пассажира с бензоколонки. Водителю просто пообещали приличные деньги, если он будет следовать инструкции. Еще в деле замешана была подруга моего так называемого родственника. Она и вела «БМВ» вслед за автобусом. Эта сцена на перроне была, конечно, нарочно разыграна, для отвода глаз.

– Однако я желал бы уточнить... – продолжал настырный майор Константинов.

– Откуда я узнала про Перфильева, – перебила Алена. – Но я же уже сказала, что мне помогла подруга. Она – председатель коллегии адвокатов. Кроме того, мой хороший знакомый – Лев Муравьев, начальник следственного отдела городского УВД. Прошлым летом он мне, можно сказать, жизнь спас... Но это, как говорится, совсем другая история. Инну, подругу мою, он тоже хорошо знает.

– Знаю я Инну Викторовну, – мрачно кивнул майор Константинов. – И Муравьева знаю. Я, конечно, у них еще уточню насчет вас...

– Нет проблем, – радостно сказала Алена. – Например, у Инны можно удостоверить мою благонадежность прямо сейчас. У нее тут дом. Они с мужем меня ждут. – Она взглянула на часы и невольно вскрикнула: – Боже мой! Да ведь уже одиннадцать! Рождество через час! Нет, в самом деле, пойдёмте к Инне? Вам же ни в жизнь не успеть до Нижнего Новгорода допилить на этой колымаге до полуночи! – Она пренебрежительно кивнула в сторону желтой «копейки».

Майор презрительно усмехнулся:

– Не все то золото, что блестит!

– Вы что? – страшным шепотом произнес Ваня. – Детективы только пишете, но не читаете? Разве вы не знаете, что на милицейских машинах всегда установлен мотор от «Мерседеса»?

Майор важно кивнул.

– Спасибо за приглашение, – сказал Федоров. – Я бы с удовольствием, правда...

Он замялся, и Алена вдруг почувствовала, что он говорит правду! Ему и в самом деле хочется остаться!

– Я бы с удовольствием, – кашлянув, повторил Федоров. – Но нас ждет моя мама, Ванина бабушка. Представляете, как она беспокоилась все это время? Мы ей, конечно, позвонили, что все в порядке, но сейчас она нас ждет, стол накрыла. Так что... – Он неловко протянул Алене рюкзак. – К сожалению, до свидания.

– Ничего, не переживайте, – буркнул майор. – Мы ее вызовем как свидетеля по вашему делу. Там и повидаетесь.

– Ой, поехали скорей! – запрыгал Ваня. – Бабушка же ждет. И я вдруг так есть захотел! Нам с Украины колбасу прислали! – сообщил он Алене. – Домашнюю, кровяную, с гречневой кашей. Такая вкуснотища, особенно когда она поджаренная, только со сковородки... – Он громко сглотнул слюну. – Я ее обожаю. А вы?

Алена убрала за спину рюкзак с ананасом.

– Я тоже, – ответила она, ничуть не покривив душой.

Мария Брикер

Кастинг на чужую роль

Вот тварюга пернатая! – выругался Шалинский, брезгливо вытирая носовым платком липкий птичий помет с воротника куртки. – Не успел из дома выйти, и нате вам, весь в «гуане». Хотя... в народе вроде бытует примета, если птица нагадила на плечо, то это означает... Означает это... – Примета вертелась в голове – Шалинский напряженно задумался. «К счастью? Или к деньгам?» – предположил он, но ошибся, потому что в этот момент ему на голову упал кирпич...

* * *

«Таял снег, пачкая тротуары лужами и убегая веселыми ручейками в ржавые дождевые сливы. На деревьях беременели почки, обласканные мартовским солнцем, пели птицы, нежно пахло весной. Весна вползала в душу, тревожила сердце, распухала яркими бутонами тюльпанов в сердце. Любовь...

Любовь, как всегда, опаздывала. Уже на полчаса. Но Варя терпеливо стояла у входа в кинотеатр, рассеянно теребила ремешок сумочки и ждала. Он подошел сзади, дотронулся до плеча. Варя резко обернулась, обрадовалась, бросилась любимому на шею – он мягко ее отстранил.

– Мне нужно с тобой поговорить, – сказал любимый, разглядывая свои модные ботинки из змеиной кожи.

– Да? Говори тогда, – подбодрила Варя, почему-то ощущая неловкость от того, что он разглядывает свои ботинки.

– Сейчас скажу.

– Ну говори же, говори.

– Да не дергай ты меня! – разозлился он, его взгляд скользнул по ее лицу и вновь сосредоточился на ботинках. – Понимаешь... Мы больше не можем... встречаться. Я не люблю тебя, прости. Ты милая, славная, но у меня другие планы».

– Вот урод! Да пошел ты со своими планами! Тьфу на тебя! Тьфу на тебя десять раз! Придурок штампованный. Штампы, сплошные штампы и розовые сопли. Вера! Где мой утренний кофе? Немедленно! Сию минуту принеси мне кофе! – Ангелина Заречная со злостью скомкала листы, исписанные изящным витиеватым почерком, и зашвырнула в угол комнаты, где кучкой лежали их братья-близнецы. Начать новый роман никак не получалось. Точнее, получалось, но выходило банально, а Ангелина Заречная, модная писательница современных любовных романов в стиле чик-лит,^[1] светская красавица... бальзаковского возраста, ненавидела пошлость. Так она считала. И в интерьере ее квартиры не было ни одной тривиальной вещи, включая домработницу.

В комнату заглянула сухолицая, остроносовая особа – та самая нетривиальная домработница. Выглядела она, правда, обычно и одета была в среднестатистический для тружениц данной профессии наряд: строгое коричневое платье, кретинский кокошник и белоснежный накрахмаленный передник.

– Газеты я спускалась свежие купить! И незачем орать во всю глотку! Нервы и без ваших воплей ни к черту, – поджав губы, проворчала женщина, продефилировала к журнальному столику и грохнула на него поднос. Изящная фарфоровая чашечка затанцевала на блюде, на свежие газеты и кремовую льняную салфетку из кофейника выплеснулось несколько капель. Собственно, именно в этом и заключалась оригинальность домработницы: Вера в выражениях не стеснялась и легко могла послать хозяйку в... или на... улицу за свежими газетами. Но не посылала, а каждое утро отправлялась за периодикой сама, хотя никто ее об этом не просил.

– Ой-ой-ой, какие мы нервные, – поддела Ангелина, присела на софу напротив журнального столика, налила себе кофейку и положила в чашку прозрачную дольку лимона. Ангелина любила кофе с лимоном и обожала шокировать официантов за границей своими оригинальными вкусовыми пристрастиями. Особо тупым после объясняла, что подобная мода пошла еще со времен русского царя Александра – какого именно, она не уточняла, так как не знала сама.

– Чем так недовольны? Опять, что ль, не прет? – смягчилась домработница.

– Ага, категорически не прет, – вздохнув, согласилась Ангелина. – Совершенно никакого настроения

нет. Да и откуда? Откуда ему взяться? Погода гнусная, дожди льют, любовника нет. И душа, душа моя вся в смятенье. Вот уже неделя, как я живу не в ладу с собой. Полнейшая задница, – заключила Ангелина, сделала осторожный глоток кофе, двумя пальчиками отставила чашечку обратно на поднос и закурила сигарету в длинном мундштуке из карельской березы.

– А вы газетку-то прочтите, глядишь, настроение и наладится, – посоветовала Вера. Лицо экономки при этом было загадочным и довольным.

– Что такое? Неужели кто-то написал положительную рецензию на мои книги? – заинтересовалась Ангелина, выпустила пару рваных колечек дыма из ярко накрашенных губ, схватила газету и зашуршала страницами.

Заречная делала макияж, как только поднималась с постели. Наводить утренний марафет вошло у нее в привычку с тех пор, как она выскочила замуж – Ангелина пребывала в глубоком убеждении, что ухоженную женщину мужчины не бросают. Когда же муж ее оставил, несмотря на то что она всегда выглядела ухоженной, Заречная убеждений своих не поменяла. Менять жизненное кредо из-за каких-то тупых мужланов, не способных оценить ее тонкую душевную организацию, талант и ослепительную красоту, она считала ниже своего достоинства.

– Некрологи глядите, на последней странице, – деловито подсказала домработница.

Заречная, приподняв бровки, перевернула газету и сосредоточилась на чтении. Секунду в комнате стояла тишина, которая разорвалась радостным воплем писательницы:

– Свершилось! Какое счастье! – Ангелина вскочила с дивана и с блаженной улыбкой затанцевала по комнате с газетой в руке.

– Ну, я же говорила. Иногда в газетах приятные новости тоже печатают. И еще письмишко вам по почте пришло. Гляньте.

Вера игриво поболтала перед носом Ангелины конвертом. Заречная недовольно выхватила голубоватый прямоугольник из рук домработницы.

– Опять в мои письма свой длинный нос совала, паразитка, – раздраженно проворчала она – конверт был вскрыт.

– Вы кофий-то пейте, пейте, остывает ведь. Будете после орать, что холодный.

– Какой, к черту, кофе, Вера! Мой супруг скопытился! А ты говоришь – кофе. Фи, как можно! Давай-ка дуй за шампанским. Это дело нужно отметить. Сейчас же! Сию минуту! Немедленно! Выпью бокал и после поеду в адвокатскую контору выяснять вопрос о завещании. Мне велено явиться туда к четырем часам.

– Ох, – вздохнула экономка и пошуршала к двери.

* * *

«Мерзкая погодка», – подумала Прокопьевна. Москва, придавленная низкими свинцовыми тучами, хмурилась от дождей. Зонтик, как назло, прохудился, да и не с руки было стоять с зонтиком под узким козырьком табачного киоска. Ботинки тоже прохудились, с тоской глядя на свои войлочные боты, пришла к выводу Прокопьевна и пошевелила большим пальцем, который торчал из дырки. Ладно, не впервой – прорвемся. Прокопьевна поправила выгоревший платок, нацепила белые кружевные перчатки – свой талисман – и зорко осмотрела окрестности.

– Бабка, ты меня достала уже! Вали отсюда, чучело огородное! – раздался недовольный голос из окошка киоска.

– Сострадание нужно иметь к ближнему, голуба. И воздастся тебе на небесах! – пропела Прокопьевна, сунув в окошко мятый полтинник.

– Ладно, стой – разве ж мы звери, – сжалась продавщица и рывкнула: – Только тужуркой к стеклу не жмись, Прокопьевна. Мне ж после мыть.

Старушка покладисто отлипла от стекла витрины.

У тротуара припарковалась серебристая «Ауди». Из машины вылез импозантный мужчина в длинном стильном плаще – Прокопьевна, почуяв добычу, сгорбилась, сощурилась и состроила на лице трагическую мину. Но мужчина, перепрыгивая через лужи, подошел к журнальному киоску. Прокопьевна было расстроилась, что потенциальный клиент проплыл мимо, но владелец «Ауди», купив газету, направился к табачке.

– Сынок, пенсию я потеряла всю. Подай бабушке на хлебушек, Христа ради прошу! Кушать очень хочется, – загундосила она и подставила под нос клиенту «кружевную» ладонь.

– Бог подаст, – брезгливо отодвинул ее руку «сын», расплатился за сигареты и потопал к своей

иномарке.

– Жлоб! – потрясла ему вслед кулаком попрошайка.

– И не говори, Прокопьевна. Такой за копейку удавится, сразу видно, – подала голос из будки продавщица. – Смотри-ка, смотри-ка – газету в лужу уронил. Ай-ай-ай, какая неприятность, – ехидно добавила она. – Так ему и надо, морде буржуйской. Курить хочешь, Прокопьевна? Угощаю!

– Не курю я и тебе не советую – вредно это для здоровья, – отказалась бабка, наблюдая за отъезжающей иномаркой. Машина скрылась из вида, газета осталась лежать в луже. – Пойду гляну, что в мире деется. Давненько прессу не читывала, – оживилась Прокопьевна, трусцой доскакала до лужи, подняла газетку и, страшивая с нее воду, вернулась к киоску.

– Прокопьевна, а ты кем работала, когда молодая была?

– Много будешь знать, скоро состаришься.

– Ну, Прокопьевна, ладно тебе кочевряжиться. Давай рассказывай, иначе в следующий раз полтинником не обойдешься.

– Зараза ты, Зинка.

– Гы-гы-гы, – отреагировала на комплимент продавщица.

К киоску подошел следующий клиент, прыщавый молодой человек в облезлой кожанке, но Прокопьевне было не до него, она во все глаза смотрела на напечатанный в газете некролог и улыбалась широкой счастливой улыбкой.

– Возьмите, бабушка, – раздалось над ее ухом – парень протягивал ей десятку.

– Да пошел ты со своими деньгами! В смысле, пива лучше себе купи, сынок, – посоветовала бабуся ошалевшему юноше и обратилась к продавщице: – Слышь, Зинка, в оперном театре я работала. Ведущие партии исполняла.

– Ага, так я тебе и поверила, – в очередной раз заржала во все горло Зинка, и тут смех ее стих, потому что Прокопьевна открыла рот и...

– Тра-та-та-та тарам-па-па-па. L'amour est un oiseau rebelle... – выдала она на чистом меццо-сопрано и не менее чистом французском знаменитую хабанеру из оперы «Кармен».

Внутри табачного киоска послышался грохот, вероятно, Зинка упала со стула. А прыщавый юноша выронил изо рта сигарету. Прокопьевна тем временем, сорвав с головы платок и продолжая солировать, помчалась к дороге, выбежала на середину проезжей части и, размахивая руками, попыталась остановить несущийся на нее автотранспорт.

– Чума! – вылезла из окошка продавщица.

Парень молча вынул из пачки другую сигарету, сунул ее в рот не той стороной, прикурил фильтр и усиленно пытался затянуться, пока странную нищенку не увезла в неизвестном направлении попутка.

– Может, она объявление о шоу «Минута славы» в газете прочитала? Вот и ломанулась? – выдал свою версию молодой человек.

– Я бы тоже ломанулась, будь у меня такой голос, – поддержала его Зинка, опять скрылась в окне, и через секунду из киоска раздался ее прокуренный басок, исполняющий романс «Вдоль по Питерской».

Ни она, ни юноша так и не узнали, какое событие стало причиной необычного поведения попрошайки Прокопьевны (Нины Прокопьевны Вишняковской) – бывшей оперной дивы, красавицы и умницы, чья успешная карьера оборвалась сразу после финального аккорда в ее супружеской жизни с подпольным миллионером господином Шалинским – гадом ползучим, уродом и мразью, от которого она ушла на пятом году супружества, так и не добившись официального развода. Шалинский на ее уход отреагировал подлой местью, ударив по самой болезненной точке, – закрыл для Нины двери в оперу. Психушка помогла справиться с потрясением, алкоголь стер тонкую черту, за которую нельзя переступить, и для Нины Вишняковской открылась другая дверь – единственная, куда вход был свободный. Впрочем, Нина Прокопьевна была счастлива, а сегодня почувствовала себя счастливой вдвойне, потому что сволочь, которая сломала ей жизнь, отправилась в ад. Это чудесное событие следовало немедленно отметить.

С празднованием пришлось повременить: вернувшись домой, Вишняковская обнаружила в почтовом ящике конверт со штампом адвокатской конторы «Туманов и партнеры». В письме говорилось о смерти Шалинского и предлагалось сегодня, к шестнадцати часам, явиться в контору для уточнения некоторых формальностей, связанных с завещанием.

Сменив рабочую униформу на подобающий ситуации строгий черный костюм, лаковые туфли и шляпку с вуалью и потом умело замаскировав следы старости, нищеты и недавнего запоя на лице, Вишняковская направила свои стопы в Кривоколенный переулок. Душу ее терзали нехорошие предчувствия. Казалось странным, что явиться надлежало в адвокатскую, а не в нотариальную контору – Нина Прокопьевна чувствовала в этом какой-то подвох.

Предчувствия Вишняковскую не обманули, подвох обнаружился сразу, как только она в сопровождении секретаря вошла в кабинет адвоката Туманова.

– Нина Прокопьевна Вишняковская, вдова Шалинского, – представилась она, заметив в кабинете молоденькую блондиночку, словно сошедшую с обложки глянцевого журнала.

Жертва гламура, закинув ногу на ногу, сидела в кожаном кресле, напротив стола адвоката, и смотрела на нее с нескрываемым презрением.

– Очень приятно, присаживайтесь, Нина Прокопьевна. Меня зовут Дмитрий Евгеньевич Туманов, – привстал из-за стола привлекательный брюнет с бородкой-эспаньолкой.

– Чего? Не поняла прико-о-ола? Какая еще такая вдова-а-а? – протянула блондинка, сдвув пухлыми губами прядку платиновых волос с загорелого лба. – Я вдова Мурзика – Мадлен Иванова. По паспорту вообще-то Маша. А эта тетка самозванка! Пусть убирается. И вообще, когда уже можно Мурзика забрать? И завещание получить?

– Да нет же, я вдова! Шалинский не подавал на развод! Вот мой паспорт и свидетельство о браке. – Нина Прокопьевна положила на стол документы.

– Вы не волнуйтесь. Присаживайтесь, пожалуйста, – вежливо предложил ей Туманов.

Нина Прокопьевна скромно присела на стульчик в углу комнаты и метнула в блондинку полный негодования взгляд. Мадлен в ответostroила такую физиономию, что даже Туманов скривился.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась эффектная брюнетка с каре. Одетая она была в стиле декаданс: узкое черное платье с глубоким декольте. Шеню дамы украшало ярко-красное пушистое боа, в тон ему были подобраны туфли, сумочка, лак и помада.

– Какое горе! Как, как это могло произойти?! Ужасная трагедия! – всхлинула она, манерно воздев глаза к потолку и приложив тыльную сторону ладони ко лбу. Помедитировав секунду в «кинематографической» позе, дама отмерла и перешла на деловой тон: – Позвольте представиться – Ангелина Заречная – вдова Эдуарда Шалинского!

– О, еще одна-а-а вдова-а-а нарисовалась! Я фигею, дорогая редакция, – округлила глаза Мадлен, по паспорту Маша.

– Что такое? Как это – еще одна? – приподняла бровки Ангелина.

– Все мы тут вдовы, – усмехнулась Нина Прокопьевна. – Причем подозреваю, что все мы тут вдовы законные.

– Вы совершенно правы, Нина Прокопьевна. В какой-то мере так оно и есть. Собственно, для этого я вас и пригласил, – снова встал со своего места Туманов. – Сейчас все вам объясню, уважаемые дамы. Я адвокат Шалинского, представляю его интересы и в курсе всех его дел. Поэтому...

– Ну, Мурзик! Ну, козе-ел! Мало того, что импотент, так еще и многоженец! – перебила его Мадлен.

– Гнусный извращенец! – согласилась Ангелина. – Скотина подлая! Тварь поганая!

– Подонок! Негодяй! Сукин сын! – подала голос Вишняковская.

– Дамы, прошу вас, успокойтесь! Мы сейчас во всем разберемся! – попытался вмешаться Туманов, но на его робкую реплику никто не обратил внимания – вдовушки настолько вошли в раж, с азартом поливая своего покойного супруга, что остановиться уже не могли. – Может быть, кофе? – предпринял он еще одну попытку, тоже безуспешно. И Туманов, у которого уши свернулись в трубочку от изысканных нелитературных оборотов, притих, терпеливо ожидая, когда грязевой словесный поток иссякнет. Да, Шалинский оказался прав, подозревая, что одна из супружниц желает ему смерти, размышлял адвокат. Ошибался он лишь в одном – смерти ему желали все три.

Наконец дамы выпустили пар и постепенно успокоились.

– Итак, вернемся к делу, – обрадовался адвокат. – Как вы уже знаете, Шалинский скончался в больнице, куда его доставили от подъезда собственного дома с тяжелой травмой головы. Правоохранительные органы посчитали, что травму Шалинский получил в результате несчастного случая, и дело возбуждать не стали. Он с этим был категорически не согласен, полагая, что его заказали. Травма была несовместима с жизнью, Шалинский знал, что умрет, поэтому спешно вызвал своего нотариуса и написал завещание, в котором оставил все сбережения жене, но...

– Кому? – перебила адвоката Мадлен и нетерпеливо заерзала в кресле.

– У вас случайно выпить не найдется? – напряженно спросила Ангелина, обмахиваясь боа.

Нина Прокопьевна застыла, предчувствуя очередной подвох. И предчувствия ее вновь не обманули.

– Я не договорил, – сухо улыбнулся Туманов. – Дело в том, что претендентками на наследство является каждая из вас, так как имени наследницы Шалинский в завещании не обозначил. Но получит наследство только та, кто выполнит его последнюю волю – вычислит убийцу и засадит за решетку.

В кабинете воцарилась тишина.

– Вот сволочь поганая! – первой отреагировала Ангелина. – Даже перед смертью ухитрился очередную подлянку сделать.

– Офигеть! – сказала Мадлен.

Нина Прокопьевна промолчала, продолжая сидеть как изваяние.

– Позвольте, но как? Как мы сможем вычислить убийцу? Что за бред! Это незаконно! Где мы будем его искать? – возмутилась Ангелина.

– Простите, дамы, ничем не могу помочь, – развел руками Туманов. – Как вы знаете, у Шалинского двойное гражданство, и все свои деньги он держит в английских банках. Завещание он оформил с помощью своего лондонского нотариуса – это позволило ему обойти российское законодательство и составить документ в свободной форме. Пытаться что-то опротестовывать – бесполезно. Так что ваша задача – найти убийцу, а моя – проследить за выполнением условий и назначить вдовой ту, которая выполнит волю покойного. В письме, которое я вам отправил, содержится краткая информация по происшествию. Желаю удачи.

– Ни хрена себе, как Мурзика от кирпича приплющило, – истерично хихикнула Мадлен.

Нина Прокопьевна поднялась и, не прощаясь, выскользнула за дверь. Заречная и Мадлен переглянулись и шустро потрусили следом.

* * *

К дому – элитной сталинской девятиэтажке на Университетском проспекте, – где располагалась московская квартира Шалинского, вдовы подъехали практически одновременно. Нина Прокопьевна на метро, Ангелина на такси, Мадлен на своей машине. Мыслили дамы в одном направлении: решив начать расследование убийства Шалинского с осмотра места преступления.

Далее мысли вдов потекли в направлениях разных: Ангелина бросилась в подъезд, чтобы познакомиться с консьержкой и по возможности опросить соседей. Мадлен фланировала по двору, расспрашивая о недавних трагических событиях собачников и владельцев машин, паркующих свои автомобили у подъезда. Нина Прокопьевна понеслась в местное домоуправление, пытать слесарей и сантехников, чтоб выяснить, как можно пробраться на крышу.

Через полтора часа... Заречная и Нина Петровна вновь столкнулись у подъезда Шалинского – Ангелина выходила из парадного, Нина Прокопьевна, напротив, пыталась проскользнуть внутрь.

– Зря стараетесь, свидетелей все равно нет, – прошипела Ангелина, отпихивая Вишняковскую от двери.

– Раз нет, чего так волнуетесь. Пропустите! – волком глядя на модную писательницу, потребовала Нина Прокопьевна.

– С чего это вы взяли, что я волнуюсь? Ничего я не волнуюсь! Сказала же, бесполезно туда лезть! Или вы русский язык не понимаете?

– Понимаю!

– Тогда идите с богом!

– С какой это стати вы, голубушка, мне тут указываете? – уперла руки в бока Вишняковская.

– С той самой! – Заречная тоже уперла руки в бока.

– Вот вы, значит, как! Не хотите, значит, по-хорошему! – Нина Прокопьевна побагровела и со всей силы наступила Ангелине на ногу. Та взвизгнула, сорвала с шеи боа и несколько раз обмотала его вокруг стана бывшей оперной дивы.

– Отвечайте, что уже узнали! – требовала Ангелина.

– Пустите! Ничего я вам не скажу! – вопила Нина Прокопьевна, пытаясь размотаться.

Неизвестно, чем бы закончилась потасовка, если бы внимание озверевших вдовушек не привлекла бодро шагающая по двору Мадлен. Она тащила к своей машине пластиковый пакет явно с чем-то тяжелым.

– Похоже, эта стерва орудие убийства нашла! – насторожилась Ангелина и бросилась наперерез блондинке.

Нина Петровна молча понеслась следом, наконец-то размотав надоедливый шарф из страусиных перьев и волоча его за собой по грязи.

Заметив бегущих к ней конкуренток, Мадлен развернулась и понеслась в обратном направлении. Бежать на шпильках и с кирпичом в пакете оказалось непросто, но молодость взяла свое, и прежде чем Мадлен окончательно выбилась из сил, она успела нарезать пару кругов вокруг дома. Усевшись на мокрую лавку на детской площадке, Мадлен крепко прижала пакет к груди и попыталась отдышаться. По обе стороны от нее рухнули на скамейку Ангелина и Нина Прокопьевна. Последней пробежка далась особенно

тяжело, говорить она решительно не могла. Заречная выглядела бодрее и смогла выдать из себя пару слов.

– Предлагаю перемирие, – прохрипела она.

Нина Прокопьевна кивнула и протянула ей грязный шарфик, Ангелина тоже кивнула и обмотала боа вокруг шеи.

– Козел! Какой же Мурзик козел! Ненавижу! – вздохнула Мадлен, продолжая бережно прижимать к себе пакет.

Ангелина и Вишняковская вновь кивнули, выразив свое полное согласие.

Некоторое время дамы сидели молча и, задрвав головы, задумчиво смотрели на крышу, откуда на Шалинского свалился кирпич.

– Что будем делать? – первой нарушила молчание Нина Прокопьевна, восстановив наконец способность говорить.

– А не выпить ли нам для начала? Что-то погодка больно мрачная, – внесла свое предложение Заречная, и вдовушки одобрительно загудели.

Через полчаса кирпич, найденный Мадлен в песочнице рядом с домом Шалинского, лежал на журнальном столике в небанальной гостиной писательницы Ангелины Заречной, а бывшие конкурентки, сидя на софе и любуясь на улику, пили коньяк, запивали его кофе с лимоном и делились друг с другом полученной информацией. Всепоглощающая ненависть к супругу сплотила вдов – дамы решили поймать убийцу совместными усилиями, а после поделить деньги гада Шалинского на троих.

Удалось частично воссоздать картину происшествия. Ангелина, опросив жильцов подъезда и консьержку, нашла свидетеля, проживающего на последнем этаже, он видел, как за пару часов до трагедии на крышу дома поднялся некто в рабочей спецовке, темных очках и кепке. Свидетель знал в лицо всех работников местного домоуправления, но этого человека видел впервые, поэтому решил проявить бдительность и уточнил, с какой целью неопознанный субъект лезет на крышу. Незнакомец объяснил, что он телевизионный наладчик из коммерческой фирмы, работает по вызовам жильцов, у которых установлены спутниковые антенны, уверил также, что с местным домоуправлением все согласовано и там ему выдали ключ. Объяснение показалось убедительным, и свидетель на этом успокоился. Консьержка рассказала Заречной похожую историю про мастера, домоуправление и ключи. Нина Прокопьевна же выяснила, что в тот день в домоуправлении ключей от крыши никому не выдавали. Посоветовавшись и сопоставив факты, вдовы пришли к выводу, что субъект в спецовке и убийца Шалинского – это один человек. Дальшее расследование зашло в тупик. Где искать загадочного мужика, никто из вдовушек не знал.

– Вера! Принеси нам еще коньяку! Немедленно принеси нам еще коньяку! – крикнула Заречная и заходила по комнате. – Послушайте, дамы, а вам не кажется странным, что Шалинский именно нам поручил расследовать его смерть?

– Ага, – подтвердила Мадлен. – Колбасуло его не по-детски.

– Верно! Чувствую я, здесь кроется какой-то подвох, – согласилась Нина Прокопьевна, опрокинув в себя остатки коньяка и с надеждой косясь на дверь.

– Возможно, Шалинский подозревал в покушении на его жизнь одну из нас? В том смысле, что одна из нас могла его заказать? – продолжила Ангелина.

– Я не заказывала, – Мадлен обиженно поджала губы.

– И я тоже не заказывала, у меня и денег на киллера нет, – тихо сказала Нина Прокопьевна.

– А если бы я запланировала убить эту мразь, то придумала бы более оригинальный способ! – Ангелина в раздражении уселась за рабочий стол спиной к собравшимся, посидела так с минуту и обернулась. – Тем не менее Шалинского кто-то убил. И кто бы это ни был, ему памятник нужно поставить за благое дело, а не ментам сдавать. У меня есть идея! Предлагаю убийцу Шалинского не искать!

– То есть как? – растерялась Мадлен. – А деньги?

– Какая вы мелочная, Мадлен! – ехидно поддела Ангелина.

– Ниче себе мелочная! Пять лимонов, не считая недвижимости!

– Все пред богом ответ будем держать за прегрешения наши тяжкие, – встряла Вишняковская и задумчиво добавила: – Может, нам адвоката подкупить? Все равно пять на три не делится.

– Фиг ему – деньги мы в любом случае получим, – возразила Ангелина.

– Как? – одновременно воскликнули Вишняковская и Мадлен.

– Очень просто. – Заречная прикурила сигарету, присела на подоконник, обвела присутствующих долгим взглядом и сказала: – Мы выследим и засадим за решетку какого-нибудь другого убийцу.

– Какого другого? – Мадлен окончательно растерялась.

Нина Прокопьевна, напротив, уловив в словах Заречной смысл, оживилась.

– Какая разница, какого убийцу, – отмахнулась Ангелина. – Ну... допустим, серийного маньяка какого-

нибудь.

– Вы предлагаете подставить маньяка! – наконец дошло до Мадлен. – Офигеть!

– Идея потрясающая! – воскликнула Вишняковская. – Вам, Ангелиночка, не любовные романы надо писать, а детективные. Но позвольте спросить, голубушка, у вас уже есть на примете подходящая кандидатура?

– Пока нет, но разве в наше время найти маньяка проблема? Можно поискать информацию в газетах или Интернете.

– Слушайте! – подскочила на диване Мадлен. – Не надо ничего в прессе искать – у меня одноклассница работает секретарем в ГУВД. Деньги вечно кланчит и никогда не отдает. Такая чувырла! Лохушка мрачная! О! Если бы вы видели, какой отстой она на себя напяливает!

– Мадлен, ближе к теме! – напряженно попросила Ангелина.

Нина Прокопьевна подалась вперед, почувствовав удачу.

– Так я и говорю! А что, если мне ей долг простить, а взамен попросить данные на подозреваемых по каким-нибудь ужасно кошмарным преступлениям? Ведь у ментов как бывает, подозреваемый есть, а улики нет!

– Bravo! – радостно взвизгнула Ангелина, а Вишняковская радостно захлопала в ладоши.

В дверь заглянула домработница.

– Коньяк еще желаете? – полюбопытствовала она.

Но дамы не обратили на нее внимания, сосредоточенно прислушиваясь к щебетанию Мадлен по сотовому телефону.

– Не желают дамы коньяк, – пришла к выводу Вера, плотно прикрыла дверь и вернулась на кухню довольная. Ни к чему девочкам напиваться перед столь ответственным мероприятием.

* * *

На следующее утро на мейл писательницы Ангелины Заречной пришло письмо с вложенным файлом. Там содержалась информация о тяжких преступлениях, совершенных на территории одного из округов Москвы, предварительное расследование по которым было приостановлено. И полное досье на главных подозреваемых, чью причастность к преступлениям так и не удалось доказать. Дело осталось за малым – провести кастинг и выбрать подходящую кандидатуру на роль убийцы Шалинского.

– Во! Учитель географии. Подозреваемый по делу об изнасиловании четырех несовершеннолетних девочек, – Мадлен ткнула длинным акриловым ноготком в фото одной из кандидатур и добавила: – Ненавижу географию.

– Я тоже ненавижу географию, но этот маньяк нам не подходит, – возразила Заречная.

– Почему это?

– Потому что специализация не та.

– А вот этот? – Нина Прокопьевна застенчиво указала пальцем на другую фотографию.

– Убийство с особой жестокостью. Семь жертв. Нет, тоже не подходит, – покачала головой Ангелина. – Этот трупы после расчлняет, а у Шалинского травма другого рода. Ближе к теме, девочки. Ищите аналогичные преступления.

– Удушения, значит, не берем? – уточнила Мадлен. – Смотрите, какой красавец – блондин с голубыми глазами. Подозревается в убийстве своих трех жен.

– Мадлен, не нервируйте меня! – разозлилась Ангелина.

– Так нет же аналогичных! – обиделась Мадлен. – В нашем округе маньяки никого кирпичами по балде не лупят.

– М-да... – вздохнула Нина Прокопьевна. – Столько мрази, а найти подходящую кандидатуру так сложно. Погодите! А вот этот папарацци не подойдет?

Дамы заинтересованно склонились над досье.

– Есть! – стукнула ладонью по столу Ангелина. – Правда, тут всего один труп – но зато какой! Глава управы района! Однозначно заказуха. Шалинский подозревал, что его заказали. Так пусть теперь радуется, что мы нашли ему киллера. Так, что нам известно о нашем кандидате? Бывший спецназовец, в настоящий момент – свободный фотограф. Проживает в Москве. Единственное «но»: главу управы грохнули на соседней улице от дома Шалинского в тот же день, когда на нашего муженька свалился кирпич. Как думаете, не будет ли перебором, если наш киллер в одном районе приблизительно в одно и то же время сразу двоих прибил?

– Подумаешь, – пожалала плечами Нина Прокопьевна. – Киллеры же люди подневольные, получил два заказа и выполнил.

– А если это не он главу управы грохнул? – засомневалась Мадлен.

– Ты посмотри, какая по нему ведется оперативная разработка! Сразу вопросы все отпадут. Короче, Склифосовский! Берем его в оборот. Мадлен, твоя задача с ним познакомиться и добыть какую-нибудь его вещичку.

– Да вы что, офигели совсем! Почему я? – Мадлен округлила глаза и побледнела.

– На нас с Ниной Прокопьевной он вряд ли клонет, – вздохнула Заречная. – А ты молодая и привлекательная, к тому же блондинка, – добавила она сквозь зубы.

Мадлен повела плечиком и жеманно заправила за ушко прядь волос – с Ангелиной она была полностью согласна.

– Ладно, значит, моя задача с ним переспать? – придвинув к себе досье и внимательно изучая фотографию, поинтересовалась Мадлен.

– Кто про что, а вшивый про баню! Твоя задача улики раздобыть, чтобы мы могли их подбросить на крышу. Можно ведь и другим каким-нибудь способом завладеть его личной вещью. Ну мало ли способов, придумай что-нибудь. Главное, чтобы отпечатки на ней остались. Или микрочастицы. Можно еще нитки с костюма, пуговицы. Или волосы на худой конец.

– Ага, супер! И как я, по-вашему, волосы у него из головы понадергаю?

– Впрочем, сама решай, спать с ним или нет, – мило улыбнулась Заречная, поняв, что способ, предложенный Мадлен, наиболее эффективный.

– А мне что делать? – спросила Вишняковская.

– Ваша задача раздобыть в домоуправлении ключи от крыши. Ясно, что киллер отмычкой замок вскрыл, но нам это не по силам. Ну а я пробегусь с фотографией этого гоблина по этажам подъезда Шалинского. Консьержке фото покажу, она все равно лица не рассмотрела. Суну ее опять же в рожу свидетелю и постараюсь его убедить, что в тот день, когда на Шалинского свалился кирпич, он видел на своем этаже именно этого человека. У меня все. По коням, девочки! Настал наш звездный час. Скоро будем пить коктейли на Багамах и кушать ложками черную икру.

Последнее высказывание подстегнуло энтузиазм вдовушек, и квартиру писательницы Заречной они покинули в боевом настроении и полные радужных надежд на успех рискованного мероприятия.

* * *

Мадлен шпионила у подъезда дома кандидата в убийцы и нервно курила одну сигарету за другой. Соблазнить мужчину для Мадлен было сущим пустяком, но прежде ей никогда не доводилось обольщать и затаскивать в постель киллера! Хотя... по сравнению с Шалинским любой убийца казался ей ангелом. С будущим мужем Мадлен познакомилась, когда ей только исполнилось восемнадцать. Он был староват, но красив, богат, галантен и в отличие от хамоватых юношей, которые вились вокруг и тащили ее в постель, казался настоящим джентльменом. Красивый роман, цветы, дорогие подарки, предложение руки и сердца. Мадлен ответила согласием – ей хотелось создать семью, она мечтала о ребенке и прекрасно отдавала себе отчет в том, что глуповата от природы и, кроме красоты и молодости, у нее ничего нет. Сказка кончилась сразу после свадьбы. Пять лет кошмара, унижения и слез. Вспоминать об этом было мерзко. Шалинский не просто сломал ей жизнь, он вынудил ее сделать аборт. Операция прошла неудачно, и мечты о ребенке навсегда остались лишь мечтами. Когда Мадлен сообщили, что муж отправился на небеса, она расплакалась от счастья.

Выслеживать киллера оказалось делом утомительным, Мадлен вся извелась, пока ждала. И главное, отъехать хотя бы в магазин было невозможно: как только она припарковалась у подъезда, то сразу спустила колесо у своей машины. Так было задумано по плану. Заключался он в следующем: когда киллер выйдет прогуляться, она бросится к нему с мольбой о помощи. Киллер, конечно же, не сможет отказать, а после она его поблагодарит, как умеет. Кто же знал, что этот гад такой домосед. Время приближалось к одиннадцати. Стемнело, двор опустел. Хотелось есть, спать и в туалет.

Наконец кандидат вышел из дома с большим пластиковым пакетом, направился к мусорным бакам, швырнул его в помойку и потопал обратно к подъезду. Мадлен выпрыгнула из машины, изобразила на лице соблазнительное выражение и встала в позу «не проходите мимо».

– Мужчина! – с придыханием окликнула она его. Киллер остановился и заинтересованно посмотрел в ее сторону. – Будьте добры! Пожалуйста! – Мадлен с мольбой сложила холеные ручки на груди и часто-часто

задышала. – Помогите мне запаску поставить! Колесо спустило. Стою тут уже часа два. И никто, никто не хочет помочь несчастной девушке! Я замерзла и устала вся...

– Щас все сделаем. И колесико заменим, и погреем! – послышалось за спиной. Мадлен застыла, медленно обернулась – позади нее стоял усатый коротышка и улыбался во весь рот.

– А... Э... – сказала Мадлен.

– Запаску давай, красавица, – деловито попросил коротышка и подмигнул.

Мадлен растерянно полезла в багажник. Пока она доставала запасное колесо, киллера уже и след простыл.

– Блин! – выругалась она, чуть не плача. И тут в ее голову пришла новая гениальная идея.

Она вручила запаску неожиданному помощнику и зашагала к помойке. Вернулась Мадлен с пакетом, полным отбросов, аккуратно положила его в багажник и, поблагодарив одуревшего мужика за услугу, рванула на квартиру Заречной.

Удача сама плыла вдовушкам в руки. В пластиковом мусорном мешке, который, к ужасу домработницы Веры, распотрошили прямо на полу в гостиной Ангелины и тщательно перебрали, нашлось много нужных и полезных вещей: стеклянная бутылка из-под «Нарзана», 0,3 литра, с отпечатками пальцев, сломанная зажигалка «Крикет», смятая пачка сигарет «Парламент», пара окурков, обрезанные ногти в количестве четырех штук, несколько волосков и порванная кожаная перчатка!

Ночью все приготовления к подставе киллера были закончены: кирпич с кусочком ногтя и филигранно прилепленным к нему клеем «Момент» волоском возвращен в песочницу, перчатка, зажигалка, пачка сигарет и бутылка пристроены на крышу, там же вдовушки рассыпали остальные неопровержимые улики (ногти, волосы и окурки). Консьержку Ангелина нейтрализовала еще вечером, подарив ей за прошлую любезность торт, щедро посыпанный измельченными в порошок таблетками пургена. Все прошло гладко, и утром следующего дня на машине Мадлен невыспавшиеся, но возбужденные дамы выехали в сторону прокуратуры, чтобы поведать следствию свою версию убийства мужа. Идти всем было нельзя, наличие трех жен могло насторожить сотрудников правопорядка, поэтому на эту роль общим голосованием единогласно выдвинули кандидатуру Нины Прокопьевны, как внушающую наибольшее доверие. Вишняковская перекрестилась и скрылась в двери невзрачного здания из серого кирпича.

* * *

Старший следователь прокуратуры Потемкин рассеянно смотрел на даму в шляпке и, зевая, слушал историю о несчастье, которое приключилось с ее мужем. Дама его раздражала. Несла какой-то бред. И вообще, не до дамочек в шляпках ему сейчас было. Последнее громкое дело об убийстве главы управы никак не сдвигалось с места, и вчера следователь получил строгое внушение от прокурора. Потемкин с горя надрался и, пребывая в тяжелом алкогольном опьянении, разбил витрину продуктового магазина – случайно, головой. Поэтому в данный момент следователь пребывал в унынии, ожидая, что с минуты на минуту вести об этом нехорошем поступке дойдут до ушей начальства и его уволят с работы. Дама, однако, оказалась очень навязчивой – талдычила и талдычила нудно про какой-то кирпич.

– Не понял я ничего! – разозлился Потемкин. – Какой еще кирпич? Какой кирпич? Какой Шалинский?

– Какой же вы непонятливый! – нахмурилась старая перечница. – Говорю же, я провела свое независимое детективное расследование и выяснила, что моего мужа Эдуарда Шалинского убили. У меня и фото убийцы есть. – Вишняковская извлекла из лаковой сумочки лист бумаги и сунула его под нос следователю. – Свидетель видел, как этот человек 22 апреля проник на крышу дома, расположенного по адресу... – Нина Прокопьевна назвала адрес и промокнула сухие глаза платочком. – Так вот, у меня есть все основания подозревать, что именно он сбросил кирпич на голову моего мужа Эдуарда Шалинского, в результате чего он впоследствии скончался.

– Погодите! Какой адрес, вы говорите? Какого числа это было? – подался вперед Потемкин и вытаращился на фотографию.

Нина Прокопьевна терпеливо повторила информацию и ошеломленно уставилась на следователя, который вдруг вскочил на ноги и, как полоумный, роняя стулья, забегал по кабинету. Периодически сотрудник правопорядка совершал неадекватные движения: пританцовывал, виляя бедрами, как кокотка, и боксировал воздух. Наконец «психический» угомонился, уселся за стол и нежно посмотрел на Нину Прокопьевну.

– Спасибо за службу, гражданка Вишняковская. Вы даже не представляете, какую важную информацию

нам предоставили.

Нина Прокопьевна вышла из прокуратуры слегка озадаченная и расстроенная. Дело об убийстве Шалинского следователь возбуждать не стал, лишь клятвенно заверил, что обязательно во всем разберется, записал ее координаты и, рывкнув в трубку: «Группа на выезд!», выпроводил Вишняковскую за дверь.

Звонка ждали несколько дней, но так и не дождались. Решено было вновь собраться на квартире Заречной и обсудить сложившуюся ситуацию. Нина Прокопьевна приехала позже всех. Ангелина встретила ее растрепанной и взволнованной. Мадлен тоже выглядела не лучшим образом, выражение ее лица походило на посмертную маску.

– Что случилось? – испугалась Вишняковская, рухнув на софу.

Заречная молча протянула ей газету.

– «Заказное убийство главы управы раскрыто». «Найдены неопровержимые улики». «Киллер, за которым прокуратура охотилась несколько лет, схвачен». «Одним из свидетелей по делу выступает господин Шалинский, который пострадал в результате проникновения преступника на крышу и находится в настоящий момент в больнице с серьезной травмой головы», – прочитала она и растерянно уставилась на писательницу.

В этот момент зазвонил телефон, Ангелина взяла трубку.

– Дмитрий Евгеньевич просит нас приехать в контору, – мило улыбнулась Заречная, блеснув глазами.

Мадлен и Нина Прокопьевна тоже улыбнулись и поднялись.

Туманова били долго, с азартом и наслаждением: никого не интересовало оправдание адвоката, что он человек подневольный и лишь выполнял поручение Шалинского, который, подозревая своих жен в покушении на его жизнь, решил их проверить на причастность к преступлению и разработал коварный план. Гнев разъяренных бывших вдов стих лишь после того, как адвокат признался, что Шалинский, убедившись в их непорочности, составил и заверил у нотариуса другое завещание, в котором отписал женам все свое имущество, поделив деньги на троих в равных долях. Дамы притихли, переглянулись и вышли за дверь, оставив избитое тело адвоката Туманова на полу в кабинете.

Год спустя...

Горячее солнце Атлантики, застыв в небе, плавило океан и белоснежный песок. Но здесь, под пальмами, было прохладно. Ангелина сделала несколько глотков ледяного коктейля, украшенного взбитыми сливками и фруктами, отставила стаканчик на столик рядом с шезлонгом и повернулась к Мадлен.

– Ну, что интересного в русских газетах пишут? – спросила она.

– Суд закончился. Убийцу Шалинского осудили, – лениво ответила девушка. – Правда, бедняжка так и не признал свою вину. Но зато сознался в других преступлениях, удушении трех своих жен. Нет, он определенно мне нравится! Такой красавчик – блондин с голубыми глазами.

– Слава богу, никаких конфузов с уликами больше не вышло, – вздохнула Нина Прокопьевна, зачерпнула ложечкой из хрустальной розетки черную икру и отправила в рот.

– Да уж, – хихикнула Мадлен, – никогда не забуду суд над киллером, который застрелил главу управы района и случайно сбил с крыши кирпич. Я чуть не скончалась, когда следователь заявил, что никак не может понять, каким образом убийца ухитрился сломать на крыше дома четыре ногтя на ногах.

Дарья Донцова

Никто из ниоткуда

Если хочешь, чтобы твои сны сбывались, не спи слишком долго.

Вот мой муж работает с утра до ночи, и, наверное, поэтому у нас огромный дом, чуть больше тысячи квадратных метров. Если честно, здание слегка великовато для супружеской пары, в большую часть комнат мы не заглядываем. Вот когда приезжают гости, тогда, конечно, открываются все двери. Мой супруг Иван Васильевич обожает принимать гостей, поэтому, возводя коттедж, он предусмотрел баню, бассейн, бильярдную, кинотеатр, огромную гостиную, в которой легко помещается сорок человек, и, естественно, спальни для тех, кто решит остаться переночевать после излишних возлияний. Пять дней в неделю Иван Васильевич трудится, не покладая рук, а в субботу и воскресенье отдыхает. Расслабляться супруг может лишь в шумной компании, он категорически не переносит тишины, даже укладывается спать, включив телевизор.

Надо сказать, что люди охотно едут к нам. В доме великолепный винный погреб, а я замечательно готовлю. Наверное, не слишком скромно нахвалить себя, но это лишь констатация факта. Я увлекаюсь кулинарией, собираю рецепты, способна приготовить такие блюда, которые вы больше нигде не попробуете. О моих пирогах с мясом и капустой, фаршированных поросятах, запеченных свежих окороках, пшенной каше с медом и тыквой по Москве ходят легенды.

В прошлую субботу к Ивану Васильевичу приехал ресторатор Боркин. Сначала он нехотя ковырнул сделанные мною пожарские котлеты, затем слопал восемь штук, начал клянчить рецепт и, естественно, не получил его. Я не делюсь своими секретами. И как поступил модный трактирщик, услышав отказ хозяйки? Он сделал мне деловое предложение, пригласил шеф-поваром в один из своих кабаков. Ну не дурак ли? Иван Васильевич очень долго смеялся, узнав от меня о казусе.

– Давай, Настена, бросай меня, старого орангутана, и начинай карьеру повара, – веселился муж, – сковородку тебе в руки!

Я подумала и решила, что в следующий свой визит Боркин получит пончики, которые вместо сахарной пудры будут посыпаны мелко истолченными таблетками пургена. Нет, каков нахал? Разве я могу оставить Ивана Васильевича? И зачем мне работать на чужого дядю, кормить посторонних людей, когда вся моя жизнь принадлежит супругу!

Я встала и пошла на кухню, сегодня на ужин задумала оладьи, следует проверить тесто. Внезапно мою спину пронзила резкая боль. Вот незадача, очевидно, я растянула мышцы, когда пылесосила лестницу, у нас нету горничных, всю работу по дому я делаю сама. Вас удивляет, что хозяйка километрового особняка сама бегаёт с веником и тряпкой, а потом стоит у плиты? Но кому можно доверить ведение хозяйства? Иван Васильевич в свое время, еще до женитьбы на мне, держал домработницу и кухарку, двух патологически ленивых баб. Одна совершенно не замечала пыли и отвратительно гладила рубашки, вторая воровала продукты и варила геркулесовую кашу, больше напоминавшую клейстер для дешевых обоев. Ясное дело, я выгнала мерзавок вон и лично встала у руля.

Если кто-то полагает, что вести домашнее хозяйство – это просто, то он глубоко ошибается, к вечеру я устаю, как ездовая собака. Зато Иван Васильевич входит в сверкающий чистотой дом, надевает идеально выглаженную пижаму и получает великолепный ужин. Я готовлю лишь то, что любит супруг, он у меня мясоед и сладкоежка, поэтому на нашем столе всегда есть домашняя буженина, нежно-розовая ветчина, жаренная на сале картошечка, салат из отварного языка, отбивные с жирком... Кстати, хлеб я пеку сама, а еще делаю изумительную простоквашу, чуть желтоватую по цвету, плотную, совершенно не похожую на непонятное месиво, продаваемое в супермаркетах под видом полезного продукта.

Я подняла крышку и заглянула в кастрюлю, тесто выглядело замечательно. И тут раздался телефонный звонок, моя рука незамедлительно схватила трубку.

– Алло!

– Анастасия Петровна, – прошептал мягкий баритон, – мы уже на Кедровку повернули!

– Спасибо, Андрей, – сказала я и живо вытащила сковородку.

Иван Васильевич постоянно удивляется: ну каким образом жена всегда угадывает время приезда с работы любимого мужа?

Как мне удастся неизменно оказываться с горячим ужином на столе в момент его появления? У супруга ненормированный день, но, когда бы он ни вернулся, я стою около блюда истекающих маслом пирожков

или вазы, наполненной его любимыми сдобными плюшками.

– Признайся, Настена, ты телепат, – довольно смеется муж, уплетая горячую выпечку.

Я лишь тихо улыбаюсь, при всей своей удачливости в бизнесе и огромных капиталах Иван Васильевич сохранил детскую наивность. А он уже не так молод, моему супругу исполнилось пятьдесят шесть лет. Ряд людей, конечно, посчитает, что муж не стар, но мне, едва справившей двадцатидвухлетие, Иван Васильевич кажется, нет, не пожилым, а очень опытным. Так вот, вследствие прожитых годов муж начал терять былую работоспособность, он сильно устает и, сев в машину, моментально засыпает на заднем сиденье. А шофер Андрей, когда до дома остается минут десять езды, всегда звонит мне. Я попросила парня об этой дружеской услуге, сказав:

– Очень хочу удивить мужа, он входит, а у меня все готово.

– Конечно, конечно, – закивал Андрей, а потом, не удержавшись, добавил: – Мне б такую заботливую жену где найти!

Я никогда не вступаю с водителем в долгие разговоры, наше общение сводится к двум-трем дежурным фразам. На мой взгляд, служащие не должны забывать о дистанции, отделяющей их от хозяев, но в тот раз я нарушила заведенный порядок и ответила ему:

– Очень надеюсь, Андрей, что вам повезет и отыщете достойную супругу, но только, чтобы заполучить такую жену, как я, надо быть таким, как Иван Васильевич.

Кстати, поверьте, абсолютное большинство приятелей мужа ставят меня в пример своим женам, побывают у нас в гостях и затевают скандал.

– Почему у Насти дома полный ажур, а у тебя, несмотря на штат прислуги, бардак? Вот уж повезло Васильевичу, отрыл брильянт в навозной куче!

Я не обижаюсь на подобные заявления, меня в самом деле нашли на помойке. Несколько лет назад я была всего лишь скромным парикмахером в салоне у вокзала, стригла провинциалов, которые, прибыв в Москву, стремились принять приличный вид. Чаевых от лапотных мужиков было не дожидаться, зарплату мне давали копеечную, а из имущества у меня имелась комнатенка в коммунальной квартире да скромное золотое колечко, оставшееся от покойной мамы. Замуж меня никто не звал, молодые люди, как правило, не обращают внимания на плохо одетых, работающих девушек, их словно магнитом тянет к раскрашенным стервам. Это потом, годам к тридцати, до парней доходит простая истина: жениться следует на таких, как я, а не на помеси Барби с крокодиллом.

Уж и не знаю, как бы сложилась моя жизнь, но однажды в парикмахерскую вошел Иван Васильевич и спросил:

– Милая, у вас тут есть туалет? Руки надо помыть.

Оказалось, что у «Мерседеса» моего будущего супруга лопнуло колесо. Незадача случилась прямо у дверей парикмахерской, в которой работала Настя Королева. Естественно, я показала ему «уголок задумчивости», подала ему накрахмаленное полотенце, а потом предложила:

– Не желаете чаю? Пока ваш шофер меняет крышку, посидите здесь, неприятно маячить на улице, кстати, там дождь начинается!

Иван Васильевич согласился переждать непогоду и был весьма удивлен, получив из рук скромной парикмахерши замечательный напиток, правильно заваренный дорогой китайский чай, а не бурду из бумажного пакета. А еще я в тот день захватила из дома домашние сырники и угостила ими неожиданного гостя. Отведав их, Иван Васильевич пришел в восторг.

– Господи, – воскликнул он, – такие готовила моя мама, после ее смерти я ничего похожего не едал!

Вот так все и началось. Через месяц Иван Васильевич сделал предложение, я ответила согласием. Муж дал мне безбедную жизнь, положение в обществе, окружил заботой и вниманием. Ясное дело, я обожаю его, люблю до беспамятства и готова служить ему верной собакой. Мы очень счастливы вместе, это всем известно, наша пара пример для других семей.

– Настена, – зашумел в коридоре муж, – ты где?

Я схватила блюдо с только что пожаренными нежными оладьями, водрузила на стол и ответила:

– Здесь, дорогой, садись скорей.

– Оладушки! – обрадовался супруг, входя в столовую. – Со сметаной! Ну как ты все успеваешь! И опять со временем угадала!

Я умилилась, а муж подошел к мойке и включил воду. Тугая струя ударила в раковину из нержавеющей стали, в разные стороны полетели брызги мыльной пены, добрались до вытяжки, попали на плиту, пол, даже холодильник.

Иван Васильевич в последний раз тряхнул кистями рук, вытер ладони о безукоризненно белое полотенце, швырнул его на разделочный столик и сел ужинать. Я живехонько вытащила из шкафчика

впитывающую салфетку и ловко вытерла потёки от пены. На кухне должен царить идеальный порядок, Иван Васильевич любит чистоту, при взгляде на плохо вычищенный кран у мужа начинается депрессия.

– Солнышко, ты где? – позвал меня муж.

Взглянув на себя в зеркальную дверцу духовки, я живо поправила волосы и пошла к столу. Как я уже говорила, Иван Васильевич обожает общение, ему постоянно необходима компания. По вечерам я работаю психотерапевтом, успокаиваю усталого супруга: если он не выплеснет переживания, у него начнется мигрень!

– Оладушки потрясающие, – промычал Иван Васильевич с набитым ртом.

Я заулыбалась.

– Еще есть эклеры со сливочным кремом и шоколадной помадкой.

– Умница, – умилился супруг, – ну, слава богу, домой приехал!

– Тяжелый день? – насторожилась я. – Может, валокординчику накапать?

– Лучше твое фирменное какао с пирожными, – потер руки Иван Васильевич, – меня ужин надежнее всех лекарств успокаивает, да и не следует организм химией травить, ведь так?

Я закивала и пошла к плите.

– Представляешь, – сказал муж, съев три трубочки из заварного теста, – сегодня такая дрянь приключилась!

– Опять Андреева напилась? – возмущенно воскликнула я. – Гони ее вон! Понимаю, что с твоим излишне добрым характером трудно уволить старуху, но ведь она алкоголичка!

Иван Васильевич каждый вечер рассказывает мне о своих делах, и я, никогда лично не встречавшаяся с сотрудниками центрального офиса, великолепно знаю их. Я в курсе семейных проблем Лени Сергеева, вице-президента фирмы. У него есть любовница, недавно родившая ему сына. Не слишком оригинальная история, но пикантность ситуации придает один нюанс: законная жена Леонида тоже недавно разрешилась от бремени, женщины произвели на свет отпрысков чуть ли не в один день, и мальчики похожи словно две капли оливкового масла. Они золотисто-рыжие, большеносые, одним словом, полные копии своего папеньки.

А сотрудница Андреева пьет запоем, и Иван Васильевич никак не может расстаться со старухой, ему мешает его порядочность. Когда-то Галина Михайловна являлась владелицей фирмы, вот только дела она вести не умела, предприятие тихо умирало, не принося ни малейшего дохода. Мой муж выкупил убыточную контору и за короткий срок преобразил ее. Сейчас это гигантский спрут, структура по производству соков и варенья. Иван Васильевич – вот оно, благородство настоящего мужчины, – оставил придурковатую бабу на службе. Но Галина Михайловна не использовала предоставленный ей шанс, начала пить и сейчас похожа на бомжиху.

– Извини, конечно, что даю тебе совет, – улыбнулась я, – думаю, Галине Михайловне следует сидеть дома. Предложи ей пенсию и забудь о выпивохе.

– Я сам пришел к такому решению, – кивнул Иван Васильевич, – но у меня другая проблема.

– Что-то еще случилось? – напряглась я.

Муж кивнул.

– Да, умерла Аня, жена Лени Сергеева, это случилось не сегодня, чуть раньше, я не хотел тебя волновать, но сейчас придется.

– Какой ужас! – всплеснула я руками. – Она же недавно малыша родила.

– Мальчику шесть месяцев, – уточнил Иван Васильевич.

– И что с ней случилось? – занервничала я.

– Загадочная история, – пожал плечами муж, – она скончалась от сильнейшего удара в затылок.

– Кто же убил женщину? Господи, неужели это Леня?

Супруг замахал руками.

– Что ты, Леня очень любил Аню.

– И имел любовницу, – напомнила я.

Иван Васильевич крякнул, налил себе еще чашечку какао, взял очередной эклер и пустился в объяснения.

– Наличие гетеры не означает отсутствия чувств к жене. Аня с Леной жили вместе девять лет, и у них не было детей. Сначала хотели для себя пожить, потом, добившись материального благополучия, завели ребенка. Если хочешь знать, Леня не собирался изменять супруге, Лиза его намеренно окрутила. Ну что взять с мужика? Поддался соблазну. Знаешь, что Елизавета ему в свое время сказала? «Я бесплодна, у меня никогда не будет детей», а через некоторое время забеременела. Хитрая стерва! Стала Лёне в уши зудеть: «Ребенок не налагает на тебя ни малейших обязательств, я сама воспитаю малыша, никогда не попрошу ни

копейки».

– Думаю, Леня давал Лизе немалые суммы, – тихо сказала я, – он так же порядочен, как и ты!

– Просто сумасшедший дом на выезде, – всплеснул руками Иван Васильевич, – ладно, в конце концов, Леня может себе позволить содержать и десяток баб. Ну купи Елизавете квартиру, назначь ей алименты! Так нет!

– Сергеев не захотел признавать мальчика? – изумилась я. – Это на него абсолютно не похоже!

– Совсем наоборот, – горестно вздохнул Иван Васильевич, – у него в голове поселилась замечательная идея: если Аня и Елизавета так любят его, следовательно, они должны хорошо относиться друг к другу. И он их познакомил!

– Ну и ну! – покачала я головой. – Зачем?

– Леня объяснил свою идиотскую затею так: он очень мучается, мечется между двумя женщинами, страдает из-за сыновей, один из которых должен вырасти ущербным. Если дамы обожают мужа и любовника, им надо вести себя так, чтобы тот не дергался, пребывал в душевном комфорте, а для этого всем следует стать добрыми друзьями.

– Обалдеть! – подскочила я. – Хотя, конечно, это правильный ход мыслей. Если испытываешь подлинное чувство, то пойдешь ради партнера на любые жертвы.

– Хочешь сказать, что ты бы согласилась мирно пить чай с моей любовницей? – усмехнулся Иван Васильевич.

– Нет! – закричала я. – Никогда.

– А как же горячая любовь? – откровенно веселился супруг.

– Не знаю, – прошептала я, – загрызу соперницу, опущу ей на голову топор, разнесу ее в клочья...

Иван Васильевич нежно поцеловал меня.

– Да уж, ты не из тех женщин, которые сумеют улыбаться в лицо человеку и исподтишка подсыпать ему яд. Я люблю тебя за детскую откровенность и за неумение врать. Успокойся, солнышко, я не Леня, в отличие от дурака я великолепно понимаю: жену, да еще такую замечательную, как ты, на любовницу не меняют.

Я прижалась к Ивану Васильевичу.

– Милый...

– И самое интересное, – продолжал муж, хватая следующий эклер, – что они нашли общий язык, Лиза и Аня. Елизавета почти каждый день прибегала к мадам Сергеевой, они даже вместе ходили по магазинам, обедали, гуляли с детьми.

– И дружба завершилась смертью Анны, – с сомнением заявила я.

– Несчастный случай, – вздохнул Иван Васильевич, – хотя есть одна лично для меня необъяснимая деталь. Понимаешь, Аня умерла от раны головы.

– Ее кто-то ударил?

– В том-то и дело, что нет, – задумчиво протянул супруг, – тело лежало у открытого окна, труп нашла Лиза. Она бегала в булочную, задержалась там, и именно Елизавета вызвала милицию.

– И что?

– Эксперты установили: кончина Ани вызвана ударом предмета, который двигался с довольно большой скоростью. По версии следователя, дело обстоит так: Анечка встала у окна, то ли решила на небо полюбоваться, то ли воздухом подышать, потом повернулась спиной к улице, и тут ей в затылок угодил камень, брошенный не найденным пока мерзавцем.

– Встречаются на свете негодяи! – пришла я в негодование. – А дома точно никого не было?

– Нет, – твердо ответил Иван Васильевич, – лишь Аня и двое малышей, которые мирно спали в кровати.

– Может, кто-то из мальчиков швырнул случайно в нее игрушку? – предположила я.

– Что ты, ребенок не способен применить такую силу, у несчастной сломано основание черепа.

– Извини, конечно, за предположение, – продолжала я, – но Лиза... она точно уходила?

– Да, – кивнул муж, – более того, помнишь, я говорил, что любовница задержалась? Она поскользнулась в булочной на полу, подвернула ногу, сломала каблук, дохромала до кабинета директора и попросила одну из продавщиц сходить в обувной магазин, купить ей тапочки. Та же торговка помогла Лизе добраться до двери квартиры. Елизавета попросила девушку постоять в холле и пошла в глубь апартаментов.

– Зачем? – спросила я.

– Что «зачем»? – осекся Иван Васильевич.

– С какой стати Лиза притащила продавщицу с собой? Следовало поблагодарить ту у подъезда за

помощь и спокойно ехать наверх одной.

Иван Васильевич склонил голову набок.

– Елизавета хотела ее наградить, но она наотрез отказалась брать деньги. Тогда Ленина любовница сказала: «Я купила замечательные французские духи, новинку известной фирмы, побрызгалась ими разок и стала кашлять, аллергия началась. Может, возьмешь флакон?» И продавщица согласилась...

– Понятно, – перебила я супруга, – значит, Елизавета поковыляла за подарком?

– Ну да, – кивнул он, – вынесла духи, вручила девушке и вдруг сказала: «Вам не дуется? Почему такой сквозняк? Не дай бог, дети простудятся».

– По полу ветер гуляет, – согласилась продавщица, – вон из-под той двери тянет.

Лиза толкнула створки, и обе женщины заорали – на полу в луже крови лежала Аня.

– Полнейшее алиби, – констатировала я.

– Верно, – подхватил Иван Васильевич, – кстати, эксперт не сомневается, что камень или какой-то другой предмет влетел с улицы, тело Ани не передвигали, это доказано.

– Ну да, – осенило меня, – трупные пятна. По их расположению и изменению стопроцентно можно установить, перемещали ли мертвеца после смерти.

– Аню не трогали, и она лежала в таком положении, что сомнений не оставалось: орудие убийства прилетело извне.

– Ужасно, – прошептала я, – молодая женщина мертва, ребенок стал сиротой, муж – вдовцом, и все из-за подонка, который решил позабавиться.

– Ну да, – с сомнением пробормотал Иван Васильевич, – впрочем, ни малыши, ни Леня без женской ласки не останутся. Сейчас в квартире Сергеева хозяйничает Лиза. Думаю, через год Леня женится на любовнице, у них же ребенок есть, Елизавета заменит сыну Ани мать, и жизнь потечет своим чередом.

– Что тебя беспокоит, милый? – прямо спросила я.

– Камень в квартире не нашли.

– Куда же он делся?

– Следователь предполагает, что Анна стояла затылком к улице, опершись спиной о подоконник. Бульжник угодил ей в череп и упал вниз, на тротуар.

– Следовательно, он во дворе.

– Нет, вспомни, ты же у них была в гостях, окна их квартиры выходят на шумный проспект.

– Хочешь сказать, орудие убийства вообще не нашли?

Иван Васильевич развел руками.

– Оперативники не сразу поняли, что нужно искать на улице. Лишь через день начали обшаривать окрестности и ничего не обнаружили; мало ли куда делось орудие убийства: его могли унести дети, замести дворники, мусорщики.

– Послушай! – вдруг осенило меня. – Насколько я помню, апартаменты Лени находятся на последнем этаже, это пентхаус.

– Да, – согласился Иван Васильевич, – и что с того?

– Значит, угодить в затылок Ане тяжелым предметом случайный прохожий не мог, – терпеливо объясняла я ход своих мыслей, – я плохо представляю себе человека, способного кинуть бульжник на столь внушительную высоту. Это должен быть исполин.

– Угу, – промычал супруг.

– Следовательно, надо обратить внимание на соседний дом, в особенности на те окна, которые расположены на одной линии с квартирой Сергеева. Я почти на сто процентов уверена, что убийца находился в том здании...

– Солнышко, – ласково прервал меня Иван Васильевич, – ты рассуждаешь прямо как начальник нашей службы безопасности, у него сложилась точь-в-точь такая же версия. Маленький нюанс: прямо за высоткой, в которой живет Леня, шумит оживленная магистраль, а за ней поле. Никаких близстоящих зданий там нет.

– Забавно, – удивилась я, – получается, нечто возникло из ниоткуда, убило несчастную Аню и пропало в никуда.

– Вот я и подумал, – не обращая внимания на мое замечание, продолжал Иван Васильевич, – может, ты сможешь? Милиция не намерена заниматься этим делом, всяк ментам не нужен. Они уже оформили происшедшее как несчастный случай и умыли руки. Но мне Леня не чужой, я хочу узнать правду, найти убийцу и покарать его.

– Мало найдется на свете людей, для которых слово «дружба» не пустой звук! – восхитилась я.

– Наша служба безопасности начала собственное расследование, но понимаешь, душенька, сотрудники ее – бывшие милиционеры, манеры у них соответственные, – объяснял муж, – суют удостоверение под нос,

сдвигают брови, раздувают щеки... Не всякий человек захочет откровенничать с ментами. Ты уже пару раз выполняла для меня деликатные поручения, выручи и сейчас.

– С огромным удовольствием, – подскочила я на стуле, – я живу лишь для того, чтобы служить тебе.

– Ты умная, наблюдательная и в придачу симпатичная, миловидная женщина, походи, потолкайся на месте преступления, загляни в булочную, поднимись к Лене в квартиру, вырази от нашего имени соболезнование Елизавете, – проинструктировал меня Иван Васильевич, доедая последний эскер.

На следующее утро я, надев элегантный, но скромный костюм, вошла в булочную, где некоторое время назад подвернула ногу Лиза, сделала пару шагов и с легким вскриком осела на пол.

– Ох ты, господи! – испугалась симпатичная толстушка, стоявшая за прилавком. – Что же вы так неосторожно.

– На плитке поскользнулась, – прошептала я, продолжая сидеть, – ой как больно!

– Встать можете? – забеспокоилась продавщица.

– Попытаюсь, – пробормотала я.

Из подсобного помещения выглянула еще одна девушка.

– Лица, что случилось?

– Да вот, опять покупательница упала, – зачистила Лица, – ну скажи, Катюха, че нам делать?

– Говорили же заведующей, – начала злиться Катя, – покрытие скользкое!

– У вас часто тут люди травмируются? – спросила я, делая попытку подняться.

– Давайте помогу, – захлопотала Катя, – потихонечку, вот так, осторожненько... сюда, в кабинет... Уф! Садитесь! Хотите чаю?

– Не откажусь, – улыбнулась я, – очень испугалась, вдруг ногу сломала, но раз иду, значит, кость цела!

– А я-то как перепугалась! – затрясла головой Катерина. – Я тут пару недель назад в такую передрыгну влипла. Представляете, пришла женщина и свалилась!

– У вас и впрямь скользкая плитка, – согласилась я. – Что, бедняга ногу сломала?

– Сумела встать, – тараторила Катя, – но, видно, ей совсем плохо было, пришлось мне ее домой провожать. Поднялись в квартиру, а там... труп!!!

– Мама!!! – прижала я руки к щекам. – Не может быть! Настоящий?

– Кровищи полно, – начала живописать ситуацию собеседница, – жуть и мрак! Потом меня в ментовку таскали. А я чего? Ничего! Чуть сознание не потеряла! Держу духи и стою в оцепенении.

– При чем тут духи? – делано удивилась я.

– Да Лиза, так эту даму зовут, – словоохотливо продолжала Катя, – сначала мне деньги совала, только разве за помощь плату берут? Я отказалась, конечно, дама расстроилась и сказала: «Купила себе отличный парфюм, прыснулась разок – и аллергия началась. Давай тебе подарю? Это же не обидно – флакон принять».

– И вы согласились?

– Ага, – закивала Катерина и ткнула пальцем в коробочку, стоящую на сейфе, – вот он.

– Вы решили их домой не относить? Муж ревнивый? – засмеялась я. – И у меня такой же. Потом вопросов не оберешься, пристанет репьем: где взяла, кто подарил, не ври, любовник дал!

– Нет, – ответила Катерина, – мой не такой, у нас полное доверие. Просто я не люблю духи, а вот свекровь от них тащится! У нее скоро день рождения, вот я и подумала на подарке сэкономить. Духи очень дорогие, мне такие не по карману, поэтому я их в кабинете держу, чтоб свекровь раньше времени не узнала.

– Можно взглянуть на упаковку? – попросила я.

– Мне не жалко, – разрешила Катя, – любуйтесь.

– Настоящая Франция, – восхитилась я, – тысячи три стоят.

– А я о чем! Не с рынка подделка! Коробочка новая, в целлофане, сверху бумажечка с печатью.

– Повезло вам, – сказала я.

– Это точно, – восторженно подтвердила девушка, – теперь на целый год любимой невесткой стану.

Поболтав еще с милой булочницей о пустяках, я поблагодарила ее за отличный чай, вышла на улицу, перестала хромать и пошла к дому Лени. Недалеко от входа в его подъезд раньше стоял лоток с цветами. Мы с Иваном Васильевичем, до того как Сергеевы обзавелись младенцем, часто бывали у Лени и всегда покупали для Ани розы именно в этом месте. Но сегодня привычной «клумбы» на тротуаре не оказалось.

Я в некоторой растерянности поозиралась по сторонам и подошла к оранжевой будке, где сидела газетчица, купила несколько безобразно дорогих изданий и спросила:

– Тут совсем недавно вроде букетами торговали?

– Идите к метро, – посоветовала тетка, страшно довольная полученной выручкой, – они туда переехали.

– Надо же, – удивилась я, – с чего же они дислокацию поменяли?

– Я Леське давно говорила, – вступила в разговор газетчица, – на плохом месте устроилась! Прямо у

дома! А если какой идиот че сверху швырнет? Либо тебе по башке угодит, либо товар помнет, еще неизвестно, что хуже, с хозяином не расплатится, он не растеряется, спишет на дуру ущерб со всех лотков! Леська только ругалась и меня идиоткой обзывала: «Молчи, Ленка, тут дом богатый, каждый день у них праздники, гости лентой тянутся, букеты хватают, выручка большая». И чего?

– Что? – проявила я крайнюю заинтересованность.

– Дык по-моему вышло, – оперлась грудью о прилавок тетка, – покидали из окна лабуду, в розы попали, поломались они! Слава богу, хоть немного спортилось, Леська потом их обрезала, в губку воткнула, и как эту... ну... такое слово еще неприличное есть...

– Икебана? – подсказала я.

– Во! Точно! За икебабу выдала, – усмехнулась газетчица, – но наутро сюда не встала, точку сменила.

– Что же в палатку бросили?

– Дерьмо всякое, – покачала головой Лена, – детские игрушки, деревянные, раскрашенные! Я Леське предложила: «Сбегай к охране, узнай, у кого дети есть, ясно же – малыш безобразничал, за которым нянечка не углядела». Хорошо, что только цветам досталось, а кабы Леське по башке? Все, натягивай белые тапки! Тут богатенькие проживают, им ведро роз купить как мне чихнуть. Но Леська просто перебралась к метро и прогадала!

– Почему же? – продолжала я занимательную беседу.

– Наверх глянь!

Я послушно задрала голову.

– Вишь последний этаж? Окон полно, сплошное стекло, – понизила голос Лена, – там олигарх поселился, один весь периметр занимает, у него жена померла. Так народ пер вдовцу соблезнование высказать, ну, понятное дело, цветов хотели четное количество, а Леська умелась, упустила сладкий момент.

– Значит, Леся уехала до смерти женщины? – уточнила я.

– Сначала дрянь сверху свалилась, потом глядим, часа через два ментов накатило! Море!

– Точно игрушки падали? Может, камни? – спросила я.

Лена ухмыльнулась, наклонилась, вынула из-под прилавка мешок и начала демонстрировать мне его содержание.

– Во, глянь! Пирамидка, совсем новая, прямо в упаковке, бусики россыпью. Я то, что не расколосось, подобрала, к дочке в выходные поеду, подарок отвезу. Еще всякие деревяшки имелись, разноцветные, вроде машинка, но она разломалась, и совсем непонятные кучки еще лежали.

– А вы милиции про этот случай рассказывали? – заинтересовалась я.

Лена оперлась подбородком на ладонь правой руки.

– Ты москвичка?

– Да, родилась в столице.

– А Леська с Украины, кто ее в ментовке послушает? – горько спросила газетчица. – И че она скажет? Из блатного дома ненужное покидали? Теперь угадай с трех раз, кого менты защищать станут? Нет, тут только самой виноватого надо искать и его родителей жалобить! Но Леська предпочла точку перетащить и про беду забыть.

– Вас в отделении не допрашивали? – не успокаивалась я.

– С какой радости? – напряглась Лена.

– Ну в связи со смертью той женщины, из пентхауса...

– Не-а, – пожала плечами газетчица, – там мы ни с какого бока.

В благодарность за очень интересный разговор я приобрела у болтуньи еще десяток абсолютно ненужных журналов, бросила их на заднее сиденье своего автомобиля и пошла в квартиру к Лене.

Дверь мне открыла заплаканная домработница Марина.

– Добрый день, – сказала я, – дома есть кто-нибудь из хозяев?

Марина замотала головой и неожиданно заревела, я обняла горничную за плечи.

– Не плачьте, мое солнышко.

– Ой-ой-ой, – причитала она, – ну как мне Анну Сергеевну жаль! Ведь только ребеночка родила!

– На все божья воля, дружок, – пробормотала я, – только господь способен определить продолжительность человеческой жизни.

– Павлик сиротой остался, – не могла никак успокоиться Марина.

Я взяла домработницу за плечи, привела в просторную кухню, налила ей водки и велела:

– Перестань, мальчик будет под присмотром, Лиза постарается заменить ему мать. Конечно, их с Аней связывали странные отношения, жена и любовница, по идее, не должны любить друг друга, но они дружили. Елизавета скоро будет здесь хозяйкой и...

– Уже всю командует, – тоскливо перебила Марина, – меня увольняют, с понедельника расчет.

Я ойкнула:

– Как же так! Ведь ты служила у Лени десять лет, пришла девочкой, стала в семье родной!

– Эх, Анастасия Петровна, – зашмыгала носом Марина, – вы человек интеллигентный, добрый, но уж простите, конечно, не в обиду вам сказано, наивный и простой. Для вас что главное?

– Семья, – не задумываясь, ответила я, – счастье и спокойствие Ивана Васильевича.

– И Анна такая же была, – горько сказала горничная, – уж как хозяин ни чудил, все ему прощала. Поплачет в ванной и выйдет как ни в чем не бывало, улыбается. Вот Елизавета иная, она в чужую семью словно червяк в яблоко вползла. Леонид конкретно Анне сказал: «Если меня любишь, прими Лизу и ее ребенка». И что оставалось делать моей хозяйке? Она, как могла, хорошее отношение к любовнице изображала, никогда с ней не вздорил, со стороны они подругами казались! Но я-то знала правду! Ох, и хитра же эта Лиза! Каждый день приезжала со своим малышом. «Наши дети братья, им надо жить вместе», «Малышам лучше расти в тесном контакте», «Павлик просто близнец Миши». Что ни фраза, то Анне кинжал в сердце.

– Вот мерзавка, – возмутилась я, – сначала вошла в чужую семью, а потом начала ее изнутри разваливать. Неужели Леня не понимал планов любовницы?

– Нет, – махнула рукой Марина, – хозяин жутко умный в бизнесе, всех обошел, а вот в жизни – дите неразумное. Он думал, что все устаканилось, Лизочка с Анечкой чай вместе пьют!

– Ну не дурак ли? – окончательно потеряла я самообладание.

– Хозяин простофиля, – согласилась Марина, – а Лиза – расчетливая дрянь, ничего от ее глаз не ускользало. Один раз принесла Павлику игрушки, после ухода любовницы Аня их выкинула...

Я внимательно слушала горничную, а та продолжала рассказ. В следующий свой визит Лиза с самым невинным видом поинтересовалась:

– А где же машинка, что я купила Павлику?

– Сломалась, – не моргнув глазом, заявила Аня.

– Какие плохие товары теперь производят! – всплеснула руками Лиза и на другой день приволокла три самосвала.

С тех пор у женщин началась странная забава: Лиза приносила Павлику игрушки, но, когда любовница уходила, Аня моментально их вышвыривала. Елизавета очень хорошо знала, куда отправляются мишки, зайчики, мячи, лопатки, ведра, самолетик и прочее, но ей нравилось дразнить Аню, поэтому Павлик постоянно получал подарки.

– В конце концов Аню до истерического припадка довела, – закончила Марина, – в день, когда Аня умерла, я в отгуле была и все случайно слышала. Наверное, следовало бежать к хозяйке, но я побоялась признаться, что оказалась свидетельницей разговора.

– Какого? – нервно спросила я.

Марина прижала руки к груди.

– У меня был отгул, около двух часов я позвонила Ане, чтобы предупредить: завтра приду на тридцать минут позже, зайду в магазин за картошкой.

Анна сняла трубку и крикнула:

– Хорошо!

Потом повисла тишина, Марина хотела уже отсоединиться, но тут до слуха горничной долетели причитания:

– Я не выдержу! Опять игрушки! Чтоб они сгорели вместе с Лизой и Мишей. Господи, дай мне сил! Сука! Носит и носит!

Марина поняла, что произошло: ее хозяйка швырнула трубку на диван, забыв отсоединиться. Анна же считала, что находится в одиночестве, и билась в истерике, отбросив в сторону всякое стеснение.

– Сволочь! – кричала она. – Ну за что мне это! Пришла, протянула мешок и заявила: «Знаю, опять выбросишь, эти лучше швырнуть в окно. Ты действуй, а я пока в булочную схожу, куплю братишкам свежего хлеба». Братишкам! Сука! Б...ь! Мразь! Раз она сама посоветовала подарки в окно отправить, так я и сделаю...

Марина всхлипнула.

– И что случилось дальше? – поторопила я.

– Я услышала скрип, – прошептала горничная, – у нас рама в гостиной так скрипит, и все!

– Что все?

– Я отсоединилась, – понуро ответила Марина, – решила, что некрасиво дальше подслушивать.

– Ясно, – сказала я, – знаете, Мариночка, мне, похоже, больше тут бывать не придется, не сумею я

подружиться с Лизой. Можно я пройду по комнатам, в последний раз полюбуюсь на замечательную коллекцию?

Леня и Аня обожали путешествовать, из каждой поездки они привозили памятные вещи, которые потом развешивали на стенах. Экспозиции у пары были тематические. Допустим, в коридоре Африка, в столовой Австралия, в гостиной Китай, в спальне Япония, на кухне Индия.

Мы с Мариной вошли в столовую.

– Может, мне что-то на память взять? – вдруг спросила горничная.

– На австралийской стене очень милая картина со слонами, – кивнула я, – попросите у Лени, вдруг он подарит. Хотя это память о счастливых днях с Аней.

– Попомните мое слово, – зло рявкнула горничная, – Лиза тут все переделает и память вон вышвырнет.

Вечером, когда Иван Васильевич вернулся с работы и принялся за буженину, запеченную в тесте, я сказала:

– Ты был прав! Лиза убила Аню!

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался муж.

Я выложила все нарытые факты и сообщила свои выводы.

– Лиза знала, что Аня всегда выбрасывает подаренные ею игрушки. В тот день она принесла полный пакет, набитый раскрашенными деревяшками, и так ловко построила беседу с женой любовника, что та, дождавшись, когда Елизавета уйдет в булочную, открыла окно и в истерике стала с силой вышвыривать ее подарочки.

Лиза специально выбрала в тот день именно деревянные, щедро разукрашенные игрушки, среди них она спрятала бумеранг. А что происходит, если это оружие с остервенением бросить вперед?

– Оно вернется, – прошептал Иван Васильевич.

– Лиза разработала дьявольский план, она надеялась, что Аня, ослепленная гневом, не поймет, что держит в руках бумеранг, и именно так все и случилось! Когда жена Лени избавилась от подарков, повернулась спиной к окну, бумеранг вернулся! Страшный удар, и Анна падает замертво.

– Но почему милиция не нашла в квартире орудия аборигенов? – еле слышно спросил Иван Васильевич.

– Лиза хитрая преступница, она специально упала в булочной, сделала вид, будто повредила ногу, и пришла домой в сопровождении продавщицы Кати, которая должна была подтвердить ее алиби и увидеть труп Ани. Елизавета оставила Катю в холле, прошла в комнату за духами, принесла склянку, в гостиную она не входила, место преступления открылось потом. Вот только я знаю, что в гостиную еще можно попасть из столовой. Лиза живо бросилась туда, где лежала убитая Аня, спрятала бумеранг в свою сумку, а потом уничтожила его. Но негодяйка допустила пару ошибок и поэтому попалась.

– К-каких? – прозаикался Иван Васильевич.

– Элементарно, – улыбнулась я, – Лизе требовалось заманить Катю в квартиру, поводом послужили духи. Якобы Елизавета брызнула их на себя разок и получила аллергию. Но я видела упаковку, она запечатана, целлофан не вскрывали. Разве можно воспользоваться парфюмом, не вскрыв целлофан? Как говаривал один из главных героев культового сериала «Семнадцать мгновений весны»: «Маленькая ложь рождает большие подозрения». Теперь главное: где Лиза добыла бумеранг?

– Где? – эхом отозвался супруг.

– Сняла со стены в квартире любовника, – пояснила я, – у Лени полно сувениров, в том числе и бумеранги. Их несколько: пять или шесть. Лиза побоялась вешать орудие убийства назад, но пустой гвоздь мог привлечь внимание, и убийца нацепила на него картину. Она ничем не рисковала, Аня умерла, а Леня, как все мужчины, особой внимательностью не отличается. Впрочем, поинтересуйся он, где орудие аборигенов, любовница спокойно ответила бы: «Не знаю, Аня небось изменила экспозицию».

– Чем же тебя поразила картина? – изумился Иван Васильевич.

– На ней изображено стадо слонов, – усмехнулась я, – но гиганты с хоботами не живут в Австралии. Аня очень трепетно относилась к стилю жилища, она бы не допустила столь грубой оплошности.

– Но Аня могла и не швырнуть игрушки в окно, – только и сказал муж, – Лизин расчет тогда не оправдался бы.

– В таком случае Лиза придумала бы новый способ избавиться от Анечки, – ответила я, – но идея с бумерангом сработала.

Лиза призналась в убийстве на первом допросе, сейчас она отбывает свой срок. Леня женился на горничной Марине, Павлик обрел очень заботливую маму, Миша тоже живет вместе с отцом и мачехой. Вот так закончилась история.

Внезапно послышался громкий звон, я открыла глаза. Ну надо же! Присела на диван у телевизора и вдруг совершенно неожиданно для себя крепко заснула. Почему мне в забытьи вспомнилась ситуация с Лизой? На столике продолжал заливаться телефон, я тупо смотрела на аппарат, потом, встряхнувшись, словно попавшая под дождь собака, взяла трубку. Если хочешь, чтобы твои сны сбывались, не спи долго.

– Анастасия Петровна, машина у подъезда, – отрапортовал шофер Андрей, – вам помочь?

– Благодарю, но в этом нет необходимости, – ответила я, вставая, – багажа у меня нет, лишь небольшая сумка.

Я пошла к двери и еще раз окинула взором первый этаж особняка. Дом выставлен на продажу, сюда я больше не вернусь. Вы удивлены? Увы, уже полгода как я вдова, мой горячо любимый Иван Васильевич внезапно скончался. Смерть мужа была мгновенной, он упал лицом на стол, умер прямо на рабочем месте, на глазах у десятка сотрудников. Кончина наступила от атеросклероза, одна из жировых бляшек оторвалась и закупорила сосуд, ведущий к сердцу.

– Увы, он имел излишний вес, не занимался спортом, не соблюдал диету, – сказал патологоанатом, – ему следовало есть один раз в день пустые листья салата, даже без масла.

Я печально улыбнулась. Бедный, бедный мой Иван Васильевич, мясоед и сладкоежка. Знай он о скорой кончине, ни за что бы не согласился лишиться моих пирогов, буженины в тесте, эклеров. Я очень любила мужа и сделала его счастливым.

В VIP-зале Домодедова было пусто. «Пассажиров, следующих рейсом Москва – Лондон компании Бритишэрвейс», приглашают на посадку», – прозвучало из динамика.

– Разрешите позвать вам руку, Анастасия Петровна, – попросил Андрей.

Поколебавшись секунду, я протянула шоферу ладонь и сказала:

– Надеюсь, вам будет хорошо у новых хозяев.

– Удачного полета, – пожелал мне водитель.

Я улыбнулась и ушла.

Когда самолет набрал высоту, я прошла в туалет и осторожно развернула бумажку, которую идиот Андрей вложил в мою ладонь во время прощального рукопожатия. «Дорогая, жду вестей. Скоро будем вместе. Твой А.». Прикусив нижнюю губу, я стала методично рвать клочок в конфетти. Вот кретин! Свяжись с таким – и мигом очутишься за решеткой. Да, в свое время мы были любовниками, мечтали об обеспеченной жизни, и именно Андрею пришла в голову идея познакомить меня с Иваном Васильевичем, своим хозяином, страстным обжорой, невероятно богатым папиком.

– Тебе его охомутать как лошади чихнуть, – токовал глухарем Андрей, добиваясь моего согласия, – а потом, спустя годок после свадьбы, придадим старика и получим по завещанию его денежки.

Да, это Андрей подстроил тогда у входа в парикмахерскую прокол колеса, но все остальное сделала я! Лично! Сама! Сначала понравилась Ивану Васильевичу, потом сумела стать его женой, готовила целыми днями, стирала, убирала, гладила. Я стояла намертво, не соглашаясь на предложения Андрея придушить хозяина, объясняла дурачку-любовнику:

– В МВД работают очень хорошие криминалисты, мы попадемся. Погоди, скоро жирная, чересчур калорийная еда добьет мужика, я буду вне подозрений. Ну кому придет в голову подумать плохо о жене, которая нежно заботилась о муже. Да у меня на ужин всегда есть свежие эклеры с масляным кремом!

Бедный Иван Васильевич так обожал пирожные, что мог слопать девять штук и залить их литром какао. И он умер счастливым!

А я теперь молодая вдова с огромным капиталом. Деньги переведены за рубеж. Скоро к ним присоединится еще пара миллионов долларов, вырученных от продажи особняка. Не надо придумывать многоходовых комбинаций с бумерангом, как Лиза, она-то сейчас на зоне, ходит в черной телогрейке с номером, а я мчусь на крыльях в Лондон. А все почему? Потому что очень любила Ивана Васильевича и без усталости заботилась о нем. А какой у нас был секс! После плотного ужина! Еще удивительно, что старикан прожил с молодой женой несколько лет!

Я спустила мелкие клочки в унитаз и вернулась на свое место. Да, я была никем из ниоткуда, бедной дворняжкой, а стала очень богатой женщиной. Вот только Андрею в моей жизни места нет. Я расплатилась с ним, очень скоро водитель получит от адвоката сообщение: вдова Ивана Васильевича дарит ему «БМВ» хозяина, это награда за безупречную службу. Захочет – продаст, или станет раскатывать сам на подаренной тачке, Иван Васильевич одобрил бы жену. Мой любимый муж прав, я к нему привыкла!

– Вам хорошо? – заботливо спросил пожилой сосед. – Хотите пить? Что случилось? Вы так побледнели?

– Ничего, – прошептала я, – просто вспомнила недавно умершего мужа, еще года не прошло, как я стала вдовой.

– Простите, – в замешательстве отшатнулся старичок.

Я закрыла глаза. Обломалось, милый. Решил пристать к молодой женщине, но ничего не вышло. Нет, я больше не смотрю на папиков. Второго Ивана Васильевича, милого, воспитанного, любимого, очаровательного, вряд ли встречу. Да и не надо, денег мне теперь хватит на десять жизней. Сейчас слегка успокоюсь, поживу в одиночестве, а потом найду себе мужа, молодого, красивого. Но уж после этой свадьбы в нашем семейном холодильнике будет только обезжиренный кефир и салат из редиса. Никто из ниоткуда – небольшая любительница постоянно наступать на одни и те же грабли.

Галина Куликова

Рождество по-русски

Надеюсь, ты взяла с собой нарядное платье? И туфли-лодочки?

Подруга говорила с теми же интонациями, что и работающая мать, которая контролирует свое чадо по телефону. «Ты разогрела суп? А котлеты с макаронами? И не пей газировку, в холодильнике кастрюлька с компотом».

– Взяла, взяла, – успокоила ее Светлана и торопливо добавила: – Все, я закругляюсь. Уже подхожу к автобусу. Позвоню потом, вечером. Или завтра утром. В общем, как получится.

Автобус был чистенький и яркий и напоминал игрушку, приготовленную в подарок мальчишке. Он стоял напротив телецентра с открытой передней дверцей, будто бы приглашал в путешествие всех желающих. Светлана двигалась прямо к нему по скрипучему снегу мелкими шажками, напоминая пугливую птичку, заметившую хлебную корку.

– А его ты видишь? – прошипела подруга ей в ухо. – Видишь Арсеньева?

– Нет. Наверное, он сидит внутри. Или вообще еще не подъехал.

– Нужно сразу брать быка за рога, – напутствовала та. – Сядь рядом с ним, ясно?

– Лера, ты должна понимать, что артист не может интересоваться каждой теткой, которая восхищается его талантом. Так что не жди от меня в понедельник приглашения на свадьбу.

– Тетка? – возмутилась Лера. – Тебе только тридцать. Еще десять лет можно считать себя девушкой.

– Пока, – бросила Светлана и сунула телефон в карман пальто.

Пальто она одолжила у сестры Тамары: ее собственное было слишком непрезентабельным для того, чтобы появиться в нем «в обществе». В сущности, Тамара сама была во всем виновата. Новогодний музыкальный телефильм «Пираты, пираты!» широко рекламировался в прессе, среди потенциальных зрителей проводились викторины и конкурсы. В одном из них неутомимая Тамара приняла участие и выиграла приз – поход в ресторан с исполнителем главной роли Олегом Арсеньевым. Приз она подарила младшей сестре, признавшись заодно, что отправила заявку от ее имени.

Уже был подобран сногшибательный брючный костюм – приталенный, с атласным воротником, – когда позвонили со студии и сообщили, что обстоятельства неожиданно изменились. В праздничные выходные Олег Арсеньев отправляется за город на съемки передачи «Рождество по-русски», поэтому в ресторан пойти не сможет. Однако победительнице конкурса предоставляется возможность присоединиться к участникам передачи. Если она согласна – следует паковать вещи.

Конечно, Светлана согласилась. И теперь кляла себя на чем свет стоит. Она будет выглядеть полной дурой. Кто там может быть среди приглашенных? Певцы, танцоры, политики и другие известные личности. И уж точно ни одного конторского служащего. Наверное, Арсеньев решит, что обязан ее развлекать. Как-то унизительно.

Светлана сощурилась, пытаясь разглядеть за стеклами автобуса хоть что-нибудь. Бесполезно. День выдался ослепительно ясным – солнце, не мигая, тарачилось на прохожих, изо рта которых вырывались плотные облачка пара. Ночью город засыпало свежим снегом, он отчаянно хрустел под башмаками, и все шли, похрустывали и друг другу улыбались. Завтра Рождество!

С подножки автобуса соскочил пожилой мужчина в толстой куртке и, закурив сигарету, принял прохаживаться взад и вперед. Светлана решила, что это шофер – у него был добродушный и слегка снисходительный вид, с каким все водители взирают на пассажиров.

– Простите, – обратилась к нему Светлана, торопливо преодолев последние трудные метры. – Я на передачу «Рождество по-русски». Мне в этот автобус, да? Сказали, что он будет на стоянке...

Она чувствовала себя самозванкой и ужасно нервничала.

– Седьмая, – удовлетворенно ответил шофер.

– Простите?

– Я говорю: вы – седьмая. Осталась только главная наша, Жанна Ольшанская. Как она появится, сразу поедем. Вы давайте, давайте, забирайтесь внутрь.

– А вы? – высоким ненатуральным голосом спросила Светлана.

– Я еще покурю покамест, – подмигнул он. – Можете звать меня дядей Петей.

Светлане не очень понравилась эта идея, но возражать она, ясное дело, не стала. Переложив сумку из левой руки в правую, она задала новый вопрос:

– А далеко нам ехать?

– Средне, – благодушно ответил дядя Петя. – А вы чего так нервничаете?

– Я никого не знаю, – тотчас призналась Светлана. – Из остальных... гостей передачи.

– Вот это да! – неожиданно раздался за ее спиной веселый голос. – Хотел бы я оказаться на вашем месте и никого из них не знать.

Светлана вздрогнула, мгновенно обернулась и оказалась лицом к лицу с Олегом Арсеньевым. Он спрыгнул на снег – шарф поверх свитера, знаменитая плутовская улыбочка, одна бровь выше другой, внимательные глаза, растрепанные волосы. Абсолютно несерьезная, несолидная, восхитительная внешность! Светлана сглотнула и пробормотала:

– Здравствуйте! Я, собственно, победительница...

Она не успела договорить, потому что на стоянку влетел низкий спортивный автомобиль и протяжно просигналил.

– Ну, дает, – пробормотал шофер, бросив окурок в соседний сугроб. – Чего гудеть-то? Гудеть чего? Нервы, они требуют нежного обращения.

– У моей бывшей супруги нет нервов, – пробормотал Арсеньев, и Светлана тотчас вспомнила об их давнем, но громком разводе.

Тогда Арсеньев еще только завоевывал себе имя, а Жанну Ольшанскую, неподражаемую ведущую музыкальных шоу, уже знала вся страна. Она была из тех женщин, у которых на все есть собственное мнение – твердое, как базальтовая порода, и неприкасаемое, как папская булла. Жанна родилась, опередив на несколько секунд брата-близнеца, оказалась «характерным» ребенком, всегда добивалась своего и выросла ослепительной красавицей. Последним обстоятельством пользовалась широко и с удовольствием, откровенно презируя противоположный пол, который не мог устоять перед ее чарами.

Светлана мгновенно расстроилась. Она не планировала охмурять Арсеньева, но собиралась наслаждаться его обществом на всю катушку. Бывшая жена все испортит. В присутствии бывших жен даже самые жизнерадостные мужчины принимают боевую стойку.

Тем временем Жанна распахнула дверцу и выбросила из автомобиля стройные сильные ноги. Потом появилась вся – непозволительно высокая и возмутительно яркая. Вытащила из салона маленький чемоданчик, раскрашенный под леопарда, и широким шагом направилась к автобусу.

– Привет! – поздоровалась она, глядя прямо на Арсеньева. – Давно не встречались. И ты не звонил.

– С чего бы мне звонить? Чтобы заставить поревновать твоего мужа?

– Мой муж ревнует только контракты, ушедшие на сторону. Кстати, мне нужно будет кое-что с тобой обсудить.

– Со мной? – удивился Арсеньев и неожиданно сообразил: – Да не ты ли организовала мое участие в этой передаче? Мне буквально выламывали руки, чтобы я поехал. Хотя я не собирался встречать Рождество с чужими людьми.

– Разве мы чужие друг другу? – вкрадчиво спросила Жанна и вдруг заметила дядю Петю и Светлану, которые стояли рядом и все слышали. – А вы кто? – с неудовольствием спросила она, переводя глаза с одного на другую.

– Я шофер, – поспешно ответил дядя Петя.

Светлана кашлянула и низким боцманским голосом произнесла:

– А я Светлана.

– Я не спрашиваю, как вас зовут, – раздраженно заметила Жанна. – Я спрашиваю – кто вы?

– С-статистка.

– Фр-р, – брезгливо сморщила нос «звезда» и полезла в автобус, держа чемоданчик перед собой.

– В смысле – занимаюсь статистикой... – пояснила Светлана прямой спине. – В статистическом центре. Я главный научный сотрудник...

– Ей все равно, – ободрил Свету Арсеньев и похлопал по плечу. – Лезьте в салон, да поскорее. И вы тоже, – обратился он к шоферу. – А то Жанна уедет без вас, она умеет водить автобус.

Дядя Петя поспешно прыгнул на нижнюю ступеньку, а Арсеньев попытался отнять у Светланы ее сумку, но она ни за что не хотела отдавать.

– Чего это вы упираетесь? – засмеялся он. – Честное слово, я сильный и смогу донести ваше добро до места. Или у вас там мешочек с фамильными драгоценностями? Так я не только сильный, но и честный.

Девушка была прехорошенькая. Ему понравились ее серьезные глаза и завернутые вверх уголки губ, понравился ее румянец во всю щеку и отважная борьба с собственным смущением. Рядом с ней Арсеньев почувствовал себя страшно любезным парнем. Мужчины всегда симпатизируют тем, кому покровительствуют. Он решил, что в рождественскую ночь обязательно поцелует ее под елкой – пусть у

человека останутся сильные впечатления от праздника.

– Люди, знакомьтесь, это наша последняя гостья, – громко возвестил он, остановившись в проходе и протолкнув свою протезе вперед.

– Добрый день! С наступающим Рождеством! – сказала протезе тощеньким неуверенным голоском. Давешний бас куда-то подевался. – Меня зовут Светлана.

На нее уставились шесть пар глаз. Жанна Ольшанская, которая уселась впереди, неподалеку от водительского места, и уже успела основательно расположиться на двух сиденьях, немедленно откликнулась:

– А я Жанна.

Остальные засмеялись. Не считая Арсеньева и дяди Пети, здесь оказалось еще четверо мужчин. Все они сидели порознь – в затылок друг другу. Двоих Светлана узнала с лету. Григорий Волчков, эстрадный пародист, маленький, с крепким пузцом, подмигнул круглым глазом, словно они были сто лет знакомы. Короткие, стоящие торчком волосы и вечно потный лоб делали его похожим на всклокоченного младенца, с которого только что сняли чепчик. В довершение ко всему он болтал ногой, которая, кажется, едва доставала до полу. Образ своего парня очень ему подходил, он это знал и вжился в него основательно.

Второй известной личностью был Артем Холодный, солист и руководитель группы «Углекислый газ», которая достигла пика популярности не меньше пятнадцати лет назад. Теперь музыканты попали в список «монстров отечественного рока» и изо всех сил погоняли былую славу, выжав почти досуха старые хиты.

Артем Холодный взглянул на Светлану глазами мудрого пса – он вел бурную жизнь, некоторое время сильно пил, не отказывая себе во всех человеческих удовольствиях. Печать этих удовольствий теперь лежала на его лице – несмываемая и неприятная. У него были короткие волосы, белесая щетина, добавлявшая ему лишний пяток лет, серьга в ухе и перстень на мизинце правой руки – массивный, как кастанет.

– Салют! – Артем вяло помахал рукой и откинулся на спинку сиденья, не проявив к Светлане особого интереса.

– Проходите, проходите, – подтолкнул ее Арсеньев. – Где хотите приземлиться?

– Наверное, вон там... Чуть дальше, – поспешно ответила та и быстро двинулась в хвост автобуса. Знаменитости сидели поштучно и кивали ей с разной степенью приветливости. Худой мужчина в очках с золотыми дужками подарил ей персональную улыбку, а крупный, лохматый человек рыкнул:

– Девушка, вы можете стать моей музой!

– Это Владимир Грызунов, – пояснил Арсеньев, продолжая играть роль опекуна. – Большой в прямом и переносном смысле художник, работающий с природными материалами.

Грызунов развернул мощное туловище назад и застенчиво уточнил:

– Можно просто Вова. Вообще-то я делаю картины из песка, камней, раковин и водорослей. Так сказать, маринист.

– Да какой ты маринист? – неожиданно вмешалась в их разговор невидимая глазу Жанна Ольшанская. Ее хрипловатый голос звучал на весь салон. – Наклеиваешь на холсты сушеных пиваков.

– Это были морские звезды, Жанна, – возразил Грызунов. – И они ушли по хорошей цене.

– Я всегда знала, что у тебя торгашеская душонка.

– Ну-с, – заметил Арсеньев, обращаясь к Светлане, – мотор ревет, мы скоро тронемся в путь. Если заскучаете, заходите в гости.

Он мотнул головой, показывая, где его собственное место. При этом абсолютно точно знал, что она приглашением не воспользуется и не переберется к нему во время пути. Кто угодно, только не она! У нее на лбу написано хорошее воспитание и подкупающе серьезное отношение к жизни. Арсеньев решил, что целовать ее можно, а вот ухаживать – нельзя. В серьезных и хорошо воспитанных молодых дамах скрыты чудовищные запасы романтичности. Они залегают на самой глубине, под толщами социально-культурных наслоений. Но если неосторожно разбудить нежные чувства, все это добро полезет наружу и начнется такое землетрясение...

Арсеньев хмыкнул и пошел прочь. Светлана тихонько вздохнула ему вслед и тут услышала голос:

– Я тоже здесь никого не знаю.

Голос был женским, и ей пришлось извернуться, чтобы увидеть, кому он принадлежит. Принадлежал он девушке лет двадцати двух, которая устроилась на самом длинном сиденье у окна. Она была завернута в яркую спортивную куртку.

– Меня зовут Ася, – девушка поправила светлую челку, из-под которой выглядывала, как из-под козырька. Волосы у нее были прямыми и падали до плеч, постриженные по линейке. – Я сюда буквально в последнюю минуту попала. Сама не ожидала.

– Я выиграла конкурс, – сообщила Светлана, вспомнив неумный восторг сестрицы. – В журнале. И вот...

– Ой, я тоже выиграла конкурс! – воскликнула Ася и подпрыгнула вместе со своей челкой, потому что автобус, тихо заворчав, уже выбрался на шоссе, неловко перевалившись через бордюр.

– Какого черта мне не дали поехать на своей машине?! – немедленно вознегодовала Жанна во весь голос. – Что за пионерский лагерь «Огонек»?! Почему я должна трястись тут вместе со всеми, как леденец в коробке? Я привыкла к комфорту, хотя бы к элементарному.

– Вас же много, знаменитостей! – громко крикнул дядя Петя через плечо. Водительское место отделяла от салона только перегородка, и при желании он мог общаться с пассажирами. – И вы дороги не знаете. Что же, мы бы так и ехали караваном? Да и машинки ваши там не пройдут, куда мы едем, – посадка у них не та.

– Бардак! – продолжала разоряться Жанна. – Организация на грани фантастики! Вечером звонят, называют одно место, утром перезванивают – называют другое. То мы едем сами, то нас везут... И где съемочная группа?

– Съемочная группа уже там, – снова откликнулся шофер. Он единственный из всех был в курсе дела. – Да вы не волнуйтесь, отдохайте! Можете поспать.

– Спать?! Вы ненормальный? Днем спят только глупые куры и старые дуры.

Артем Холодный наклонился через проход к Арсеньеву и вполголоса спросил:

– Она, конечно, красавица, но ужасная стерва. Сколько вы прожили в браке?

– Год.

– И как ты выдержал?

– Ну... Она, конечно, ужасная стерва, но ведь и красавица, – равнодушно заметил тот.

Шофер дядя Петя оказался крутым мужиком и вел автобус на такой приличной скорости, что Светлана предпочла не смотреть в окно, сосредоточив внимание на Арсеньеве. Она видела кусочек спины, локоть и иногда – если он вдруг поворачивал голову – знакомый профиль. Он был совсем рядом с ней – удивительное чувство! Она, конечно, не была влюблена в актера, как юная фанатка, просто восхищалась его талантом и обаянием. Он для нее – одно из чудес света. Пообщаться с Олегом Арсеньевым – все равно что увидеть Эйфелеву башню. Правда, Эйфелева башня вряд ли привела бы ее в такое смущение. У башни не было пытливых глаз и пылкой улыбки. Ни известный пародист Гриша Волчков, ни перезрелый суперстар Артем Холодный, ни даже блистательная Жанна Ольшанская не произвели на нее столь сильного впечатления. Это был всего лишь достойный Арсеньев фон, не более того.

Автобус бежал все дальше и дальше, оставляя позади себя городки, городочки и городишки. Потом пошли поля, запорошенные снегом, и узкие шоссе, на которых двум машинам было не разъехаться.

– Господи, и куда же нас завезли? – с беспокойством спросил мужчина в очках с золотыми дужками – единственный, с кем Светлана до сих пор не познакомилась. Он высунул голову в проход и уже громче возмутился, обращаясь, по-видимому, к дяде Пете: – Мы час плутаем по ужасным дорогам! Что это за место такое заповедное? Наверняка туда есть прямой путь. Может быть, мы заблудились?

– А у меня уже полчаса как отрубился мобильник, – поддержала его Жанна, которая практически всю дорогу проговорила по телефону и теперь сидела с недовольной миной на лице. Поскольку она то и дело оборачивалась назад, эту мину все отлично видели. Светлане все это совсем не нравилось. Ей казалось, что Жанна смотрит только на бывшего мужа. Интересно, что она задумала?

– Ася, вы не знаете, за кого Жанна во второй раз вышла замуж? Кто такой Ольшанский? – тихонько спросила она у соседки сзади, всунув голову в просвет между сиденьями. Может быть, девица читает светскую хронику и что-нибудь слышала.

– Ольшанский? – Ася растерянно посмотрела на нее. Пожалуй, даже испуганно. И так резко выпрямилась, что ее лопатки, вероятно, стукнулись друг о друга, а нежная девичья шейка сильно высунулась из куртки. – Н-нет, – ответила она после некоторой заминки. Светлана заметила, что кончик носа у нее белый – не то от холода, не то от волнения. – Я понятия ни о чем таком не имею. Я просто выиграла конкурс и вот...

– Кажется, мы приехали! – громыхнул на весь салон художник Грызунов и завозился, высвобождая тяжелое туловище из тисков сиденья.

«Может быть, Ольшанский – какой-нибудь мафиози? – подумала Светлана. – Сейчас модно выходить замуж за бандитов. И, главное, выгодно. Поэтому Ася так испугалась. Наверняка она знает, кто такой Ольшанский, только не хочет рассказывать».

В этот момент автобус тряхнуло, он в последний раз коротко рывкнул и перестал вибрировать. Дверь открылась, и сладкая тишина ворвалась в салон вместе с морозцем и хвойным духом. Все засобирались, загомонили. Светлана одной из первых выпрыгнула на снег и обомлела – такая вокруг была красотища.

Белый двухэтажный дом с балкончиками, со всех сторон окруженный громадными елками, казался замком Спящей красавицы, затерявшимся в лесу. Другие дома стояли далеко, еле видные глазу, некоторые были огорожены здоровенными заборами. «И куда же мы забралась?» – удивилась Светлана, и в этот момент шофер посигналил.

В доме тотчас открылась парадная дверь, и на пороге появился симпатичный толстяк в цветастом фартуке поверх спортивного костюма. У него была «кондитерская» внешность – сдобное лицо, сахарная улыбка и розовые яблочки щек.

– Добро пожаловать! – громко воскликнул он. – С приездом вас! Еда уже готова.

– Какая еда?! – рявкнула Жанна, бросив свою сумку на землю. От удара вверх взметнулись целые столбы сухого снега. – Мы сюда не обжираться приехали.

– Дык... – тотчас стушевался повар. – Надо же ж кушать!

– Даже съемочный процесс, дорогая, – заметил Арсеньев, – требует продовольственной подпитки.

– Ну конечно, – откликнулась Жанна. – Я и забыла. Мужчинам все свои процессы приходится стимулировать.

В этот момент из автобуса вывалился Грызунов, подставил лицо солнцу и захохотал. Вероятно, вольный дух пробудил в нем первобытные инстинкты.

– Вот это пейзаж! – возликовал он, встряхиваясь, словно крупное животное. Его массивность и лохматая голова постоянно наводили на мысли о зоопарке. – Хороший домик, верно?

Ответила ему Жанна, замершая в позе покорительницы Дикого Запада – ноги на ширине плеч, руки в бока.

– Лично мне не нравится место, где не работают мобильные телефоны. Здесь есть какая-нибудь связь с миром?

– Кто ж его знает? – отозвался Гриша Волчков. В стоячем положении он был еще мельче, чем показался на первый взгляд, и доставал невысокой Светлане точно до мочки уха.

Все гуськом потянулись в дом. Светлана наклонилась, чтобы поднять сумку, но ее опередили.

– Разрешите мне? – мягко потребовал кто-то.

Она обернулась и увидела того самого мужчину в очках, которого ей не представили.

– Николай Жуков, – тотчас сообщил он. – Я не артист и не космонавт, так что можете не пытаться вспомнить. Меня никто не знает в лицо.

– Вы что, разведчик?

– Я врач. Занимаюсь пластической хирургией.

Он был высокий, жилистый и внутренне собранный. За стекляшками, нанизанными на золотые дужки оправы, притаились спокойные не улыбочивые глаза.

– Знаменитости обожают проводить в моем обществе выходные. Я для них – ходячая энциклопедия чудес современной медицины.

Вдвоятером они вошли внутрь своего нового пристанища и сгрудились посреди квадратной комнаты с большим камином. Здесь было все, чему положено быть в загородном доме, – голова лося над дверью в гостиную, старинные кинжалы на стене, шикарный ковер, массивная мебель, обитая гобеленом.

– Где, к чертям собачьим, съемочная группа?! – свирепо спросила Жанна Ольшанская, швырнув свой чемоданчик в ближайшее кресло.

В напольной вазе испуганно вздрогнули хохолки сухой травы.

– Наверное, скоро появится, – тотчас откликнулся дядя Петя. Голос у него был расстроенный. Судя по всему, он не был готов держать оборону слишком долго.

– А чей это дом? – спросил Артем Холодный, теребя серьгу в ухе и оглядываясь по сторонам с невероятным любопытством.

– Понятия не имею, – признался дядя Петя. – Меня сюда привезли, все показали... Вот ребят тут оставили – вас встречать.

В понятие «ребята», кроме повара, входил еще юноша Витя – худой и смуглый, как поджаренное кофейное зерно.

– Дом новенький, телефонную линию еще не подвели, – радостно сообщил он, глядя на Жанну Ольшанскую с молодецкой наглостью.

– Но мы ведь собираемся торчать здесь двое суток! – гаркнула та.

– Милая, – по традиции вмешался Арсеньев, – миру пойдет только на пользу, если он двое суток ничего о тебе не услышит. В конце концов, ты не бизнесменша, чтобы переживать из-за своих вложений.

– Ну, это как сказать, – пробормотала Жанна. – Ты ведь не знаешь, чем я занималась в последнее время...

– А где мы будем спать? Где моя замечательная маленькая спальня? – неподражаемым голосом известного депутата возопил на всю комнату Гриша Волчков.

Все заулыбались, а дядя Петя даже крикнул. Ему было на руку, что Жанну отвлекли от темы. Надо сказать, «звезда» с самого начала казалась ему воплощением скандала.

Николай Жуков снова вызвался тащить Светлану сумку. Глядя ему в спину, она подумала: «Симпатичный мужик. Может быть, стоит с ним пофлиртовать? Или вообще пуститься во все тяжкие?» Так что когда хирург сгрузил ее вещи возле ближайшей комнаты и обернулся, то заметил на ее лице две широких борозды румянца. Румянец был тяжелый и темный, точно кровь на месте преступления.

«Кажется, я ей понравился, – подумал Жуков без тени волнения. – В конце концов, это может оказаться не только полезным, но и приятным. Она недурна собой, стройна и, по всей вероятности, одинока». Мысли его препарировали Светлану, точно скальпель – подопытное тело.

– Вот, – сказал он в ее пылающее лицо, сообразив, что она думала про него что-то эдакое, фривольное. – Если вас устроит эта дверь...

– Отлично, – быстро согласилась Светлана.

– Здесь даже есть «глазок».

– И вы можете наблюдать, кто бегаёт по коридорам, – подхватил Грызунов, отдуваясь после подъема по лестнице и загораясь проход остальных.

Комната оказалась маленькой и уютной, с занавесками в английских розочках и фарфоровыми безделушками на комод. Светлана разобрала вещи, причесалась, подкрасила губы, вдела в уши красивые сережки и посмотрелась в зеркало. Как всегда: миленько и простенько. Она, конечно, не Жанна Ольшанская. Может быть, стоило все-таки надеть тот брючный костюм? Наверное, никто не обратил бы на него внимания, но хорошая одежда как-то возвышает женщину в собственных глазах.

Она легла на кровать поверх покрывала и, закинув руки за голову, принялась мечтать о том, как встретит Рождество в компании с Олегом Арсеньевым.

Спускаясь на первый этаж, она встретила Жукова. Они вместе вошли в столовую размером с футбольную площадку и натолкнулись на Арсеньева.

– Здесь столько места! – восхитился он вслух. – Воздух, воля!

Светлана засмеялась – настроение у нее неожиданно поползло вверх, как ртуть в градуснике горячечного больного. Арсеньев совсем рядом! Вот он, разговаривает с ней, смотрит на нее, показывает ей вид из окна.

– Садитесь поближе, – в довершение всего сказал он и отодвинул для нее стул с массивной спинкой.

Светлана мельком взглянула на Жукова и поспешно села. Хирург, не моргнув глазом, устроился по другую руку от нее. Потихоньку все стали стягиваться на запах. Запах из кухни действительно доносился умопомрачительный.

– Вероятно, повара нам прислали первоклассного, – заметил Арсеньев. – Поэтому есть надежда, что Жанна не выгонит его из дому за какую-нибудь мелкую оплошность.

Не успел он договорить, как Жанна подала голос из соседней комнаты:

– Боже мой! Посмотрите, какая здесь елка! Нет, идите все сюда сейчас же, вы должны это видеть! Идите, идите, не пожалеете!

Улыбаясь, вся компания задвигала стульями.

– Грешно не откликнуться на такой горячий призыв, – пробормотал Грызунов, явившийся к столу в клетчатой рубашке и полосатом галстуке. – Пошли посмотреть елку.

Дверь в соседнюю комнату была дворцовая, богато инкрустированная, и художник толкнул ее мощной грудью, разведя створки двумя руками.

– Ах! – воскликнула Ася, ступив на узорный паркет. – Вот это да!

Выглянув из-за ее плеча, Светлана тоже чуть было не ахнула во весь голос. В большущей комнате с зеркальной стеной стояла живая елка – огромная, пушистая, упоительно ароматная, украшенная блестящими серебряными игрушками, сосульками и бантами. Макушку венчала звезда размером с блюдо для торта. Жанна Ольшанская с горящими от возбуждения глазами стояла подле наряженного дерева и ждала, пока восхитятся все до одного – как будто елка была ее рук делом.

– Предлагаю устроить грандиозный вечер! – воскликнула она, потирая руки. – Сегодня ночь перед Рождеством, мы можем тут так оторваться! Хрен с ней, со съемочной группой. Раз уж мы сюда попали, давайте веселиться. И – чур! – все красиво оденемся к ужину. Идет?

Она и так была красиво одета и могла бы украсить собой любой вечер.

– Ну ладно, – согласился за всех Артем Холодный. – Мы, собственно, не против. Ночь перед Рождеством – это, конечно, повод, чтобы оторваться.

– И это будет как бы репетиция завтрашних съемок, – подсказал подоспевший дядя Петя. На нем был черный свитер, который навеки пропитался табачищем. – Все-таки дело есть дело, верно? – спросил он и заискивающе сузил глазки в сторону Жанны.

– Кстати, мы тут для того, чтобы возродить русские рождественские традиции, – напомнила та. – Кто знает, что раньше ели на Рождество?

– Свиной, – немедленно откликнулся неслышно возникший в проеме двери повар, которого, как выяснилось по ходу дела, звали Демьяном. – Гусей ели или индюшек, рябчиков, а также уток и баранину. Еще щи, поросенка с кашей...

– Короче, мели все подряд, – хмыкнул Арсеньев. – А сегодня, между прочим, сочельник. До первой звезды на стол не накрывают. А как звезда взойдет – можно только кашу есть.

– Точно! – оживился Гриша Волчков. – Кутью. Раньше ее ставили под образа, на сено, в дар Христу. Потом в церкви звонили ко всеобщей...

– Да вы что?! – Демьян отступил на два шага, словно горничная, чей господин заявил, что ее интересное положение его не касается. – Я же жарил, варил, пек...

– Ладно-ладно, – успокоил его движением руки Артем Холодный. – Мы, в конце концов, приехали возродить традиции, а не слепо им следовать. Вот возродим, и тогда уж, на следующий год...

– Следующий год может оказаться для тебя не слишком удачным, – желчно заметила Жанна, смерив певца надменным взором.

Кажется, всякий из присутствующих вызывал у нее негативные эмоции и желание хоть как-нибудь его да ужалить. Поразительно, но ей все сходило с рук.

– Что же, мы два дня подряд будем возродить традиции исключительно за столом? – на всякий случай уточнил Арсеньев, обращаясь непосредственно к повару.

– Сегодня у меня курица в экзотическом соусе, – зачастил тот. – А завтра прирежем Робина-Бобина...

– Кого?!

– Мы привезли с собой поросенка, он бегаёт где-то здесь. Вы его не встречали? Наверное, лопает очистки на кухне.

– Отъедается напоследок, – пробормотал Грызунов. – Бедная скотинка...

Бедную скотинку первой довелось увидеть Светлане. Вернее, даже не увидеть, а осязать. Когда возродители традиций вернулись в столовую и курица в экзотическом соусе была наконец подана, что-то мокрое и живое потрогало Светлану за коленку. Она подавила крик, отдернула ногу и посмотрела на сидевшего слева Арсеньева, который то и дело подкладывал ей салатки. Заметив выражение ее лица, он наклонился поближе и тихо, по-свойски так, сказал:

– Да ладно вам смущаться! Мне повезло сыграть в нескольких хороших фильмах, вот и все. В остальном я такой же мужчина, как все прочие. – Не удержался и добавил: – При желании можете проверить.

И тут Светлана заметила пяточок, который высунулся из-под скатерти.

– Свинья! – радостно воскликнула она, сообразив, что видит самую любопытную часть Робина-Бобина.

– Ну, прям так уж и свинья, – игриво возразил Арсеньев.

– Поросенок, – поправила Светлана.

– Поросенок – совсем другое дело. Звучит даже ласково. Я бы сказал – многообещающе.

«Она флиртует со мной! – удивился Арсеньев. И сам себе наказал: – Олег, будь осторожен. Будь чертовски осторожен».

Между тем обреченный на съедение Робин-Бобин тихо хрюкнул и пал на Светланины ноги. Вероятно, от нее исходили какие-то положительные в свином понимании флюиды, или же просто на ковре валялось много крошек.

– Слушайте меня! – возвестила тем временем Жанна Ольшанская. – Давайте все вместе подумаем, как оживить эфир.

– Жанночка, у них наверняка есть сценарий, – скучным голосом заметил Артем Холодный,ковыряя вилкой квашеную капусту.

– Да плевать на сценарий, – немедленно решила та. – Мы можем тут такое закатить... Выкладывайте, что вы знаете про русское Рождество.

– Накануне праздника шесть недель постились, – сообщил Гриша Волчков, засовывая в рот жареное крылышко. – А после Рождества пускались в загул. Кормили всех подряд до отвала – родных, друзей и случайно зашедших путников.

– Боже мой, ну хватит про еду! Меня уже тошнит от вашей желудочной романтики.

Белокурая Ася тихо хихикнула. Робин-Бобин под столом издал утробное урчание. Светлана взяла

кусочек хлеба и незаметно бросила под скатерть. Туша шевельнулась и освободила ее ноги. Потом громко хрюкнула.

– Вы что-то сказали? – спросил Жуков, наклонившись к Светлане.

– Н-ничего, – выдавила она. – Впрочем, я сказала, что вы забыли про Святки. На Святки можно погадать.

– Ну конечно! – хлопнула ладонью по столу Жанна. – Как это я не сообразила? Святки! Там и переодевались черт знает во что, и плясали, и спектакли показывали. И гадали на всем, на чем попало. Ох, погадать было бы классно...

Шофер дядя Петя, который незаметно для себя оказался в роли хозяина дома, подал голос со своего места:

– А у нас тут книжка про гадания есть. – Он торопливо поднялся и метнулся в кухню, крикнув на ходу: – Витька! Где книжка?

А уже через минуту вернулся с симпатичным томиком и протянул его Жанне Ольшанской, молчаливо признавая ее главной.

– «Святочные гадания», – вслух прочитала она. – Отличная находка! Ну-ка, посмотрим, что тут есть... О-о! То, что нужно. Невероятная пропасть способов. Так-так... Гадать нужно вечером, а еще лучше – ночью.

– Замечательно, – буркнул Грызунов. – Вот поужинаем – и начнем.

– Ты что, проголодался? – с подозрением спросил Арсеньев, который сидел, подперев голову рукой. – Я даже думать не могу о сегодняшней курице. А уж о завтрашнем поросенке и подавно.

Вышеупомянутый господин, надо заметить, до сих пор так и не показался никому на глаза. Светлана чем-то страшно ему понравилась, и он устроился возле ее стула, словно преданная собака. Она не удержалась и потрогала его правой ногой, попытавшись определить скотские габариты. Поросенок оказался не слишком большим и в ответ на поглаживание издал протяжный упоительный хрип.

– Вижу, вам очень понравился сегодняшний обед, – мгновенно обернулся к ней Жуков.

– О, да! – ответила она. – До поросычьего визга.

– Ну, слушайте же! – прикрикнула на них Жанна. – Так. Что тут у нас? Читаю по списку. Гадание по кольцу. Гадание на скорлупе грецких орехов. Гадание на расческе. Гадание по теням. Гадание на зеркалах. Гадание на луковицах.

– Как это? – заинтересовался Гриша Волчков.

– Девушки сажают в землю луковицы. Чья первой даст росток, та девушка первой выйдет замуж.

– Да, жаль, что я не девушка.

– Гадание на иглах, на нитках, на еловых ветках, гадание на рябине. Гадание на куриных костях...

– О! – воскликнул Грызунов. – Это как раз то, что нам нужно. Костей после обеда осталось видимо-невидимо!

– И как гадают на костях? – с подозрением спросил Арсеньев.

– «Косточки нужно собрать в холщовую тряпочку, – зачитала Жанна. – Ночью вынести на улицу и закопать в снег. Загадать желание и произнести заклинание: «Кости-косточки, скажите, быть моему желанию в исполнении или нет?» Если утром костей на месте не окажется, желание не исполнится».

– Какое-то собачье гадание, – с отвращением сказал Артем Холодный. – А нет там чего-нибудь простого и ясного? Гадания на картах, например?

– Не знаю, есть ли в этом доме карты, – засомневалась Жанна.

– Есть! – обрадовал благородное собрание дядя Петя. – Щас принесу.

– И прихватите пепельницу, смерть как курить хочется.

– А как, как гадать на картах? – заинтересовалась Ася и поелозила на массивном стуле.

Без своей огромной куртки она выглядела субтильной, словно девочка-циркачка, которая умеет проделывать со своим телом умопомрачительные вещи. Обрюзгший Артем Холодный на протяжении всего обеда поглядывал на нее с гораздо большим аппетитом, чем на пресловутую курицу.

Дядя Петя принес несколько одинаковых пепельниц, карты и с раболепным поклоном положил колоду перед Жанной.

– Что это за карты такие странные? – удивился Арсеньев и, протянув руку, придвинул их к себе. – Боюсь, не получится никакого гадания. Жанна, можешь бросить свои изыскания. Это карты Таро, предсказывающие судьбу. У них совсем другие картинки, на них по книжке не погадаешь.

– Жаль, – сказала Жанна и попросила: – Тогда предскажи мне судьбу, Олег. Вытащи из колоды что-нибудь эдакое.

– Ну, Жанна, я не гадалка, – отказался было тот.

– Да ладно тебе, вытащи, – обрадовался новому развлечению Гриша Волчков.

Арсеньев неохотно достал из середины колоды карту и перевернул ее лицом вверх.

– Вот тебе чудовище на счастье.

– Да это смерть с косой! – воскликнул Гриша. – Как-то она некстати выскочила.

– У кого есть сигареты? – спросила Жанна и призывно пощелкала зажигалкой. Огонек несколько раз вспыхнул и погас. Кажется, предсказание не произвело на нее особого впечатления. Она все всегда планировала сама, а столь важное событие, как смерть, не было записано в ее ежедневнике. – Олег, у тебя есть?

– Я бросил, – коротко ответил тот.

– Ужасно некстати. Так у кого?

– Я тоже пытаюсь бросить, поэтому взял половину нормы и уже все выкурил, – признался Жуков.

– У меня две последние, – вздохнул Грызунов. – Но они ужасно крепкие. Без фильтра. И мятые. И еще я их в лужу уронил. Но потом на батарееке высушил...

– Что, я останусь без курева до тех пор, пока не явятся телевизионщики?! Гриша, у тебя тоже ничего нет?

– Увы, Жанночка, у меня все вышло. Я думал, сигаретами-то можно будет разжиться в этом вашем богатом доме.

– Нету тут сигарет, – нервно заявил дядя Петя. – Я уже искал... для себя.

– Так и быть, – покровительственным тоном сказал Холодный. – Я вас спасу. У меня целый блок «Империи». Принесу вам, несчастеньким, несколько сигареток. Или кто-нибудь принесет. Может, ваш расторопный юноша Витя? Сигареты на столике возле окна. Пошлите его, ладно? – обратился он к дяде Пете.

– Какие мы важные! – бормотнул Гриша Волчков. – Баре...

– Заткнись, – злобно сощурился на него Холодный. – Будут тут еще вякать всякие... карлики.

Светлана заметила краешек крепких желтоватых зубов, словно в пасти оскаленного волка.

– Ой-ой-ой! – высоким истеричным голосом крикнул Гриша. – Ты уж перед нами тут не играй в суперстар, ладно? Мы все знаем, чего ты стоишь. Ты протух, Холодный, протух еще десять лет назад. И теперь смердишь на всю эстраду. Но нас-то, нас не заставляй нюхать эту вонь!

Все произошло так неожиданно, что никто не успел опомниться. Холодный и Волчков вскочили со стульев и прыгнули друг на друга. И немедленно сплелись в узел, рыча и ругаясь. Их бросились разнимать, они сопротивлялись, получилась безобразная сцена. Даже Жанна Ольшанская на некоторое время потеряла дар речи. Но потом опомнилась и принялась выкрикивать команды:

– Держите Артема! Тащите его наверх и запирайте в комнате.

– В комнатах нет замков, – пропыхтел дядя Петя, удерживая за локти брыкающегося пародиста.

– Значит, запирайте его в шкафу. А ты, Гришка, пойдешь со мной, ясно?!

С воплями, криками и ругательствами вся компания ретировалась, и Светлана осталась за столом одна с вилкой в руке.

– Ужин не отменяется! – сверху крикнула на весь дом Жанна Ольшанская, вероятно, перед тем, как скрыться в своей комнате. – Все переодеваются – и дамы, и кавалеры.

«Думаю, я уеду с массой впечатлений», – сообщила Светлана сама себе и, выйдя из-за стола, направилась в сторону лестницы. Сзади хрюкнули. Обернувшись, она увидела наконец злосчастного Робина-Бобина во плоти. Он был маленький, вислоухий и безумно трогательный. Думать о его скорой казни оказалось невыносимо. Поросенок потрусил за Светланой, словно домашний любимец. Взобрался по лестнице, протиснулся вслед за ней в дверь и лег под батареей с таким видом, будто всегда проживал в комнате для гостей.

– Боже мой! Я бы выпустила тебя на волю, но ведь в лесу ты замерзнешь! – принялась причитать Светлана. – Лучше я спрячу тебя в ванной. Вдруг Демьян согласится заменить тебя консервами?

Она принялась тащить поросенка в ванную, но он оказался страшно тяжелым и в довершение ко всему стал визгливо протестовать. За пять минут она вспотела, как каторжник на галерах. Наконец признала свое поражение, разогнулась и вытерла лоб ладонью.

– Из-за тебя у меня могут быть неприятности.

Робин-Бобин не реагировал. Его чистенький бок безмятежно вздымался.

Тогда Светлана легла на кровать и немного помечтала, чтобы скоротать время до ужина. А потом занялась собой: понежилась в ванне, уложила волосы, подкрасила глаза. В качестве заключительного аккорда достала флакончик духов и провела пробочкой по запястьям. В этот миг в дверь громко постучали. Идиотский Робин-Бобин вскочил и принялся носиться по комнате, как ужаленный.

– Кто это? – крикнула Светлана задуманным голосом.

– Ваш поросенок, – ответил из-за двери вкрадчивый голос Арсеньева. – Впустите меня... Хотя бы на минутку.

Он твердо решил поцеловать ее перед ужином. Потом, позже, неизвестно, как сложится ситуация. Да и Жанну необходимо принимать в расчет – он знал ее пакостный характер. Кроме Светланы, флиртовать было не с кем – Ася ему не понравилась. Что же – пропадай, Рождество? Самый светлый праздник, когда все друг другу прощают обиды, мирятся, влюбляются, наконец!

Робин-Бобин как раз вознамерился облюбовать колготки своей укрывательницы. Она тихо взвизгнула и прямо в туфлях прыгнула на кровать. Хряк разбежался и скакнул за ней.

– Я хочу, чтобы вы оценили мой галстук. – В голосе Арсеньева было столько мужского коварства, что Светлана не смогла устоять.

– Иду! – откликнулась она и, завалив поросенка на бок, набросила на него покрывало. Потом кинулась к двери и приоткрыла щелку.

Исполненный надежд Арсеньев немедленно протиснулся внутрь.

– Вы чудесно выглядите! – польстил он и тут увидел за ее спиной измятую постель. Под покрывалом отчетливо просматривалась чья-то жирная спина.

– Э-э-э, – сказал Арсеньев.

Мысли, словно шальные шутихи, начали носиться в его голове. Он опоздал! Опоздал, черт побери! Эта тихоня уже развлекается вовсю! Интересно только, с кем? От любопытства у Арсеньева загорелись глаза. «Ставлю глаз против старой шляпы, что это Жуков», – подумал он. Но проверить хотелось страстно.

– Мы можем идти, – стесненно сказала Светлана, отчаянно надеясь, что Робин-Бобин ничем себя не выдаст. Ей не улыбалось объяснять, каким образом в ее постели оказалась живая свинья.

– Нет, погодите. – Арсеньев поглядел на нее задумчивым взором и добавил: – Кажется, у вас чудесный вид из окна. Можно я посмотрю?

– Нет, – испугалась она. – Думаю, не стоит. Вид как вид...

Но он уже рванул в комнату и плотоядным взором впился в кровать. На ней были бугры и буруны, но посередине совершенно точно кто-то лежал. Лежал и дышал – покрывало приподнималось и опускалось.

– Ах, так вы не одна?

– С чего вы взяли? – выдавила из себя Светлана, загораживая подступы к постели. – Пойдемте поскорее вниз.

– У меня шнурок развязался, – сообщил Арсеньев и, скользнув к кровати, со всего маху уселся на нее.

Завтрашний обед обалдело хрюкнул. Это был омерзительный звук, особенно если предположить, что издало его человеческое существо.

Арсеньев вскочил и иронически сказал себе за спину:

– Здрассте.

И неожиданно хлопнул себя по лбу. Он понял, кто в постели. Вычислил. Дело в том, что, прежде чем постучаться к Светлане, он уже спускался вниз. И видел там не только дядю Петю и его «ребят», но и Жукова. А Грызунова и Холодного слышал через стенку – художник выпрашивал у певца сигареты, а тот не давал. Получается... Получается, это – Гришка Волчков!

– А говорили, что вы одна, – попенял он Светлане, немедленно раздумав с ней целоваться.

Если бы под покрывалом обнаружился хотя бы Жуков, он бы с ним посоревновался. Но Волчков...

– Я же не думала, что вы станете врываться, – огрызнулась Светлана. В ее голосе, словно камни в бурлящей речке, перекатывались тяжелые комья слез.

– Ну ладно. Я вас внизу подожду. – Арсеньев вскочил из комнаты и громко захлопнул за собой дверь.

Оказавшись снаружи, он ухмыльнулся и прислонился к ней спиной. И тотчас услышал, как Светлана в отчаянье воскликнула:

– Ах ты, свинья! Ты все испортил! И не тяни ко мне свое рыло!

«Это точно Волчков», – удовлетворенно подумал Арсеньев и побежал вниз по лестнице.

Светлана спустилась почти сразу вслед за ним, хмурая, как туча.

– Почему вы глядите на меня так мрачно? – спросил ее Артем Холодный. – Вам не нравится мой новый облик? Это Жанна во всем виновата.

Его внешность в самом деле претерпела разительные изменения. Он надел костюм, снял серьгу и перстень и, что самое главное, чисто побрился.

Гриша Волчков, тоже в костюмчике, налитой и свеженький, как любовно вскормленный огородником томат, держался от него на расстоянии. Вероятно, скандалистов каким-то образом удалось разнять и успокоить, но отнюдь не примирить.

Жанна выбрала для ужина короткое красное платье с откровенным вырезом и, конечно, безоговорочно

затмила и Светлану, и Асю. Впрочем, Ася не страдала от недостатка внимания. Наглаженный Артем Холодный явно имел на нее виды.

Демьян и Витя бегали из кухни в столовую, накрывая на стол. Свет повсюду в доме был приглушен, и народ как-то сам собой разбрелся по комнатам первого этажа.

– Хотите покурить? – спросил у Светланы Гриша Волчков. – Хотите на веранде? Тут такая обалденная зимняя веранда!

Он потащил ее на «обалденную» веранду и по прибытии выбил для нее сигарету из начатой пачки «Империи». Интересно, как он ее раздобыл, эту пачку? Утащил у Холодного? Так сказать, назло врагам? Вообще-то она не курила, только иногда, на девичниках, под рюмочку коньячка... Впрочем, сегодня был особенный случай.

– А на кухне такой переполох, – сообщил Гриша, пуская ровные колечки дыма. Он многое делал искусно, словно пытался мастерством и блеском заставить забыть о своем крошечном росте. – Поросенок сбежал. Демьян устроил настоящую охоту на свиней. Но пока это не принесло результатов. Животина – она же чувствует все... Надеюсь, беднягу прирежут нежно.

Светлана поперхнулась дымом. Робина-Бобина нельзя было позволить убить на Рождество – это ясно. Но и прятать его в пододеяльнике тоже глупо. Она решила пойти на кухню и попытаться защитить свинские права.

Демьян и в самом деле выглядел страшно расстроенным.

– Послушайте, – сказала Светлана, набрав в грудь побольше воздуха. – Я ни за что не стану есть вашего поросенка. И вообще – как вам пришло в голову заколоть такое славное животное?

– Вы его спрятали! – захохотал дядя Петя, возникший в дверях, словно персонаж комической пьесы. – Я же говорил, что это бабы его спасают... То есть, пардон, девушки. Девушки всегда были жалостливыми, Демьян, это ты себе запиши в своей головке на будущее.

– Мы не можем его съесть, – трагическим тоном повторила Светлана.

И в этот миг весь дом содрогнулся от крика. Крик был таким ужасным, таким душераздирающим, что у Светланы похолодели пальцы. Кричала, несомненно, женщина, причем перепуганная насмерть. Она кричала громко, протяжно, на самой высокой ноте. Трое спорщиков замерли и уставились друг на друга. Потом бросились вон из кухни на голос. Из всех дверей одновременно с ними выскакивали люди с искаженными лицами.

Крик доносился из большого зала, в котором стояла елка. Дядя Петя первым толкнул створки и прыгнул внутрь. Светлана и Демьян по пятам следовали за ним.

Свет в комнате не горел. Сверкала лишь гирлянда на елке – разноцветные огоньки весело перепрыгивали с ветки на ветку. Под елкой лицом вниз лежала Жанна Ольшанская. Рядом на полусогнутых ногах стояла бледная до синевы Ася с разинутым ртом и вопила во всю мощь своих легких.

Артем Холодный хлопнул по выключателю, потом подскочил к ней, развернул на себя и вlepил звонкую пощечину. Ася перестала вопить, несколько секунд смотрела на него круглыми глазами, потом бросилась ему на грудь и разрыдалась.

– Что тут такое? – спросил Арсеньев, протискиваясь вперед. – Жанна?

– Кажется, ее убили, – мрачно сказал дядя Петя.

Жанна лежала абсолютно неподвижно и казалась грузной, словно мешок с камнями. Вокруг ее шеи был намотан толстый черный шнур с торчащими вверх концами.

Вдвоем они присели на корточки и перевернули тело. Арсеньев с воплем отшатнулся, шофер попытался отыскать пульс, но тщетно.

– Какого черта? – заревел Грызунов, наливаясь яростью. – Этого не может быть! Кто ее убил? Тут, кроме нас, никого нету! А входную-то дверь заперли, я сам видел...

– Твою мать! – выругался дядя Петя и смачно сплюнул прямо на узорчатый паркет. И повторил: – Твою мать.

Гриша Волчков рядом со Светланой отчетливо стучал зубами. Осунувшийся в один миг Арсеньев отступил от тела и быстро заговорил:

– Так. Мы сейчас же должны сообщить в милицию. Сейчас же. Телефоны не работают, но у нас есть автобус. И, кроме того, поблизости другое жилье. Можно пойти туда...

– Никто никуда не пойдет, – мрачно заявил дядя Петя и резко развернулся. В руке у него оказался пистолет, тяжелый от патронов, с сытым коротким дулом. Все добрые морщинки на лице шофера как-то сразу загубели, и оно сделалось до того опасным, что Светлана не поверила своим глазам.

– Все останутся здесь, внутри, – отдал он короткое распоряжение.

Светлана увидела, что мужчины растерянно оглядываются. Она тоже оглянулась и наткнулась взглядом

еще на два пистолета. Демьян и Витя на поверку оказались совсем не такими милыми и приятными ребятами.

– Это вы ее убили? – спросил Арсеньев в напряженной тишине, упершись тяжелым взором в шофера.

– Да нет, любезный, – мрачно ответил тот. – Это *вы* ее убили. То есть кто-то из вас. Причем совершенно некстати. Ах, как некстати... И милиция сюда приедет только после того, как мы найдем убийцу. *Вы* найдете, – поправился он. – Убийца среди вас. Это ясно? Вы все под подозрением.

– Но почему? – срывающимся голосом спросил Гриша. – То есть я хотел сказать, почему мы должны искать убийцу, чтобы сдать его милиции? Пусть она приедет сразу!

Дядя Петя нехорошо усмехнулся.

– Если милиция приедет сразу, она подумает, что это сделали не вы, а мы. Дошло?

– Кто вы такие? – спросил Жуков.

Светлана заметила, что он ужасно расстроен. Так бывает расстроен человек, который отправился в опасное путешествие, но не предусмотрел какого-то пустяка и потерпел поражение.

– Бизнесмены, – дернул щекой дядя Петя.

– Вы нас похитили, – озарило Жукова. – Съемочная группа ждет нас совсем в другом месте...

– Она вас вообще не ждет, – обрадовал их тот. – Вернее, ждет, но не сегодня. Нам пришлось нажать на координатора проекта, и мы получили всю информацию об этой вашей передаче.

– За каким?! – продолжал недоумевать Гриша Волчков.

– Нам нужна была Жанна.

– Зачем? – спросил Арсеньев.

– Затем, что она жена Ольшанского. Мы хотели заставить его подписать кое-какие бумаги. Это касается контрольного пакета акций. Его жена должна была находиться в наших руках до самого момента подписания. А потом мы собирались вернуть ее домой.

– Но к чему этот спектакль? – не удержалась Светлана.

– За похищение человека полагается статья. А так... Просто маленький обман... Вы приятно проводили время, верно? Пока какая-то сволочь... Ольшанский, конечно, решит, что это наших рук дело, поднимет волну и потребует наши скальпы. Нет, милиция отменяется. Поэтому вы всей дружной компанией сейчас пойдете в столовую, пораскинете мозгами и подадите мне убийцу на блюдечке с голубой каемочкой. Ольшанский узнает о смерти жены только вместе с именем ее убийцы, не раньше.

– Подождите! – неожиданно воскликнул Грызунов. – У меня тут... В общем, я думаю, мы можем узнать что-нибудь важное прямо сейчас.

Все напряженно уставились на него, и художник тотчас пошел бурными пятнами.

– Я тут диктофончик оставил... На комод, возле елки.

– Зачем? – спросил Арсеньев. – Для какой такой надобности?

– Ну... Видишь ли, я иногда записываю разговоры... Так можно узнать, кто что о тебе думает, – это бывает очень полезно...

Дядя Петя даже слушать не стал его лепета и шагнул к комоду. За большим канделябром действительно притаился крохотный диктофон. Перемотав пленку, шофер нажал на кнопку воспроизведения записи. Долго ничего не было, потом раздалось цоканье каблуков – это Жанна вошла в комнату. Хлопнула по выключателю, потом, вероятно, включила разноцветную гирлянду и погасила свет – выключатель щелкнул еще раз. Цоканье каблуков приблизилось – она вернулась к елке. Некоторое время ничего не происходило, и вдруг Жанна потрясенно воскликнула: «Боже мой, что это?! Не верю своим глазам! Не может быть!» Шипение, щелчок – конец пленки.

– Отлично, – сказал дядя Петя. – Это ничего не проясняет. Отправляйтесь в другую комнату, и чем быстрее вы найдете убийцу, тем лучше для вас. Труп будет ждать тут.

Стол был накрыт к ужину, над приборами металась мятежные язычки зажженных свечей. Под дулами трех пистолетов все выдвинули стулья и расселись по кругу. Двери захлопнулись с одной и с другой стороны.

– Это похоже на детскую игру, – пробормотал Гриша Волчков. – В палача.

– Не могу поверить, что она умерла, – сказал Арсеньев стылым голосом. – Она всегда была такая шумная, такая... агрессивная.

– Интересно, кто сумел с ней справиться? – пробормотал Артем Холодный.

Его стул стоял вплотную к Асиному, и она жалась к нему, как мерзнувшая птичка к освещенному окну.

– Признаться никто не хочет? – спросил Арсеньев.

Повисла трагическая тишина, и все принялись смотреть кто куда – кто на пол, кто в стену, кто в окно.

– Жанна чего-то испугалась, – подал голос Грызунов. – Слышали, как она воскликнула: «Боже мой, что

это?»

– Скорее Жанна удивилась, – возразил Арсеньев. – Такие женщины, как она, не боятся ничего, кроме сокращения штатов.

– Тебе лучше знать, – пробормотал Гриша, барабанив пальцами по столу. – Значит, убийца среди нас, да? Сидит здесь и смотрит на всех невинными глазками, да? Уму непостижимо! Ведь, кажется, мы все друг друга видели.

– Ничего подобного, – возразил Грызунов. – Сначала видели, а потом разбрелись кто куда.

– Нам как раз предстоит сейчас выяснить: кто и куда разбрелся, – мрачно заметил Артем Холодный, обняв Асю за плечи.

– Давайте возьмем лист бумаги и распишем, кто где находился после того, как вышел из своей комнаты, – предложил Арсеньев и потер щеки руками. Было заметно, что ему трудно сосредоточиться.

Если бы не стремительное появление трех пистолетов возле трупа, людей наверняка охватила бы паника. Но экстремальная ситуация продолжалась, адреналин исправно поступал в кровь, что позволяло пленникам хоть как-то держать себя в руках.

– Мы с Владимиром, – первым начал Николай Жуков и кивнул на Грызунова, – осматривали библиотеку.

– И бар, – подтвердил тот. – Я ходил в уборную. К сожалению. Был там... недолго. Если бы знал, что профукаю свое алиби – держался бы из последних сил.

Тут же всем захотелось высказаться. Через некоторое время вырисовалась следующая картина. В то время как Жанна отправилась любоваться елочной гирляндой, Арсеньев разговаривал с юношей Витей, который оказался его страстным поклонником и просил автографы для себя, для брата, для двоюродных сестер и дюжины друзей.

Жуков, как уже было сказано, осматривал с Грызуновым библиотеку, но на некоторое время они потеряли друг друга из виду. Светлана курила с Волчковым на веранде, после чего отправилась на кухню защищать порослячью жизнь.

– А я, как дурак, остался на веранде один, – с грустью констатировал Гриша. – И никто не может подтвердить то, что я никуда не отлучался.

Ася и Артем Холодный, что никого не удивило, заперлись вдвоем в комнате с телевизором – самой дальней по коридору. Однако телевизор в тот момент не работал, а свет был потушен.

– Вы что, – вслух удивился бестактный Грызунов, наклонившись вперед, – занимались этим прямо перед ужином?

– Ну, – пробормотал Арсеньев, сверкнув глазом в сторону Гриши, – многие балуются такими вещами перед ужином.

– Мы не занимались! – Лицо Аси полыхнуло румянцем. – Всего-то поцеловались пару раз.

– И ни один из вас не мог незаметно выйти из комнаты? Артем точно не мог?

Ася нервно рассмеялась:

– Послушайте, когда вы целуетесь с женщиной, вы точно знаете, что он из комнаты не выходил.

Над столом повисло глубокомысленное молчание. Гриша Волчков наморщил лоб и удивленно сказал:

– Получается, алиби нет только у меня одного?

– Тем не менее ты единственный вне подозрений, – устало сказал Арсеньев. – Ты слишком короткий для того, чтобы задушить женщину такого роста, как Жанна. Это нереально. Даже Ася могла бы это сделать при удачном стечении обстоятельств, а ты – нет.

– Ерунда! – свирепо воскликнул Грызунов, которого страшно беспокоила собственная отлучка в уборную. – Вы все слышали, как сильно Жанна удивилась, когда вошла в комнату с елкой. Может быть, Гришка стоял на комодке со шнуром на изготовку.

– Выходит, Жанна вошла, включила свет, потом зажгла гирлянду, – мрачно прокомментировал Арсеньев, – снова выключила свет, вернулась к елке и тут только увидела на комодке Гришку со шнуром на изготовку.

– Но почему она тогда воскликнула: «Не верю своим глазам»? – вслух подумала Ася. – Что-то же увидела она необычное!

Николай Жуков неожиданно поднялся с места и, глубоко вздохнув, сказал:

– Ладно, придется мне признаться.

В комнате воцарилась мертвая тишина.

– Не в убийстве, не надо на меня так смотреть. – Он поправил очки на переносице. – Просто я знаю, что изумило Жанну.

– Отлично, – процедил сквозь зубы Артем Холодный. – Ваш ход, выкладывайте.

– Я поехал на съемки передачи потому, что меня снарядил Михал Михалыч. Он обо всем договорился. Попросил оказать ему услугу. Я ему кое-чем обязан...

– Подождите, подождите, – вытянул вперед руку Арсеньев. – Кто такой Михал Михалыч?

– Ольшанский, – ответила вместо него Ася и тут же зажала рот рукой.

– Вы все-таки его знаете, – констатировала Светлана с удовлетворением. – Я еще в автобусе поняла, что вы его знаете.

Артем Холодный отстранился и удивленно посмотрел на Асю.

– Ты кто?

Ася всхлипнула и по-детски вытерла ладошкой нос.

– Секретарша Михал Михалыча. Новенькая. Я по собственной инициативе сюда поехала... Я понимала, что меня разоблачат и выгонят, но мне нужно было только немного времени...

Ася захлебывалась слезами и собственными горячими признаниями. Через некоторое время все стало ясно. Михал Михалыч Ольшанский приобрел в ювелирном магазине два подарка на Рождество – миленький кулончик для жены и роскошное кольцо с бриллиантом – для любовницы. И велел секретарше все красиво упаковать. Она так и сделала. Только перепутала коробочки. От шефа она слышала, что Жанна всегда вскрывает подарки в Рождественскую ночь, поэтому у Аси оставалось время исправить ошибку.

– И ты рванула сюда, чтобы выкрасть у Жанны кольцо, – констатировал Артем. – Бедная моя девочка.

– Но я его не нашла, – разрыдалась во весь голос Ася.

– Зато я нашел его, – перебил ее Жуков. – Собственно, вот чем я хотел с вами поделиться. Ольшанский сказал, что его жена дала кому-то довольно значительную сумму денег в долг. Он подслушал ее телефонный разговор и понял, что на съемках передачи должен состояться разговор по поводу их возврата. Он хотел быть в курсе дела, поэтому попросил меня проследить за Жанной и все выяснить. Выяснить я ничего не успел.

Перед ужином я зашел к ней попросить зажигалку. Она полезла в сумочку, не удержала ее в руках, сумочка упала, и вещи раскатились по комнате. Я помогал их собирать и увидел коробочку, которая меня заинтересовала.

– Вы украли ее? – изумился Арсеньев.

– Не то чтобы украд... Я принес ее к себе, открыл и увидел кольцо. И решил повесить его на елку. Вроде бы оно не у меня, но его там вряд ли кто мог бы заметить среди всех этих блестящих игрушек.

– Ага, – сообразил Гриша Волчков. – Устрой Жанна истерику по поводу пропажи коробочки, кольцо можно было бы вернуть. А если нет...

– Я видел кольцо на пальце у... тела, – выдавил из себя Жуков. – И понял, что означал этот возглас возле елки. Видимо, Жанна отлично разбиралась в драгоценностях...

– Можете не сомневаться, – подтвердил Арсеньев. – Она с лету могла отличить настоящий камень от подделки. Она подошла к елке, увидела на ветке кольцо с бриллиантом и воскликнула: «Не верю своим глазам!»

– Итак... – подвел черту Артем Холодный. – Мы пришли к тому, с чего начали. Это дурацкое кольцо только сбilo нас с толку. На пленке нет ничего, что касалось бы убийства. Она как-то некстати закончилась.

– Зато теперь понятен мотив, – печально сказал Арсеньев. – Деньги. Жанна дала кому-то денег и хотела или вернуть их обратно, или получить проценты. В душе она всегда была ростовщицей.

– Она могла дать денег тебе, – вкрадчиво заметил Артем Холодный.

– Могла, – согласился Арсеньев. – Но не давала. Полагаю, что глупо сидеть и спрашивать друг у друга: «А ты случайно не убивал Жанну?»

– Извини, но среди нас нет Шерлока Холмса, – огрызнулся Жуков. – Я смутно представляю себе, как мы можем выяснить правду. Разве ты еще раз погадаешь на картах – у тебя это прекрасно получается.

Арсеньев стиснул зубы, но ничего не ответил.

– А давайте, – неожиданно воодушевился Волчков, – отдадим этим типам кого-нибудь. Все равно кого. Они вызовут милицию, а она уж во всем разберется!

– Вот тебя и отдадим, – мрачно предложил Грызунов. – У тебя одного алиби нет. Еще неизвестно, что эти, – он мотнул подбородком на запертую дверь, – собираются делать с подозреваемым. Может, прежде чем придет милиция, они организуют ему самоубийство с публичным признанием вины.

Некоторое время все молчали. Наконец Светлана собралась с духом и сказала:

– Обычно у убийцы алиби есть. Непрошибаемое. Особенно если он готовился заранее.

– Конечно, готовился, – заметил Жуков. Выложив всю правду о себе, хирург слегка скис. – Он прекрасно знал, что Жанна будет требовать деньги именно сегодня. Ведь Ольшанский слышал телефонный разговор... То есть что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, что у кого-то липовое алиби. Но со стороны оно должно выглядеть... убедительно.

– Демагогия, – отрезал Артем Холодный. Чисто выбритый, одетый в приличный костюм, он стал похож на функционера. – Я тоже могу вспомнить несколько предложений из детективных романчиков. Только толку от них... Убийцу это все равно не поможет вывести на чистую воду.

– Почему не поможет? – храбро возразила Светлана. Щеки у нее запылали яростно, как бывало всегда, когда ее пытались унижить или несправедливо отстранить от дела.

– Послушайте, Светлана, – проявил мужскую солидарность Жуков. – Вы славная девочка и, возможно, просто стремитесь привлечь к себе внимание. Но сейчас речь идет об очень важных вещах. Так что не стоит утверждать, что вы дока в раскрытии преступлений просто потому, что посмотрели парочку запутанных триллеров.

– Не думаю, что ей нужно затыкать рот, – угрюмо заметил Арсеньев.

Несмотря ни на что, она ему нравилась, эта девица. Она была отважная и трогательная одновременно.

– Значит, мы сели в галошу, – хихикнул Волчков, – а она сейчас возьмет и вытащит убийцу, как туза из рукава? Фокус-покус!

Едва он договорил, как Светлана буквально подскочила на стуле:

– Господи, карты! Ну, конечно! Карточный фокус – вот в чем все дело.

Она вскочила со своего места и принялась бегать вдоль стола, с силой потирая лоб. Все, кто сидел спиной, развернулись и принялись глазеть на нее.

– И сигареты! Как я сразу не поняла!

– Вы что, уже вычислили убийцу? – ехидно спросил Грызунов.

Светлана перестала бегать, сложила руки замочком, словно пай-девочка, и кивнула:

– Кажется, да. Кажется, я знаю, кто убил Жанну. И, похоже, даже смогу это доказать.

Все сидящие за столом переглянулись с разной степенью недоумения. Некоторое время никто не проронил ни слова. Потом Арсеньев осторожно спросил:

– И вас навели на мысль... карты?

– Точно. И сигареты. С сигаретами вы, дорогие мои, прокололись, – обвиняющим тоном добавила она и посмотрела прямо в лицо Грише Волчкову.

– Вы подозреваете Гришу?! – засмеялась Ася. – А почему вы говорите о нем во множественном числе?

– Потому что у него есть сообщник. Вернее, он сам – пособник убийцы.

– Что я слышу? – нежным голосом спросил Гриша, кокетливо сложив ручки под подбородком. – Я – пособник убийцы! И чем же я ему, так сказать, пособил?

Светлана набрала побольше воздуха в грудь и выдохнула:

– Вы одолжили ему свое тело.

– Ну-у, милая... – затыкнул Грызунов, отвалившись от стола и опасно скрипнув спинкой стула. Однако Арсеньев не дал ему продолжить.

– Заткнись, Вова, – резко бросил он. На Светлану он смотрел теперь, не отрываясь. К симпатии присоединился острый интерес. – Пожалуйста, объясните, что вы имеете в виду.

– И объясню, – запальчиво сказала она. – Если вы сейчас встанете. И вы, – обернулась она к Грызунову. – Встаньте и подойдите ко мне поближе. Сюда.

Арсеньев поднялся и вышел на середину комнаты. Грызунов долго возил стулом и наконец выпутался из скатерти.

– Вы подозреваете нас троих? Меня, Гришку и Арсеньева? – уточнил он, не в силах позабыть о своем куцем алиби.

– Я просто хочу кое-что продемонстрировать. Чтобы стало ясно и понятно. – У Светланы внутри все дрожало от напряжения. – Через две минуты вы сами назовете убийцу. Без моей помощи.

– Просим, просим! – ерническим тоном сказал Артем Холодный и дважды хлопнул в ладоши.

Светлана приблизилась к Арсеньеву и, храбро глядя на него, легонько положила обе ладони ему на грудь.

– На вас замечательная рубашка, Олег, – дрожащим голосом заявила она. – И чудесный шерстяной жилет. – Ее ладони переместились ему на плечи.

– Спасибо, – пробормотал Арсеньев и растерянно моргнул.

Светлана тем временем повернулась к Грызунову, который перетаптывался позади нее, словно слон в вольере. Шагнула к нему поближе и проделала тот же трюк – положила ладошки на его мощную грудную клетку.

– А на вас, – продолжила она, – прекрасная водолазка с высоким воротником. И объемный кардиган в рубчик... – Руки ее переместились выше и запутались в буйной художниковой шевелюре. – И у вас такие

длинные кудрявые волосы... Вас невозможно ни с кем спутать. На ощупь, я имею в виду.

Она оставила обалдевшего Грызунова в покое и, повернувшись лицом к оставшимся за столом, продолжила:

– Вас, Вова, невозможно, например, перепутать, с Николаем Жуковым. Потому что у него совсем другая прическа, очки на носу и вся грудь в металлических «молниях». Это совсем не то, что ваш рубчик. И еще вас, Вова, невозможно спутать с Волчковым. Даже если вы оба сядете на диван и будет непонятно, кто какого роста. Потому что на Грише сегодня костюм, верно? И волосы у него пострижены коротко.

– Господи, ну сколько можно слушать всякую ерунду? – вознегодовал Артем Холодный. Несмотря на пренебрежительный тон, он заметно нервничал, и весь его лоб покрылся желатиновыми бусинами пота.

В этот самый момент Ася вскочила с места и потрясенно воскликнула:

– Господи, вы что, пытаетесь доказать, что я целовалась с... с... с этим вот? С Волчковым?! А вовсе не с Артемом?!

Гриша продолжал сидеть, подперев подбородок ладонью, но ноздри у него при этом раздувались, как маленькие мехи.

– Черт, – пробормотал Арсеньев и схватился за спинку стула руками, будто потерял равновесие. – Они оба одеты совершенно одинаково.

– Артем снял перстень, серьгу и побрился, – обвиняющим тоном заявила Светлана. – Он не побрился перед поездкой. И перед обедом тоже. Меня с самого начала удивило, что простая просьба Жанны одеться к ужину нарядно заставила его внести в свою внешность кардинальные изменения.

Холодный сложил руки на груди и развалился на стуле, всем своим видом демонстрируя пренебрежение к ее словам.

– Артем, – задумчиво обратился к нему Арсеньев. – Мне кажется, ты владелец маленькой звукозаписывающей студии?

– Она прогорела, – коротко ответил тот.

– И деньги, которые дала тебе Жанна, пропали.

– Кто сказал, что Жанна дала мне деньги? Это только ваши домыслы, верно?

Потрясенная Ася бочком отодвигалась от своего опасного поклонника до тех пор, пока не уперлась в Грызунова.

– Детка, я не дам тебя в обиду, – басом пообещал тот и задвинул под нее собственный стул.

Ася с размаху шлепнулась на него.

– Но как это получилось? – не сдавалась она. – Я же... разговаривала с Артемом. Мы же разговаривали перед тем, как...

– Вы разговаривали, – подтвердил Арсеньев, который очень быстро во всем разобрался, – потом Артем поднялся с дивана и выключил свет. Вероятно, Григорий подал ему какой-то знак. Тихонько стукнул в дверь, например...

– Не знаю, – пробормотала Ася. – Я плохо соображала в тот момент... Может быть, был стук.

– Это означало, что Жанна одна и пора начинать операцию. Артем встал, выключил свет, говоря при этом что-то нежное, а Григорий в этот момент проскользнул из темного коридора в комнату и сел на диван вместо него. И поцеловал вас. Разговаривать больше было не нужно.

– Мама, – сказала Ася и посмотрела на Волчкова со священным ужасом. Потом перевела взгляд на Холодного. – Вы действительно проделали все это?

– Не слушай их, детка, – сказал Холодный уверенно. Тем не менее ему пришлось достать платок и вытереть пот. – С тобой в комнате был я, я один.

– Думаю, милиция сможет провести следственный эксперимент, – задумчиво сказал Жуков. – Сначала, Ася, вы поцелуетесь с Холодным, а потом с Волчковым. В темноте. И выдадите экспертное заключение. Смею надеяться, мужчины все-таки отличаются один от другого.

– А при чем здесь карточный фокус и сигареты? – неожиданно вспомнил Грызунов и пылливо поглядел на Светлану, точно она была Дедом Морозом, у которого еще кое-что осталось на дне мешка.

Ася, изменившая место своей дислокации, теперь точно так же жалась к мощному художнику, как прежде к Артему. Впрочем, вопрос заинтересовал и ее тоже.

– Есть такой веселый трюк, – пустилась в объяснения Светлана. – В большой компании два человека договариваются провести остальных. Один объявляет, что обладает даром экстрасенса, и предлагает проверить его способности. На столе раскладывают пять карт, «экстрасенс» выходит из комнаты, а потом возвращается и безошибочно угадывает, какую из пяти карт оставшиеся загадали. Фокус в том, что у него есть подсказчик. Но даже если кому и приходит в голову, что дело нечисто, на этого человека никогда не подумают.

– Почему? – заинтересовалась Ася.

– Потому что накануне, загодя, два заговорщика устраивают публичную ссору и потом упорно дуются друг на друга.

– То есть вы считаете, что Гриша и Артем... – протянул Жуков. Его очки так блеснули, как будто их тоже настигло озарение. – Они специально поссорились за обедом?

– Чтобы потом никому и в голову не пришло подозревать их в сговоре.

– Хватит слушать этот бабский вздор! – воскликнул Артем Холодный и стукнул ладонью по столу. Было заметно, что у него дергается глаз, словно он сию секунду собирается впасть в истерику.

– Липовая ссора! – поддержал его Волчков, щеки которого пылали огнем. – Меня обозвали карликом! Да если б вас так...

– То, что ссора была липовой, подтвердили сигареты, – не сдавалась Светлана. Почувствовав, что ей поверил Арсеньев, она не собиралась отступать. – Григорий угощал меня на веранде «Империей», у него была практически целенькая пачка. Откуда он мог ее взять, кроме как у Артема? Но с Артемом они поссорились еще во время обеда! Может быть, он их выкрал? Сомнительно. Кто сунется в комнату обидчика после такого скандала? Я поняла, что Артем сам выдал ему курево. Выходит, они и не поссорились вовсе.

– А пошла ты к черту! – неожиданно закричал Холодный и вскочил на ноги. Глаза его налились кровью.

– Надоело слушать твою трепотню! Кто тебе поверит?! Да никто!

– Отчего же? – вкрадчиво заметил Арсеньев. – По-моему, версия отличная.

Не успел он договорить, как снаружи дома послышался знакомый рокот мотора.

– Автобус! – воскликнул Грызунов, бросаясь к окну. – Они уезжают! Они бросают нас тут! Гады! Проклятые гады!

– Конечно, зачем им встречаться с милицией? – пробормотал Жуков. – Одна головная боль.

Сообразив, что путь свободен, Волчков неожиданно бросил тело вперед, выпрыгнул из комнаты, выскочил на мороз и, словно заяц, помчался в сторону леса.

Все приникли к окнам. Артем Холодный, не обращая ни на кого внимания, направился к выходу. Его тяжелые шаги послышались со стороны лестницы.

– Этот не подрапает, – уважительно заметил Грызунов. – Вот что за сволочь оказался. Может, поймать его и завалить?

В уме он уже прикидывал, как совершит беспримерный подвиг.

– Не надо его ловить, – остудил его пыл Жуков. – Его потом догонят... соответствующие органы. Наша задача – до этих органов добраться.

– Предлагаю надеть теплые вещи и пойти к соседям, – сказал Арсеньев. – Все за?

Когда Светлана открыла дверь своей спальни, Арсеньев сказал ей в спину:

– Хорошо бы выпить чего-нибудь крепкого, прежде чем идти в стужу. Как вы отнесетесь к рюмке водки?

– Отлично, – усталым голосом ответила она. – Только мне нужно умыться, у меня щеки горят, как будто я целый день булки пекла.

Тяжелым шагом она прошла в ванную комнату, а Арсеньев остался лицом к лицу со знакомой помятой кроватью. Самое удивительное, что в кровати по-прежнему кто-то лежал и отчетливо сопел при этом. Арсеньев некоторое время качался с носка на пятку, потом кашлянул и заявил:

– Не знаю, кто вы такой, но прошу учесть на будущее, что на эту девушку у меня самые серьезные виды.

Робин-Бобин, не ведавший, что жизнь его некоторое время висела на волоске, пошевелился под покрывалом и недовольно хрюкнул.

Елена Логунова

Прогноз погоды в доме

– Ух ты! – воскликнул Вадик, резко затормозив у директорского кабинета.

Дверь в приемную была открыта, и там на мягком стульчике скучала незнакомая девушка сказочной красоты: пшеничная коса, смородиновые глаза, малиновые губы, щечки – румяные яблочки и арбузные груди.

Вадик застыл на одной ножке и уставился на эту плодово-ягодную красоту с недоверчивой радостью уличного кота, обнаружившего в сточной канаве свеженькую золотую рыбку. Мой напарник славен в нашей телекомпании не столько своим операторским мастерством, сколько неумной любовью к противоположному полу.

Вадик облизнулся и сделал шаг вправо, к приемной. Я подтолкнула его в спину, чтобы дал мне пройти, но тут приоткрылась дверь по левую сторону коридора, и перемежающийся здоровым чавканьем голос нашего главного редактора Мамаева произнес:

– Елена, зайди! У меня есть для тебя кое-что.

– Съедобное? – повернул голову Вадик.

Отличный аппетит – его второе большое мужское достоинство. Или первое – по ситуации. Полчаса назад мы с напарником закончили съемку в Комитете по виноделию, где после брифинга была дегустация весьма неплохих вин. Пили, как положено уважающим себя дегустаторам, без закуски, что Вадик счел досадной ошибкой, которую ему не терпелось исправить. Теперь уже он подтолкнул меня в спину и вломился в кабинет главреда на моих плечах.

– Ну, что тут у нас? – вырвавшись на оперативный простор, Вадик потер ладони и устремил взор на тарелочку в руке Мамаева.

Тот непроизвольно отодвинулся, тоже посмотрел на тарелочку, потом на Вадика, с подозрением принялся и спросил:

– Рябушкин, чем это от вас пахнет?

– Трудовым потом! – без запинки ответил оператор. – Только что со съемки, работал как вол, а во рту с утра маковой росинки не было! А что это вы кушаете, Геннадий Владимирович?

– Отруби, – машинально ответил Мамай.

– Отруби? – заметно огорчился Вадик.

– Отруби – прекрасный диетический продукт! Они очень полезны для здоровья! – строго сказал наш эрудированный главный редактор.

– И для фигуры, – ляпнула я, о чем тут же пожалела, потому что Мамай, именуемый также Большой Мамочкой, похож на циркового слона, обученного носить костюм и ходить на двух ногах, но в отличие от добродушного животного жутко обидчив.

Главред насупился, я поняла, что нужно срочно поменять тему, и спросила:

– Что-то от меня нужно, Геннадий Владимирович? Зачем звали?

Лицо Мамаева светлее не стало, но тарелочку с диетическими отрубями он отставил подальше и взял со стола исписанный лист бумаги.

– Даю тебе особо важное задание! – объявил главный, буравя меня своими слоновьими глазками. – Вот заявление телезрительницы Тихоньковой Клавдии Яковлевны. Она утверждает, что просмотр наших программ неблагоприятно сказывается на ее здоровье, и грозит насрать на нас строгую комиссию для проверки качества телевизионных продуктов.

– Бред какой-то! – неуверенно хохотнула я. – Геннадий Владимирович, вы шутите?

– Мне, Елена, сейчас не до шуток! – вспылил Мамай. – Мне лицензию на вещание продлить! У меня новый Закон о рекламе! В бухгалтерии аудиторы сидят! Акционеры роста дивидендов требуют! Мне в такой ситуации лишняя жалоба – что последняя соломинка, которая может сломать спину верблюду! Держи бумажку и разберись с этой Тихоньковой, чтоб я ее больше не видел и не слышал!

– Но почему я? – возроптала я, вынужденно принимая листок с заявлением чокнутой гражданки.

– Потому что в современной российской действительности женский сыск результативнее мужского, – заметно спокойнее ответил Мамай.

Я выразительно покосилась на работающий телевизор. Вместо того чтобы контролировать, как ему полагается, наш собственный эфир, главный редактор смотрел по столичному каналу детективный сериал

про самородную и самобытную сыщицу с посудохозяйственным именем Вилка. Понятненько, откуда у Большой Мамочки святая вера в победы феминизма!

– Отнесись к этому заданию со всей ответственностью, – строго сказал Мамай. – Освобождаю тебя от основной работы до вторника. Действуй!

Услышав об освобождении от работы, заскучавший было Вадик встрепенулся и запоздало кинулся отстаивать права мужчин:

– Геннадий Владимирович! Правда, почему это задание для Ленки? Дайте его мне!

– У Елены аналитический ум, – шеф изволил меня похвалить. – Она даже в шахматы играет!

– Я еще и на рояле умею! – сердито напомнила я. – Может, отправите меня в гастрольный тур по побережью сшибать рубли акционерам на дивиденды?

– И я хочу по побережью! – немедленно заявил Вадик. – У меня голос, я петь могу!

Он расправил плечи, сложил руки в замок, отставил ножку, скороговоркой пробормотал:

– Слова и музыка народные, «Миленький ты мой!» – и пронзительнейшим голосом заблажил: – Ми-и-и...

– Кто пустил в студию кошку?! – гневно гаркнул в отдалении наш режиссер Славик.

– ...ленький ты мой! – как ни в чем не бывало закончил Вадик. – Ну, как?

– Шикарно! – похвалила я и похлопала себя по уху, выбивая из него эхо скрипучей рулады. – Пойдем запишем тебя в кружок хорового пения.

Потрясенный вокалом Вадика Мамай еще не ожил, а я уже утащила неразумного напарника прочь из кабинета. В коридоре он снова затормозил: навстречу нам из приемной выступила незнакомая красавица. Ее теснила дама, имеющая с юной девой отчетливое фамильное сходство, но похожая на атомный ледокол: такая же большая, могучая и взрывоопасная. На фоне ее сердитого рокота особенно ясно звучал голос нашего директора Гадюкина, выводивший с пронзительной задушевностью Робертино:

– Конечно, Клавдия Яковлевна, мы разберемся и примем меры, вы только не волнуйтесь, берегите здоровье!

– Это она! – резко осадив назад, шепнул мне Вадик через плечо.

Я и сама уже поняла, что термоядерная дама – моя жалобщица Тихонькова, и почувствовала себя спасателем, в одиночку брошенным на идущий вразнос энергоблок. Однако тут же выяснилось, что я недооценила самоотверженность своего напарника.

– Здравствуйте, Клавдия Яковлевна! – браво козырнул Вадик, одним глазом глядя на суровый лик Тихоньковой-старшей, а другим кося на арбузный бюст прелестной девы. – Разрешите представиться: я Вадим, а это Елена! Мы уполномочены разобраться в данной ситуации и сделаем это, к вашему полному удовлетворению, чего бы это нам ни стоило!

Я выразительно кашлянула. Мотивы, которыми Вадик руководствовался, добровольно вызываясь разбираться и удовлетворять, были очевидны. Только слепой не заметил бы роскошных форм Тихоньковой-младшей, однако я к женской красоте вполне равнодушна.

– С вашего разрешения, мы встретимся для предметной беседы чуть позже! – вежливо сказала я Клавдии Яковлевне и дернула Вадика за руку, увлекая его в глубь коридора.

В редакторской я достала из тайника за кассетами свой НЗ – пакет пряников – и велела Вадиду заваривать чай, а сама села читать заявление гражданки Тихоньковой и неожиданно увлеклась. Клавдия Яковлевна оказалась не чужда литературного таланта. Она живо описала свои страдания, проистекающие от просмотра вечернего выпуска наших телепередач. Худшим и главным из них была неборимая бессонница, но упоминались также нарушение сердечной деятельности, расстройства пищеварения и памяти, падение давления и депрессивное настроение.

– И все из-за каких-то пятнадцати минут у телика? – усомнился Вадик, которого я ознакомила с заявлением Тихоньковой в режиме громкой читки.

Продолжительность вечернего выпуска наших телепередач всего четверть часа. Мне тоже казалось, что нажить массу расстройств за такое незначительное время нереально. Мы же не фильмы ужасов показываем! В вечернем выпуске у нас вполне благопристойные новости, реклама и прогноз погоды.

– А помните Кашпировского? – попивая чай, приготовленный Вадиком на всех, спросила редакторша Любовь Андреевна. – Он гипнотизировал народ с телеэкрана! Кремы заряжал, рубцы рассасывал! Помню, мой свекор, царство ему небесное, нас всех из комнаты выгонял и тет-а-тет с телевизором лечил застарелый геморрой. Может, и наши программы по неизвестным причинам оказывают на телезрителей какое-то такое влияние, только не лечебное, а наоборот?

– Почему же тогда никто, кроме Тихоньковой, не жалуется? – резонно спросила журналистка Наташа.

– А просто не смотрит нас никто! Нечего у нас смотреть! – наш гениальный режиссер Слава включился

в беседу и сразу же свернул на свою любимую тему. – Где у нас креатив? Где концептуальность?

Любовь Андреевна и Наташа из патриотических соображений с ним заспорили, а Вадик под шумок захватил пакет с пряниками и сказал:

– Пойдем отсюда! В таком гвалте хорошую концепцию фиг найдешь!

– Для хорошей концепции приличный объем информации нужен, – заметила я и посмотрела на недостаточно объемный манускрипт Клавдии Яковлевны. – Придется пообщаться с заявительницей.

– Щац! – сказал Вадик, давясь пряником. – Я ужнаю телефонщик!

Он сбегал в приемную и вернулся с листочком, на котором Гадюкин начертил семь цифр и резолюцию: «Не разрулите – урою!» Наш директор пришел на телевидение год назад, а до этого был топ-менеджером бандформирования и еще не избавился от профессионального сленга.

– Уроет он нас, как же! – обиженно бормотала я, набирая номер.

– Ирина, диспетчер! – отозвался низкий женский голос.

– Пардон, – сказала я и положила трубку. Сверяясь по бумажке, снова набрала номер и опять услышала тот же дамский бас. – Ирина, извините, я почему-то к вам попадаю, а мне квартира Тихоньковых нужна. Может...

– Это и есть квартира Тихоньковых, а я не Ирина, а Клавдия! – оборвал мои вежливые извинения неласковый голос. – «Ирина» – это ремонтно-строительная компания, а я в ней диспетчером работаю, на дому!

Недоразумение разрешилось, я представилась и договорилась с Клавдией Яковлевной о встрече. Вадик по собственной инициативе отправился со мной, размечтавшись о разделении труда:

– Ты опросишь старшую Тихонькову, а я поработаю с младшей!

Однако приятное возбуждение Вадика вмиг улеглось, когда нам открыл дверь высоченный, под потолок, дядечка с пышной бородой и осанкой Ильи Муромца, который только-только слез с печи после тридцатитрехлетнего на ней сидения. Нестарый еще мужчина приволакивал ноги, сутулился и смотрел тоскливо и настороженно, как потерявшийся пес, однако природная его стать впечатляла. Смекнув, что перед нами папа красавицы Тихоньковой-младшей, Вадик перестал настаивать на разделении труда и стер с лица обольстительную улыбку. Так что беседовали мы все вместе, одной большой компанией, с подавляющим присутствием в ней Тихоньковых. Семейство представляли Клавдия Яковлевна, ее супруг Петр Ильич, их дочь Александра и кот Филимон. Младший сын Витя отсутствовал по уважительной причине: он занимался в школе во вторую смену.

Вадик засматривался на Сашеньку, а я изумленно и восторженно тарасилась на Филимона. Этот кот потрясал воображение. Он был такой толстый, что позорно застрял в табуретке, под которой хотел проскочить, спасаясь от моих приставаний.

– Филя весит восемь шестьсот, – сказала Клавдия Яковлевна, обласкав взглядом торчащий из-под табуретки фрагмент домашнего любимца.

– Он жирный, потому что кастрированный! – бесцветным голосом добавил Петр Ильич.

Вадик воззрился на Филимона с ужасом, мне тоже стало жаль бедного зверя, но развивать тему кошачьей асексуальности я не стала и попросила Клавдию Яковлевну рассказать нам, чем ей не нравятся наши телевизионные продукты. При этом Сашенька выразительно закатила глаза, а Петр Ильич беззвучно вздохнул.

Через пятнадцать минут после начала эмоционального монолога хозяйки Петр Ильич сослался на необходимость срочной домашней работы и удалился. Пятью минутами позже откланялась и Сашенька, которой пора было ехать в бассейн. После этого Вадик потерял всякий интерес к происходящему и откровенно скучал, пока я стенографировала речь Клавдии Яковлевны. Это было утомительно, потому что стервозные интонации голоса страдальцы меня сильно нервировали. К тому же разговор поминутно прерывали звонки граждан, нуждающихся в услугах ремонтно-строительной компании «Ирина». Я уже почти потеряла терпение, когда мадам Тихонькова неожиданно попросила нас удалиться, так как у нее ровно в четырнадцать ноль-ноль запланирован послеобеденный сон. До него, правда, еще оставалось минут сорок, но их Клавдия Яковлевна, по всей видимости, собиралась потратить на урочный прием пищи. Нас с напарником к столу не позвали, и это отнюдь не улучшило Вадика настроения. В прихожей он мрачно зыркнул на украшающий дверцу кладовки школярский плакатик «Мой распорядок», в котором уже знакомым нам почерком мадам Тихоньковой были расписаны все значимые моменты дня, включая четырехразовую кормежку. Соседство плаката с солидными курантами не позволяло усомниться, что режим в этом доме соблюдается неукоснительно.

– Думаешь, она чокнутая? – спросила я, когда мы отошли от двора на десяток метров и присели на лавочку у кинотеатра «Варяг».

– Нет, – убежденно сказал Вадик. – Я женщин знаю, я так скажу: эта тетка нормальная домашняя тиранша. Гитлер в юбке! Мне жаль ее мужа и кота.

Он подумал немножко и добавил:

– Особенно кота!

– Кота жалко, – согласилась я. – И нас с тобой тоже. Гадюкин обещал нас урыть, если мы не разрулим дело, а я даже не знаю, с чего начинать. Ерунда получается! Предположим, тете становится дурно после просмотра наших телепрограмм. Тогда почему ей дурнеет только по пятницам?

– Она же сказала, что по пятницам обязательно смотрит вечерний прогноз погоды на выходные, – напомнил Вадик, слегка меня удивив. Я-то думала, он вообще ничего не слышал. – В другие дни тоже иногда интересуется предсказаниями метеорологов, но нерегулярно, а по пятницам – железно, потому что в субботу все семейство едет на дачу.

– Ну а чем пятничный прогноз отличается от всех других?

Ответить на этот вопрос напарнику было гораздо легче, чем мне, потому что я телевизор смотрю редко, а уж наш канал вообще никогда не включаю. Вадик же по долгу службы присутствует на записи программ в студии.

– В пятницу мы даем прогноз не на один день, а сразу на два. Это во-первых. Во-вторых, в другие дни прогноз зачитывает Наташа, а по пятницам вещает сам Левин.

– Вот как? – Я задумалась.

Марк Михайлович Левин – умнейший дядька из университета, специалист по гидрометеорологии, кандидат наук и замечательный рассказчик. Он провозглашает прогноз погоды с вдохновенным лицом и ораторским пылом библейского пророка, так что по окончании его речи хочется кричать «Аллилуйя!» и восторженно бить в ладоши.

– Слушай! А может, у Тихоньковой на Левина аллергия? – оживилась я.

– Или, наоборот, слишком нравится ей харизматическая личность Марка Михайловича! – подхватил Вадик. – А что? Марк – видный мужчина, кудрявый, бородатый, с горящим взглядом! Тихонькова как посмотрит на него – перевозбуждается и потом уснуть не может, томима смутными мечтами! Ха! Я знаю, что ей нужно прописать! Сеанс хорошего секса!

– Возьмешься? – съязвила я.

Вадик не взялся, и я предложила другое решение:

– Сегодня у нас пятница. Значит, вечером Клавдия Яковлевна опять воссядет перед телевизором. Что, если в урочный час она не увидит Левина и не услышит его вдохновенное метеорологическое предсказание? Подурнеет ей, как обычно по пятницам, или нет?

– Понимаю, к чему ты клонишь. – Вадик посмотрел на часы. – Если ты хочешь, чтобы вечерний прогноз в порядке эксперимента начитал кто-нибудь другой, нужно торопиться в студию. Хотя я заранее знаю, что многочисленные поклонники Левина не скажут тебе за это спасибо.

Я прикинула, сколько народу будет не в восторге от моей идеи, и приуныла. Ладно, Мамаю поломать заведенную традицию я уговорю без труда, он в нейтрализации скандальной Тихоньковой заинтересован не меньше моего. Операторскую работу сделает Вадик, куда ему деваться. А что скажет видеоинженер, которому заново программу монтировать, титры перебивать? И как отреагирует на «отставку» сам Левин?

Оказалось, что зря я переживала, обижать Марка Михайловича не пришлось. Свой монолог он записал в студии еще вчера, в четверг, потому как дежурный прогноз погоды мы, оказывается, показываем дважды в день, утром и вечером.

– Первый выход в семь утра, второй в двадцать тридцать, – объяснил мне видеоинженер Дима.

Я пообещала ему пиво, а Наташе, которая начитала текст прогноза, шоколадку, и позвонила Тихоньковой, едва дождавшись окончания ее «тихого часа». Мадам Тихонькова пообещала сообщить мне о своей реакции на видоизмененный прогноз погоды, и для пущей оперативности связи я даже оставила ей номер своего мобильного телефона, которым обычно не разбрасываюсь, так как терпеть не могу, когда меня беспокоят в свободное от работы время. Я даже имею привычку выключать телефон на выходные, потому что все важные для меня люди знают мобильный моего мужа и при необходимости могут найти меня через него.

Клавдия Яковлевна номера Коляна не знала и поэтому дозвонилась мне только в понедельник. Я уже напрочь забыла о проблематичном прогнозе погоды, наслаждалась утренним чаепитием в редакторской и не сразу узнала сердитый голос, басящий в телефонной трубке:

– Дурью маетесь! Мужика девчонкой заменили, а я опять всю ночь не спала! Давление упало, тахикардия началась, желудок расстроился!

– Клавдия Яковлевна, это вы? – Я уронила печенье и мысленно выругалась. Чертова баба, чем же ей не

угодил несчастный прогноз погоды?! Никаких конструктивных идей у меня не было. Не зная, что сказать, я снова стала задавать вопросы: – Скажите, а как ваши родные? На их самочувствие наша программа не влияет?

– Может, и влияет, – буркнула мадам. – У мужа упадок сил, он в субботу на участке работал еле-еле, одну грядку вскопал и отдыхать запросился. У Сашки круги под глазами, и нервная она была с утра, один Витька в норме, да он-то к телевизору не приближался, весь вечер играл у себя в мансарде. Между прочим, вечером в пятницу и Филька бывает сильно не в духе, он шипит, дичится, на прошлой неделе даже мужа поцарапал!

– Это очень ценная информация, – сказала я с уверенностью, которой не испытывала. – Я обдумаю ее, а потом обязательно с вами свяжусь.

С опозданием примчался на работу Вадик. С разбегу проглотил печенье, запил его чаем и поинтересовался, какие у нас сегодня съемки.

– Съемки сегодня без меня, я на спецзадании, – напомнила я.

Дождалась, пока коллеги разойдутся работать, взяла бумагу, ручку и принялась думать, автоматически рисуя рожицы. Итак, Левин ни при чем, страдальцу Тихонькову мучит что-то другое. Что же не так в этом прогнозе? Заставка программы и компьютерный фон всякий день одни и те же, но Тихонькова болеет только в пятницу. Фантастика какая-то!

Я бросила разрисованную бумажку в урну и пошла искать Славу.

Режиссер сидел в монтажной, отнюдь не безучастно наблюдая за процессом создания заставки для новостной программы.

– Вот здесь, где все человеческие фигурки выстраиваются в одну линию, нарушается темпоритм! – горячо говорил Слава, тыча пальцем в монитор компьютера.

Видеодизайнер Женя морщился, бил его по руке и очень нехорошо отзывался о темпоритме, человеческих фигурках и самом Славе.

– Господа, у меня к вам каверзный вопрос по технической части! – сказала я, встав так, чтобы закрыть собой монитор. – Скажите мне, как большие специалисты по созданию хитрых телевизионных эффектов, что новенького придумано за последнее время по части кодирования, зомбирования и иного оболванивания широкой зрительской аудитории?

– Прогрессивно мыслишь! – похвалил меня Женя. – Я давно говорю: не так плох двадцать пятый кадр, как его малюют!

– Двадцать пятый кадр – это от лукавого! – немедленно заспорил с ним Слава. – Зрителя нужно брать творческой фантазией, а не психотропными средствами! И не возражай мне! Пока я тут режиссер, никому не будет позволено утраивать великую силу искусства вредоносными допингами!

– То есть у нас в студии никаких таких экспериментов над зрителем не ставится? Негуманных методов повышения зрительских симпатий мы не практикуем? – настойчиво спросила я.

– Могу поклясться тебе в этом на Библии! – сказал Слава и в отсутствие Библии возложил руку на талмуд «Руководство по пользованию видеокурсом Би-би-си «Как делать телевидение».

Я ему поверила и пошла к Мамаю просить кассеты с записью нашего эфира за последний месяц. Мониторинг телевизионного эфира – обязательное требование, предъявляемое к телекомпаниям. Мамай инструкции свято чтит, кассеты с «пятничными» эфирами он нашел и выдал мне одновременно с наставлением:

– Смотри не потеряй!

– Когда я на этой работе теряла что-нибудь, кроме здоровья? – обиделась я.

На сей раз пришлось потратить немало времени. Битых два часа я гоняла в видеике четыре пятнадцатиминутные записи, пытаюсь установить хоть какую-нибудь закономерность. Установила: новости каждую неделю были разные, что совершенно естественно, в метеопрогнозе отличались только погодные характеристики, а вот в примыкающем к прогнозу рекламном блоке среди других регулярно присутствовал один и тот же ролик предприятия по производству безалкогольных напитков «Волна». Разумеется, я сосредоточила свое внимание на этом произведении рекламного искусства.

Ролик, сделанный не в нашей студии, был так себе, средней паршивости. Возможно, фантазии его создателей просто негде было разгуляться: ролик длился всего пять секунд. За это время в той части экрана, которая символизировала собой море, успевала вскипеть серебристая волна. Она с шипением накатывала на желтый песок, отступала, и в полосе прибоя немедленно вырастали ландыши. Бред чистой воды! При этом за кадром ласковый девичий голос журчал рекламный стих: «Волна» прохлады полна!». Интересно, какую отметку имели авторы ролика по ботанике? Пробовал ли кто-нибудь из них поливать ландыши морской водой? Может, дурное самочувствие Клавдии Яковлевны вызвано ее переживаниями за нежные цветочки?

Однако в доме Тихоньковых я не видела горшечных растений, да и единственная клумба у крыльца выглядела бедновато.

Подумав немного, я позвонила Ляльке. Когда-то мы с ней вместе учились на филфаке, а потом она завела салон магических услуг.

– Лялюшонок, привет! – сказала я, услышав в трубке чарующее контральто Олимпии – так Лялька представляется в рабочее время. – Мне срочно нужна твоя консультация. Ты ведь у нас специалист по заговорам?

– С университетским дипломом, что большая редкость! – напомнила приятельница своим нормальным писклявым сопрано.

Разумеется, я знала, что темой Лялькиной дипломной работы были заговоры, привороты и прочий мистический фольклор. Еще бы мне этого не знать, я сама сочинила для однокурсницы с полдюжины роскошных заговоров, которые очень украсили ее работу! В связи с этим я обоснованно сомневалась в чудесной силе всех и всяческих заклинаний, но считала необходимым рассмотреть каждую возникающую у меня версию.

– Ляль, у меня тут есть текст, который, как я подозреваю, может быть заговором. Похоже, одной тетке от него регулярно становится жутко нехорошо. Вот послушай.

Я поднесла трубку к динамику телевизора и включила запись.

– «Волна» прохлады полна» – и точка? Если это весь текст, то на заговор он никак не тянет, – заявила Ляля. – Слишком уж мало слов. Максимум – какая-то магическая формула.

– Может, проклятье? – оживилась я.

– На проклятье не похоже, по-моему, настрой отчетливо позитивный, – возразила приятельница. – Сказано ведь, что волна полна прохлады, а прохлада в жару – это хорошо.

Я попрощалась с Лялькой, положила трубку, почесала в затылке и решила взять помощь зала, для чего пошла в народ со смиренной просьбой посмотреть лишний раз ролик «Волны» и сказать мне, что в нем странного и неладного. Могла бы заранее догадаться, что отзывы сведутся к критике!

Слава по своему обыкновению посетовал на нарушения столь дорогого его сердцу и слуху темпоритма. Любви Андреевне не понравилась непатриотичная цветовая гамма, живо напоминающая расцветку украинского флага. Вадик раскритиковал слоган.

– Это не рекламный посыл, это рвотный позыв! – кривясь, объявил он. – Не понимаю, с чего создатели ролика решили, что зритель побежит покупать эту минералку только потому, что она, их «Волна», полна прохлады?

– Точно! Вот если бы нам сказали, что эта их «Волна» полна водки... – мечтательно протянул Дима. – Или хотя бы пива...

– Это окончательно испортило бы темпоритм! – поморщился трезвенник-язвенник Слава.

Вадик и Дима выразили свое несогласие со сказанным эмоциональными возгласами, смысл которых сводился к тому, что хорошее пиво (тем более водку) никаким темпоритмом не испортишь. Спасаясь от дискуссии, я убежала в уединенную каморку выпуска прямого эфира и там наконец услышала нечто толковое.

– Самое странное в этом ролике – принцип его размещения, – сказал дежурный выпускающий Вова.

– И что это за принцип? – заинтересовалась я.

– Очень популярный в нашем народе, но крайне неудобный для верстки рекламного блока принцип «Как бог на душу положит», – объяснил он. – Во-первых, «Волна» выходит только два дня в неделю, но зато подряд: в четверг и в пятницу. По-твоему, это эффективно?

– С повторами выходит? – уточнила я. – Тогда они захватывают и утро субботы, ведь вечерний блок мы повторяем на следующий день утром.

Вова поморщился – я затронула болезную тему. Наши коммерческие агенты постоянно жалуются на несознательность клиентов, которые все как один желают размещать свою рекламу исключительно в прайм-тайм, так что непопулярный утренний повтор им приходится навязывать в нагрузку к вечернему выходу. В свою очередь, наши выпускающие очень недовольны, когда им приходится перемонтировать готовый блок, а это случается, если клиент наотрез отказывается от повтора. Ролик «Волны» Вова и его сменщики дружно невзлюбили за то, что с его показами нет определенности. То его ставят два раза в день, то только по вечерам.

– В прошлом месяце я лично дважды в дикой спешке выбрасывал эту самую «Волну» из утреннего блока, – с досадой сказал Вова. – Интересно, какой идиот занимается у них рекламой?

Мне тоже это стало интересно, поэтому из кельи выпускающего я переместилась в бухгалтерию и задала главбухше простой и понятный вопрос:

- Кто приносит нам «Волну»?
- Наталья Сергеевна. Не вздумай встречать! – ответили мне.
- Да что я, самоубийца? – хмыкнула я.

Отбивать у Натальи Сергеевны клиентов я не стала бы ни при каких обстоятельствах. Чур меня! Наш рекламный матриарх Наталья Сергеевна Кошелева – женщина очень серьезная. Она держит в кулаке полсотни рекламодателей и обирает их методично и бестрепетно, как жестокий ордынец мягкотелых удельных князей. В нашей телекомпании Наталья Сергеевна появляется непредсказуемо, потому что в штате не числится и размещает рекламу в самых разных СМИ города. Мне повезло: я случайно столкнулась с деловой дамой в коридоре.

– Наталья Сергеевна, добрый день, у меня к вам вопросик по поводу «Волны», можно? – скороговоркой спросила я, не смея надолго задерживать женщину, у которой время – деньги и с которой разговаривать небезопасно: не ровен час, и меня раскрутит на рекламу (трехсекундный ролик со взрывом сразу после слогана: «Елена! Полна ацетилена!»)!

– ЧП «Волна» – мой клиент с позапрошлого года! – не угадав мои мысли, предупредила Наталья Сергеевна.

– Знаю, знаю! – я замахала руками. – Меня интересует, кто им рекламный ролик сотворил. Редкостная гадость!

– Не знаю, я изготовлением не занималась, мне только размещение заказали. – Уверовав, что я не покушаюсь на ее кормушку, Наталья Сергеевна успокоилась. – Мне дали готовый ролик, а кто его делал, Виолетта Игнатьевна должна знать. Если хочешь, спрошу у нее.

– Виолетта Игнатьевна – это директриса «Волны»?

– Да куда там! – Наталья Сергеевна фыркнула. – Виолетта Игнатьевна – супруга директора, типичная домохозяйка, заскучавшая без дела! Заняться ей нечем, вот и лезет в рекламные дела предприятия, а муженек ей потакает, не иначе на зарплате промоутера сэкономить хочет. «Волна» – то эта – маленькая фирмочка, так, кустарное производство.

– Телефончик Виолетты Игнатьевны не дадите?

– Зачем тебе? – вновь напряглась Наталья Сергеевна.

Пришлось беззаботно сказать: «Действительно, незачем!» – и вежливо раскланяться с насторожившейся деловой дамой. Ладно, телефончик «Волны» и ее хозяев я и без Натальи Сергеевны раздобуду, мало ли на свете добрых и при этом хорошо информированных людей?

В поисках самаритянина, который поделился бы со мной сведениями, я просматривала свою записную книжку, когда в редакторскую с гиканьем и посвистом вломился Вадик, прибывший со съемки. С камерой на одном плече и штативом на другом он был похож на добычливого махновца.

– Р-распрягайте, хлопцы, коней! – голосом, еще вчера впечатлившим нас с Мамаем (и Славика, который до сих пор с подозрением приглядывался к темным углам в поисках приبلудной кошки), пропел Вадик, после чего распряг себя сам – хлопец и конь в одном лице – и бодро спросил меня:

– Обедать будем? – Тут его снова пробило на песнопение: – Бери ложку, бери хлеб, и садимся за обед!

– А есть что поесть?

– А нету? – Вадик расстроился, но ненадолго. Созерцание моей пасмурной физиономии вкупе с упоминанием столового прибора сподвигло его на вопрос:

– Кстати, о ложках и вилках. Ты уже посрамила телевизионную сыщицу темпами нашего детективного расследования?

– Я стремлюсь к этому, – уклончиво ответила я.

– Ха! Стремится она! Видали? – вскричал напарник, обращаясь почему-то к чайнику, заведомо не отличающемуся зоркостью. – Стоя на месте, делает дело только почтовый ящик! Предлагаю немедленно поехать в бассейн и пообщаться с Сашенькой, у нее как раз через полчаса тренировка заканчивается.

– А зачем нам Сашенька? – вяло затрепыхалась я.

Вадик выгнул брови мавританскими арками:

– Как это – зачем Сашенька? Ну и вопросы ты задаешь! На что-нибудь да сгодится! – И он послал воздушный поцелуй все тому же чайнику.

– Вадь, а ты не мог бы свои личные дела решать по телефону? Зачем ехать через полгорода? – с досадой спросила я.

– По какому телефону? – сердито отозвался товарищ. – Я уже проверял, на звонок стационарного домашнего аппарата коршуном слетает мамаша-диспетчерша, а мобильник Сашенькин дома не работает. У них там под вышкой и в окружении высотных домов мертвая зона, связь хуже, чем с тем светом.

Делать мне было совершенно нечего, до очередного шага в расследовании я еще не дозрела, а потому

не видела, почему бы не развлечь себя прогулкой. Мы поехали в бассейн, сели в кафе у входа, пообедали, а тут и сеанс аквааэробики закончился. Вадик коршуном спикировал на группу слегка отсыревших девушек и тетушек, выхватил из толпы Сашеньку Тихонькову и с торжествующим клекотом притащил ее за наш столик. Напарник пришел в восторг от того, что Сашенька оказалась дивно хороша даже без прически и косметики, а меня искренне порадовало наличие у красавицы здравого смысла.

– Вы все с хворями нашей святой великомученицы разбираетесь? – сочувственно спросила она. – Бросьте вы это дело, я думаю, наша маман выкамаривает, чтобы внимание к себе привлечь и жалость вызвать.

– Клавдия Яковлевна притворяется нездоровой? – уточнила я.

– Не притворяется, но... У кого в ее возрасте не бывает бессонницы? Даже я, бывает, в полнолуние подолгу не могу уснуть, а ведь мне всего девятнадцать! – ответила Сашенька.

Вадик тут предложил в ближайшее полнолуние ознакомить барышню со своим собственным высокоэффективным способом борьбы с бессонницей, но я толкнула самозваного лекаря локтем в бок и загнула его слабый стон вопросом по существу:

– Давно ли Клавдия Яковлевна страдает бессонницей?

– Уже два месяца! – Сашенька вздохнула. – Почти каждую пятницу сама не спит и нам не дает!

– Что значит «почти каждую»? – я уцепилась за слово. – Из правила бывают исключения?

– В этом месяце таких приятных исключений, увы, не было, – любящая дочь вздохнула. – А вот в прошлом мамуля аж две пятницы пропустила!

– Даты помните? – быстро спросила я.

– Даты? Да нет, конечно... Хотя... – Сашенька оживилась. – В прошлом месяце моя однокурсница замуж вышла, мы всей группой у нее на свадьбе гуляли, так это было в субботу, четырнадцатого. Помню, накануне маман дрыхла, как сурок, хотя была как раз пятница, да еще тринадцатое число! И еще раз мне посчастливилось выспаться через две недели после этого.

– Значит, тринадцатого и двадцать седьмого, – быстро подсчитала я.

Пока я записывала исторические даты в блокнот, Вадик завел с красавицей душевную беседу «за жизнь». Я не стала прерывать их диалог, потому что детские жалобы Сашеньки на тяготы существования в лоне семьи проясняли моральный климат в доме Тихоньковых. У меня было ощущение, что эта информация может пригодиться.

У Сашеньки Тихоньковой были строгая мама и добряк-отец, при этом главой семьи, безусловно, являлась Клавдия Яковлевна. Нетрадиционное распределение ролей казалось тем более странным, что папа Тихоньков в свое время был военным, хотя и ушел в отставку всего лишь в майорском звании. Клавдия Яковлевна много лет занималась домашним хозяйством и после увольнения мужа в запас нашла и себе, и супругу непильную работу на дому. Петр Ильич числился в фирме «Ирина» столяром-плотником, но работал не на объектах, а в собственном сарайчике: точил на старом станке детальки и собирал из них кукольные домики и мебель. Рукоделие отставного майора брал на реализацию дорогой магазин игрушек, так что на жизнь семейству хватало, тем более что главную для всех экс-военных проблему – жилищную – удалось решить вовремя и без затрат. Петр Ильич очень кстати унаследовал за стариками домик в родном Екатеринодаре. Теперь папа Тихоньков радовался возвращению в город своего детства и юности, мама Тихонькова была счастлива тем, что у нее есть свой дом и в нем безотлучно присутствует трудяга-муж, а вот неблагодарные Тихоньковы-дети изо всех сил старались проводить в кругу семьи как можно меньше времени.

– Папа пилит деревяшки и строит кровати, мама пилит папу и строит нас! – вкратце описала ситуацию в доме Сашенька. – Вы пробовали жить на лесопилке? Я лучше лишний раз в спортзал или в бассейн схожу, это будет полезнее для здоровья, чем наши «тихие» семейные дни и ночи!

Вадик Сашенькины занятия спортом горячо одобрил, заметив, что и он знает несколько упражнений, чрезвычайно полезных для здоровья. Он готов был поделиться своими знаниями с Сашенькой, но я безапелляционно заявила, что нам пора возвращаться на работу: мне нужно было проверить возникшую идею. Обиженный Вадик обозвал меня предательницей и вредительницей и по возвращении в студию оставил меня с детективной задачей один на один. Я не роптала, на данном этапе мне был совершенно ни к чему горластый и не в меру любвеобильный Ватсон.

Я отправилась к Мамаю и напрягла его требованием срочно найти и выдать мне видеозаписи эфирных программ за все пятницы предыдущего месяца.

– И чтоб завтра же доложила о выполнении задания! – напутствовал меня Мамай. – Иначе Василий Онуфриевич не знаю что с нами сделает!

– Уроет, – понятно кивнула я.

А про себя подумала: хорошо бы, Гадюкин начал этот процесс с Мамаю! Если я правильно понимаю термин «урить», он должен иметь отношение к земляным работам. Чтобы закопать мамайскую тушу, придется потрудиться даже при наличии бульдозера, авось Гадюкин притомится и до нашего с Вадиком погребения дело дойдет не скоро. Я опасалась, что в отпущенные мне на расследование два дня не уложусь, и хотела выиграть время.

До конца рабочего дня я изучала «пятничные» записи за прошлый месяц и сделала открытие, которое не стало для меня неожиданностью: тринадцатого и двадцать седьмого сентября в утреннем выпуске ролика «Волны» не было! Однако в вечернем блоке «Волна» серебрилась и журчала, как обычно, и это поставило меня в тупик. С одной стороны, вроде бы подтвердилась версия о мистической связи рекламного ролика с самочувствием мадам Тихоньковой, раз Клавдия Яковлевна прекрасно спала именно тринадцатого и двадцать седьмого. С другой стороны, ситуация совсем запуталась, потому как было решительно непонятно: какое значение имеет то, что ролик не показывали в семь, если Тихонькова все-таки посмотрела его в двадцать тридцать? Со слов Сашеньки я знала, что в семь ноль-ноль у Тихоньковых просыпается только Петр Ильич. Вот он-то в обязательном порядке смотрит утренние новости и за завтраком проводит с домашними политинформацию.

– Одно с другим не вяжется! – досадливо пробормотала я, и болтавшийся поблизости Вадик ошастливил меня очередной сексуально-философской сентенцией:

– Нужно, чтобы одна с другим или один с другой, тогда они будут вязаться о-го-го как!

Я обещала обдумать эту мудрость эротомана на досуге и покинула трудовой пост, чтобы принять вахту дома. Няня с Масей уже вышли на вечернюю прогулку, я перехватила их в парке.

– Вел себя нормально, ел хорошо, но спал всего полчаса, – коротко отчиталась она.

Я посмотрела на сынишку. Маса с большим энтузиазмом колотил сломанной веткой по воде фонтана и не выглядел усталым.

– Он вечером рано лег, а утром встал аж в половине девятого! – объяснила я.

И замерла с раскрытым ртом, пораженная простой, как холстина, мыслью. Няня, не заметив моего превращения в подобие скворечника, попрощалась и ушла, а я присела на бортик фонтана и рассмотрела явившуюся мне светлую мысль со всех сторон.

Ну конечно! Как это я сразу не подумала, что у периодической бессонницы Тихоньковой могло быть самое простое и естественное объяснение? Женщина имеет обыкновение заваливаться на боковую белым днем! Что, если именно по пятницам ее послеобеденный сон особенно крепок? Тогда она замечательно высыпается и закономерно не может уснуть ранним вечером, но всеми средствами принуждает свой организм к неукоснительному соблюдению режима. Она пьет таблетки, капли и теплое молоко с медом, нюхает корень валерианы, вслух считает овец, обматывает голову мокрым полотенцем и разными иными способами издевается над собой и несчастными близкими, которые в результате всей этой суеты тоже лишаются сна. И наутро все семейство (за исключением счастливчика Витьки, который спокойно спит в мансарде) страдает от головной боли и общей слабости!

Порадовавшись своей сообразительности, я улыбнулась и тут же снова нахмурилась. В этой простой и понятной версии не было места ролику «Волны» с его необъяснимым воздействием на нежный организм Клавдии Яковлевны! Ведь ролик вкупе с метеопрогнозом она смотрела уже после того, как обеспечивала себе очередной приступ бессонницы особо крепким дневным сном! Значит, ролик ни при чем? Но ведь я уже выяснила, что тринадцатого и двадцать седьмого, когда «Волну» изымали из утреннего эфира, Тихонькова спала, как младенец! Может, значение имеет как раз утренний, а не вечерний показ? Может, именно от наличия или отсутствия ролика в семичасовом блоке зависит, спать или не спать Клавдии Яковлевне днем и, как следствие, ночью? Однако установлено, что по утрам страдальца телевизор вовсе не смотрит...

– Может, она его слушает сквозь сон, в полудреме? – подумала я вслух. – И в таком состоянии оказывается особенно восприимчива к загадочному негативному воздействию? Кто бы мне еще объяснил его природу...

С вопросами о природе рекламного ролика имело смысл обращаться к его авторам, а на них мне могла ответить супруга директора «Волны». Как ее? Виолетта Игнатьевна.

Будь у меня при себе ноутбук, я мигом нашла бы координаты ЧП «Волна» в Интернете. В отсутствие компьютерной техники мне показалось наиболее естественным отыскать эту мужнюю жену с амбициями бизнес-леди через ее супруга. Я, правда, даже имени его не знала, но это не должно было помешать: еще днем, копаясь в своей записной книжке, я решила, что мне поможет Сашка Галкин – мой бывший коллега-журналист, перековавший перо на поварешку. У Сашки свой ресторанчик, при котором он организовал престижный в деловых кругах клуб «Кому за миллион». Удачное название провинциальных бизнесменов

пленяет и завораживает. Конечно, поднять планку на должную высоту Сашке не удалось, он не учел инфляции, при которой миллионеров у нас развелось, как тараканов, зато картотека членов клуба почти так же обширна, как база данных налоговой службы. И в отличие от налоговиков Галкин с удовольствием поделится со мной своими знаниями, ему даже лестно будет, что действующий журналист обращается к нему за помощью.

Я увела Машню от фонтана к каруселькам, отправила ребенка в трехминутный полет на игрушечном истребителе и без помех позвонила Сашке.

– ЧП «Волна»? Как же, знаю! – не обманул моих надежд экс-коллега. – Директор и владелец – Панченко Андрей Николаевич, активнейший член моего клуба. Ни одного заседания без уважительной причины не пропускает! Если не может прибыть, обязательно предупреждает.

– Ты ведешь журнал учета посещаемости? – съязвила я.

– Не посещаемости, а финансовых поступлений! – хохотнул Сашка. – Они же у меня, помимо ежемесячных членских взносов, за каждое посещение платят дополнительно! А как иначе? Это официально действие называется скучно и чопорно – «заседание», а на самом деле у нас такие знойные тусовки – куда до них бразильскому карнавалу!

– Оргии, что ли?

– Ну, почему сразу – оргии? – Сашка сначала обиделся, но живо развеселился. Чувствовалось, что человек соскучился по нормальному журналистскому трепу с подколками и смешками. – Не оргии, а тематические мероприятия, с культурной частью и бескультурной!

– Бескультурная – это попойка, сауна и девочки?

– А также мальчики и пальчики, то есть всякая там мануальная терапия и прочий тайский массаж, – разоткровенничался Сашка. – Но это уже в частном порядке, в уединении комфортабельных номеров и только после обязательной программы. Сначала я своих миллионеров хоть немножко культурно воспитываю и интеллектуально подрачиваю: профессоров привожу, чтобы лекции им читали, блиц-семинары устраиваю, ролевые игры организую. Иной раз такие интересные диспуты случаются, аж с мордобоем! Ты приди как-нибудь, посмотри, не пожалеешь!

– И по каким дням у тебя семинары с мордобоем? – хмыкнула я.

– В оптимальное для восприятия время, еженедельно в канун уик-энда! – Сашка загнул изящную фразу, но я не дала ему поважничать:

– Про оптимальное восприятие ты своему бизнес-бомонду вкручивай, а мне попросту скажи, когда вы заседаете и в каком часу!

– Да по пятницам же! Только время у нас плавающее: зимой мы в семнадцать часов собираемся, летом в два.

– А почему так рано? – удивилась я. – В теплое время года у бизнесменов меньше работы, что ли?

– В теплое время года у них больше желания умотать на уик-энд из города на свои дачки у моря и в горах! – объяснил Сашка. – Дяди все, как один, на своих колесах, а на дорогах в курортный сезон дикие пробки, господа начальники норовят закончить рабочую неделю в пятницу к обеду и выехать пораньше. А я должен еще до этого момента их перехватить и нацелить на иное времяпрепровождение, иначе укатят мои миллионеры тратить свои денежки в другом месте.

– Сашка, ты стал жадным, беспринципным и циничным! – посетовала я.

– Так ведь с кем поведешься! – ничуть не огорчился Галкин.

Я вытянула у него домашний адрес и телефон Панченко и в режиме ответного приглашения позвала в гости к нам в студию.

– Посмотришь, какой у нас монтажный стол собрали, Вадик тебе свою новую камеру покажет, Слава расскажет про темпоритм...

– Да-а-а, темпоритм – это вещь! – с тоской сказал Галкин и грустно откланялся.

А я подумала: умного человека не портит даже общение с миллионерами! Хоть и обуржуился наш Галкин, но все-таки помнит, что темпоритм хорош не только с пивом. С этой мыслью и с приятным сознанием собственной принадлежности к племени интеллектуалов я оставила размышления о детективном расследовании на завтра.

Рабочий день я начала позже обычного и в приятном одиночестве. Когда мои коллеги разбежались на съемки, я села на телефон и позвонила Панченко. В десять часов утра я не рассчитывала застать Андрея Николаевича дома, хотела поговорить с его супругой, по совместительству – замдиректора по рекламе, но она тоже упорхнула из семейного гнезда.

– Виолетта Игнатъевна к парикмахеру поехала, а потом к портнихе, – легко выдала мне хозяйские тайны простодушная домработница.

– Вы могли бы ей передать, что звонили с телевидения?..

– Я тут только до полудня работаю и Виолетту Игнатьевну нынче уже не увижу, – огорчила меня собеседница.

К счастью, женщина знала, что ее хозяйка обслуживается в «Брюсселе». Я тут же отправилась в эту цирюльню, умеренно радуясь, что наконец-то составлю представление о творческой манере тамошних мастеров. Прежде я никогда не пользовалась услугами «Брюсселя», потому что название этой парикмахерской четко ассоциируется у меня с капустой, а данный овощ никогда не казался мне прототипом стильной прически.

На ближних подступах к «Брюсселю» я разминулась с клиенткой. Дама лет сорока пяти, очевидно, остро тосковала по чудесным школьным годам: ее волосы были заплетены в две косицы с лентами из дымчатой органзы. Прелестная девичья прическа плохо сочеталась с телосложением матрешки, но вряд ли дама рисковала услышать шокирующую правду о своей внешности. Модный костюм, дорогие туфли, бриллианты в ушах и собственный «Пежо» позволяли предположить, что мадам вращается не в тех кругах, где ценят простодушие, искренность и откровенность. Это соображение помогло мне успешно переконвертировать зависть по поводу «Пежо» в сочувствие, и в салон я вошла с грустной улыбкой на устах.

– Вы по записи? – без восторга оглядев мой наряд (майка с капюшоном, укороченные джинсы, высокие кеды и сумка на длинном ремне), поинтересовалась особа, на голове которой красовался превосходный муляж термитника из медно-красных волос неизвестного происхождения.

– Виолетта Панченко здесь? – я оглядела полупустой салон.

– Отъезжает! – медноволосая мечта бесприютных насекомых накренила свой термитник в сторону окна.

Я увидела широкую корму отчалившего «Пежо» и поняла, что только что разминулась с самой госпожой Панченко. Далее по маршруту у нее была портниха, но я не знала ее адреса, а бросаться вдогонку за иномаркой с криком «Погоди, стой!» казалось мне унижительным. Поэтому я быстро поменяла планы и сказала медноволосой особе:

– Хочу такие же косички, как у нее! Кто плел?

– Алла, ты свободна? – крикнула медноволосая. – Возьмешь французские косички прямо сейчас?

– Возьму! – донеслось из-за низкой стенки, перегораживающей зал.

Термитник качнулся, указывая мне направление, и я проследовала за перегородку.

– Из своих волос плетем? – усаживая меня в кресло, спросила симпатичная девушка с лохматой головой в отменном капустном стиле.

– Из своих, из своих! Нам чужого не надо! – испугалась я, вспомнив красный термитник. Страшно подумать, сколько медной проволоки на него ушло! Сколько аккумуляторов растаяло со своей обмоткой!

– А мне знакомо ваше лицо! – улыбнувшись моему испугу, сообщила мастерица. – Вы не с телевидения?

– С него, родимого! – призналась я, надеясь, что эта информация сделает наше общение более теплым и искренним.

Так и случилось. Алла похвалила мою работу, я – ее, и от разговора о французских косичках, украсивших голову госпожи Панченко, мы плавно перешли к обсуждению самой Виолетты Игнатьевны. Разговорчивая Аллочка между делом рассказала мне о ней все, что могла. Мне осталось только слушать и удивляться, что мастерица, обслуживающая клиентку какой-то год, знает чуть ли не всю ее жизнь!

Сведения, которые сообщила словоохотливая Аллочка, по большей части были мне совершенно не нужны, но пришлось слушать, уйти я не могла: болтая языком, парикмахерша совершала движения руками, заплетая мои волосы в затейливые косицы. Кстати, мне такая прическа шла гораздо больше, чем мадам Панченко. К тому моменту, когда я смогла в этом убедиться, я уже знала, что Виолетте Игнатьевне сорок девять лет, она скрипачка, но никогда не концертировала, тихо-спокойно работала в музыкальной школе, пока ее супруг не раскрутил свое дело. У Виолетты Игнатьевны нет детей, но есть две прелестные собачки чихуахуа. Ее любимая еда – вареники с вишней, любимая книга – «Анжелика – маркиза ангелов», любимое место – площадь у кинотеатра «Варяг», где стоит старый дом с колоннами, в котором Виолетта жила в детстве. Скверных вещей в комфортной жизни мадам Панченко две: проблема лишнего веса и аллергия на амброзию. А делами мужней фирмы она занимается потому, что ей скучно. О последнем я, впрочем, и сама уже догадалась.

Вернувшись в студию, я первым делом позвонила Виолетте Игнатьевне. Она уже была дома и с робким интересом выслушала мое предложение встретиться, чтобы записать небольшое интервью для телевизионной программы «Женское дело». То, что такой программы на самом деле не существует, не имело значения – во всяком случае, для меня. Виолетта Игнатьевна, впрочем, не рвалась на телеэкран, хотя

могла бы, с новой-то прической. Но нет, бизнес-леди сослалась на занятость и медлила назначить встречу. С большим трудом я уговорила ее принять нашу съемочную группу в пятницу, в полдень, пообещав, что мы отнимем у деловой женщины не более получаса. Положив трубку, я погрузилась в размышления, которые прервал своим появлением Вадик.

– Ух, какое хитросплетение! – с опасливым уважением сказал он, увидев мои франко-бельгийские косички.

– Не то слово! – отозвалась я, думая о другом.

Потом встала, поманила напарника пальчиком и привела прямиком в кабинет главного редактора. Против обыкновения, Мамай был занят делом – считал на калькуляторе. При этом он тряс головой, дергал носом, шевелил губами, ерзал на стуле и, как никогда раньше, был похож на дрессированного слона, натужно занимающегося арифметикой.

– Геннадий Владимирович! – позвала я.

Слон поднял на меня затуманенный взгляд, и я, устремив гипнотический взор в нервный узел между чакрой и основанием хобота, веско сказала:

– Дело Тихоньковой можно считать законченным успешно и с опережением графика. Полдня из отпущенного мне срока я сэкономила, но возьму это время в пятницу. И еще мне понадобится Рябушкин с камерой.

– Э-э-э... Елена! – проснулся шеф. – Так в чем же была проблема?

– Знаете, Геннадий Владимирович, чем меньше людей будет в курсе этой истории, тем лучше, – неосторожно ляпнула я.

Мамай надулся, и я поспешила внести дипломатическую коррективу:

– Конечно, вам-то я все расскажу, но не сейчас. Позже, когда Василий Онуфриевич убедится, что мы с Вадимом все разрулили.

Напрашивавшееся далее по тексту «и откажется от намерения нас урыть» произнесено не было, но Мамай и без того смекнул, что ему выгоднее не вникать в курс дела раньше времени, чтобы в случае неудачи не быть урытым за компанию.

– Хорошо, поговорим позже! – постановил он и отпустил нас величественным взмахом руки.

Разумеется, с Вадиком я поделилась и своими выводами, и своими планами.

– А я о чем тебе все время твердил? – выслушав меня, пожал широкими плечами напарник. – Я тебе с самого начала говорил, где корень зла, а ты меня и слушать не стала!

– Не говорил ты ничего подобного! – возмутилась я, но на этот раз уже Вадик не стал меня слушать и ушел, насвистывая, очень довольный своей воображаемой ролью в истории.

Кто сделал ролик «Волны», я так и не узнала, но это уже не представлялось мне важным. В среду и четверг я занималась своей обычной работой, а в пятницу мы с Вадиком приехали к Панченко со всем операторским снаряжением. В дверь позвонили с королевской точностью – в двенадцать ноль одну. Виолетта Игнатьевна ждала нас, прическа у нее была новая, наряд и макияж парадные, настроение приподнятое.

Вадик немного побегал по квартире в сопровождении очень довольных неожиданным развлечением собачек, выбрал наилучшее место для съемки – им оказалась гостиная, и еще четверть часа мы двигали мебель и переставляли с места на место предметы быта, выстраивая картинку в кадре. Разумеется, свое обещание уложиться с интервью в полчаса мы нарушили и в половине первого только начали запись. Беседовали о роли женщины в укреплении отечественной экономики, и важность темы побудила госпожу Панченко продлить время нашей встречи еще на двадцать минут. Однако около часа дня она начала проявлять признаки беспокойства, а в начале второго откровенно занервничала и попыталась вежливо выпроводить нас с Вадиком вон. Мы притворились, что прозрачных намеков не понимаем, и дождались прямого и откровенного предложения закончить съемку и расстаться. После этого еще несколько минут я тянула резину, закругляя беседу, а затем эстафету принял Вадик: он сматывал шнуры так неторопливо, словно намеревался посвятить этому занятию весь остаток жизни. Виолетта Игнатьевна тихо скрежетала зубами и ерзала в кресле. Звонок в дверь заставил ее подпрыгнуть.

– Сидите, я открою! – с беспримерным нахальством вскричала я и заторопилась в прихожую.

Вадик побежал за мной, схватив камеру, которую и не подумал упаковать. Виолетта Игнатьевна роптала, но мы не обращали на нее внимания. Ловко управившись с замком, я открыла входную дверь и приветливо сказала гостю:

– Добрый день, заходите, не стесняйтесь!

– Простите, я ошибся адресом, – после секундной заминки сказал мужчина.

Он попятился, а я распахнула дверь шире, и Вадик поверх моего плеча сунулся в проем с камерой и

деловито молвил:

– Спокойно, не двигаемся, попрошу улыбочку... Снято! Здравствуйте, Петр Ильич! Заходите, заходите, мы только вас и ждем!

Я (и собачки со мной) выскользнула на лестничную площадку, обежала остолбеневшего Тихонькова и подтолкнула его в спину. Вадик попятился и впустил Петра Ильича в прихожую. Я вошла за ним (резвые чихухауа рысили рядом, как эскорт мотоциклистов), захлопнула дверь, закрыла ее на замок и для пущей надежности положила ключ в карман. Тихоньков ожил, Виолетта Игнатьевна явилась из гостиной, и каждый из них задал нам по вопросу: он поинтересовался, что происходит, а она – что мы себе позволяем. Вопрос дамы можно было считать риторическим, поэтому ответили мы джентльмену.

– Детективные истории по телевизору смотрите? А мы их делаем! – объявил Вадик, видеочамерой, как автоматом, подгоняя Виолетту Игнатьевну и Петра Ильича в гостиную. – Как раз сейчас снимаем новую серию под названием... Лен, как она будет называться?

– «Прогноз погоды в доме», – ответила я, безмятежно улыбнувшись Тихонькову. – Хорошее название, правда?

– Присядем! – дружелюбно сказал Вадик и мягко толкнул на диван сначала Петра Ильича, а потом Виолетту Игнатьевну.

– Выключите камеру! – хрипло попросил Тихоньков.

– Выключи, – кивнула я напарнику.

Села в кресло, подождала, пока Вадик устроится на стуле, и спросила парочку на диване:

– Хотите узнать сюжет этой серии?

По гримасе Виолетты Игнатьевны было видно, что она больше всего хочет вышвырнуть нас вон. Мимика Петра Ильича была менее выразительной и плохо читалась под бородой.

– Действие нашего фильма начинается в семидесятые годы прошлого века, – сказала я. – Место действия – наш город. Герой – юноша-подросток, назовем его, например, Петя.

– А героиню, например, Виолетта! – предложил Вадик.

Я согласно кивнула и продолжила:

– Виолетта и Петя жили в одном дворе, учились в одной школе и дружили, а может, у них была первая любовь, которая, как говорят, не забывается. Действительно, много лет спустя уже немолодые Виолетта и Петр возобновили роман, что было непросто, так как к этому моменту оба уже состояли в браке и отнюдь не друг с другом.

– Они стали встречаться, – подсказал Вадик.

– Над организацией свиданий пришлось поломать голову. У Петра дети, жена-командирша, режим дня, работа на дому и никаких поводов для продолжительного отсутствия. У Виолетты полно свободного времени и денег, но проклятая аллергия вынуждает ее сидеть в кондиционированном помещении. Правда, детей у дамы нет, домработница уходит в полдень, и муж-бизнесмен своим присутствием не надоедает, хотя теоретически может нагрянуть домой в любое время. Точнее, почти в любое: по пятницам он посещает заседания клуба «Кому за миллион». Муж заседает с коллегами-миллионерами с четырнадцати ноль-ноль и до упаду, так что жена со спокойной душой может потратить пару часов на собственные любовные утехы. Таким образом, самый подходящий день для встреч Виолетты и Петра – пятница, время – четырнадцать часов, место – квартира дамы. Единственная сложность заключается в том, что изредка муж-миллионер пропускает одно-другое буржуйское заседание, и тогда Виолетте нужно предупредить возлюбленного о том, что их свидание не состоится. А как это сделать? Строгая жена днем и ночью держит Петра под наблюдением, даже к телефону не подпускает, всякий раз снимает трубку сама, потому как работает диспетчером. Он мог бы втайне от супруги обзавестись мобильником, но в доме, как на грех, из рук вон плохая связь.

– Зато у подкаблучника есть доступ к телевизору! – вставил реплику Вадик.

– И великим конспираторам этого достаточно! – подтвердила я. – Каждый день, по пятницам – с особым вниманием, Петр смотрит по местному каналу утренний выпуск новостей. Новости выходят в связке с метеопрогнозом и рекламой. В пятничном выпуске обычно присутствует ролик ЧП «Волна». Для Петра это знак, что свидание состоится, и одновременно сигнал к действию.

– К какому действию? – не выдержала Виолетта Игнатьевна.

Она с недоумением посмотрела на Тихонькова, а тот отвел взгляд.

– Ага, так вы не знаете? Тогда вам будет особенно интересно послушать! – обрадовался Вадик.

– Специальных действий было два, – объяснила я. – Первым делом Петр, улучив момент, переводил куранты в прихожей на час вперед. Думаю, он это делал сразу после того, как уходил на занятия сын-школьник. Дочери к тому моменту тоже уже не было дома, а Клавдия Яковлевна вела нескончаемые

телефонные разговоры с клиентами в гостиной и диверсии в прихожей не замечала. В результате спать она укладывалась не как обычно – в четырнадцать часов, а на час раньше, но засыпала быстро и крепко, потому что за обедом супруг щедро прикармливал ее снотворным.

– Петя! – ахнула Виолетта Игнатьевна.

Тихоньков дернул себя за бороду и раздраженно сказал:

– А что мне было делать? Я еду к тебе через весь город, сорок минут на дорогу туда, сорок минут обратно, а у Клавки весь-то тихий час – с двух до четырех! Да и дремлет она обычно вполглаза, как тут сбежишь? А со снотворным спит, как мертвая! Я и уйду, и вернусь, и часы уже обратно переставлю, а она только-только глаза продирает начинает!

– А потом бедная женщина ночью уснуть не может! – укоризненно сказала я. – Борется, бедняжка, с бессонницей и всем вокруг спать мешает!

– Вам-то какое дело? – огрызнулся Тихоньков.

– Нам, Петр Ильич, за державу обидно! В смысле, за телекомпанию нашу родную! – сказал Вадик с таким чувством, что Мамай прослезился бы. – Мы не хотим, чтобы зрители считали наши телевизионные продукты вредными для здоровья! Охота вам грешить – грешите, а нас не позорьте!

Собственно, на этом наша встреча закончилась.

– Зачем ты сказал: «Грешите, если вам хочется!» – из мужской солидарности? – попеняла я напарнику, когда мы устроились за столиком в ближайшем кафе, чтобы отметить успешное завершение дела плотным обедом. – Испортил душевную беседу!

– Я реалист, – ответил напарник, но тему осмотрительно сменил, спросил с преувеличенным интересом:

– Я вот чего не понял: кот-то почему был не в духе? С какой стати он шипел на Тихонькова именно по пятницам, завидовал, что ли? Не верится мне, что суета вокруг бессонной хозяйки и на животном сказывалась!

– Бессонница Клавдии Яковлевны Фильке была безразлична, – согласилась я. – А вот запах, который приносил из гостей Петр Ильич, коту решительно не нравился. Собачками от него пахло!

– Понятно, – ухмыльнулся Вадик. И неожиданно похвалил меня:

– А ты молодец! Не зря Мамай понадеялся на тебя. Не скомпрометировала ты женский сыск! Не опозорила наследниц славы мисс Марпл! Награждаешься орденом Нержавеющей Вилки третьей степени! – И он вручил мне упомянутый прибор с наколотой на него сосиской.

И колбасное изделие, и насмешку я проглотила и переварила без ущерба для здоровья. Не причинил мне вреда и Гадюкин, который остался вполне доволен тем, как я «разрулила» дело. В претензии ко мне могли быть только жаждавшие дивидендов акционеры, лишившиеся малой толики прибылей из-за того, что ЧП «Волна» прекратило сотрудничество с нашей телекомпанией. К счастью, обида Виолетты Игнатьевны на нас с Вадиком не нанесла ущерба финансовым интересам Натальи Сергеевны, которой в подобном случае следовало опасаться больше, чем толпы акционеров и директора Гадюкина с целым парком землеройной техники. Наталья Сергеевна продолжает размещать рекламу предприятия Панченко на местном ТВ, недавно я видела забываемый ролик «Волны» на другом канале. Теперь его показывают по понедельникам. К чему бы это?

Я думаю позвонить Сашке Галкину. Спрошу, не изменился ли в его клубе день заседаний.

Наталья Солнцева

Гороскоп

Софья достала маленький ключик, открыла выдвигной ящик секретера и вытащила оттуда неожиданно тяжелый, холодный, матово поблескивающий пистолет.

Оружие принадлежало ее мужу, господину Кравцову, – бизнесмену, владельцу нескольких фирм и сети фирменных магазинов. Она осторожно повернула дуло пистолета к себе и заглянула в его черный жуткий круглый глаз... Затылок сразу онемел, сердце подпрыгнуло и суматошно забилося. Что, если приставить это дуло к виску и, ощущая кожей мертвящее прикосновение стали... нажать на спусковой крючок? Тогда она, по крайней мере, перестанет страдать.

Никогда еще смерть не подступала настолько близко, нежно, интимно дыша в лицо, – простая и вместе с тем непостижимая. Никогда еще Софья не была так накоротке с ней, не чувствовала ее рокового притяжения, ее шепота, обещающего спасительную тишину, темноту и забвение.

– Взять и... умереть, – беззвучно, одними губами, произнесла Софья. – Воды небытия сомкнутся и поглотят меня в своей бездонной глубине... навсегда, навсегда.

Не выпуская из рук пистолета, она подошла к окну и застыла, глядя во двор, на возню синиц, расклеивающих хлебные крошки, на вымощенную серой плиткой дорожку, на зеленую, ровно подстриженную траву, на кусты самшита и туи, живописно посаженные среди каменных валунов. Какой смысл в этой птичьей суете, в этой траве, деревьях, в этих камнях и в этом низком пасмурном небе? Зачем это все? И что оно может дать ей, Софье? Чем утешить, наполнить ее душу?

У Софьи был муж, был просторный богатый дом, была праздность, были деньги... но она не чувствовала, что владеет хоть чем-нибудь. Она ощущала себя пустой, как ореховая скорлупа. Если сейчас она умрет, то ничего не оставит... никакого следа в этом жестоком, бессмысленном и прекрасном мире. Она ничего не создала, не сотворила... не написала ни одной стоящей строчки, хотя с отличием закончила журфак; не сделала карьеру; не пережила страстного романа; не родила ребенка.

Ее семейная жизнь сложилась будто бы счастливо, размеренно текла и постепенно стала обузой и для нее, и для Кравцова. Месяц назад они поскандалили, наговорили друг другу гадостей, дело могло дойти до рукоприкладства. Во всяком случае, Никиша, как она смолоду привыкла называть супруга, пришел в такую ярость, что с трудом сдержался. Будь он хуже воспитан, драки бы не миновать. Софья тоже с наслаждением разбила бы пару фарфоровых ваз или расцарапала мужу физиономию. Этот истерический всплеск окончательно истощил ее силы, и, стараясь не смотреть в налитые кровью глаза Кравцова, она поняла, что желает только одного – умереть.

Он принял таблетку от давления и уехал в офис, а Софья позвонила частному детективу. «У Никиши есть любовница, – подумала она. – Поэтому он бесится. Я должна знать правду!»

Детектив назначил встречу в тесном полутемном кафе, взял кругленькую сумму в качестве аванса и пообещал выяснить обстоятельства дела.

– За неделю управитесь? – спросила она.

– Дайте мне две.

Ему не удалось уложиться в срок, но вчера он отчитался за проделанную работу, подкрепив свои слова фотографиями. Софья, в слезах, дрожащими от волнения руками перебирала страшные свидетельства супружеской измены. Не то чтобы она ревновала – чувство ее к Никифору Петровичу давно остыло. Да и была ли любовь? Но эти снимки бесстыжих забав сидящего, лысеющего мужчины с отвисшим брюшком и молодой, грудастой, вызывающе красивой девицы потрясли Софью, повергли в шок. Она посвятила этому человеку всю свою жизнь, а он...

Самое ужасное, что Софье не на что было переключиться, направить отвергнутое Кравцовым внимание, – ее существование сосредотачивалось на муже, на их пусть прохладных, вялых, но все же *отношениях*. В последнее время платонических... что и натолкнуло ее на мысль о сопернице.

– Кто она? Как ее зовут? – с трудом успокоившись, спросила Софья.

– Бывшая модель, – охотно пустился в объяснения детектив. – Лилия Градова, родом из провинции, в Москве снимает квартиру. Блестала на конкурсах, получила пару контрактов; однако подиум – штука коварная. В модельном бизнесе преуспевают единицы, да и тем несладко приходится. В общем, девушка перебивается чем попало. Я в подробности не вникал, потому что задача передо мной стояла другая. Но если надо...

- Адрес ее узнали? – не дослушала заказчица.
- А как же! – кивнул детектив. – Вот, пожалуйста.
- Скупые строчки поплыли у Софьи перед глазами, ей стало нехорошо.
- Вам воды? – испугался детектив.
- Сейчас пройдет...

Гладкая сталь пистолета, который Софья любовно прижимала к груди, облегчала болезненные воспоминания. Что, если убить не себя, а ее... наглуго, развратную девчонку? Конечно, Кравцов распустил слюни при виде ее юного тела, ее длинных гладких ножек, ее розовой, как лепесток цветка, кожи... Даже имя у нее соответствующее – *Лилия!*

- Госпожа Кравцова оделась, положила пистолет в сумочку и позвонила водителю.
- Отвези меня в город, – велела она.

* * *

Молодая женщина, с которой спутался Кравцов, не сумела скрыть изумления при виде Софьи.

– Я жена Никифора Петровича, – без обиняков призналась та, окидывая брезгливым взглядом замызганные стены квартирки, убогую мебель, саму жиличку. – Или как там вы его величаете? Зайкой, Пупсиком... Ником?

Лилия оказалась рослой, стройной красавицей с большими глазами, высокими скулами и чувственными губами. Лосины откровенно облегли ее безукоризненно сложенную фигуру, пышные светло-русые волосы были небрежно забраны в узел. Она молча опустилась на старый диван, жестом приглашая гостью последовать ее примеру.

– Что ж вы живете в такой... нищете? – зло прищурилась госпожа Кравцова. – Мой супруг вам мало платит? Или вы плохо удовлетворяете его потребности? Насколько мне известно, девицы вашего сорта дерут с похотливых старичков крутые бабки.

Девушка вспыхнула, но глаз не опустила – черных, дьявольски прельстительных очей, в которых запылал смутный огонь.

– А я коплю! – вызывающе ответила она. – К тому же Кравцов еще не стар.

При светлых волосах темные зрачки выделялись на ее лице, словно два бездонных колодца. Губы дернулись, раскрылись в ослепительной, отшлифованной в фотосалонах и на дефиле белоснежной улыбке, существующей отдельно от насторожившейся, готовой к отпору бывшей модели.

Софья решила сразу ее не убивать, а помучить... вынудить блудницу раскаяться.

– Ну, признавайся, зачем моего мужика соблазнила? – придвинулась она к девушке, незаметно опуская обтянутую перчаткой руку в сумочку, которую оттягивал беспощадный мститель – заряженный пистолет.

– Он меня принудил.

– Изнасиловал, что ли? – не поверила обманутая супруга.

– Нет... просто... мне очень нужны деньги. Я попросила, а он... поставил условие.

– Понимаю! – усмехнулась Кравцова, бросая уничижительный взгляд на отставшие обои, обшарпанные кресла с продавленными сиденьями и потертые тапочки на изящных ножках Лилии. – Девонька приехала покорять столицу, и ей необходим спонсор. Богатенький сладострастный пожилой Буратино!

– Я не то хотела сказать...

– Говори, – милостиво кивнула головой гостя, доставая пистолет. – Осужденному полагается последнее слово.

* * *

– Послушай свой гороскоп на сегодня, – предложила жена, которая увлеклась разными «бытовыми» эзотерическими штучками.

– Оставь! – взмолился Никифор Петрович, поправляя узел модного галстука. – Неужели ты веришь подобным глупостям?

Поведение жены, каждый ее жест и каждое слово раздражали господина Кравцова: сидит дома, клуша клушей, целыми днями болтает по телефону с такими же пустоголовыми приятельницами и пухнет от безделья. Ее оплывшую, рыхлую фигуру ни за какие деньги не приведешь в божеский вид, любые сауны, таблетки для похудения, массажи и чудо-пояса бессильны. Разве что лечь под нож пластического хирурга,

срезать весь лишний жир, подтянуть все, что можно, подшить, разгладить? Так ведь и это невозможно! У Софьи большое сердце, общий наркоз на несколько часов ей противопоказан.

Мысли о пышных, безразмерных формах жены вызвали у Никифора Петровича приступ тошноты. Боже, как ее обезобразили богатство и беззаботность! Вкусная обильная еда, вино, пиво, малоподвижный образ жизни, доступность всяческих благ сделали эту некогда подтянутую, стильную, амбициозную и горячую женщину настоящей медузой. Она шагу не желала ступить, по всякому поводу вызывая машину с персональным водителем, постоянно жевала, валялась на диване, курила, просматривая каталоги или мыльные сериалы. Куда делись ее живость и здоровая, жадная сексуальность? У нее даже мозги заплыли жиром... не о чем стало поговорить, а в постели она истекала потом, задыхалась, и если наваливалась на мужа, то он напрочь терял всякое либидо и заботился только об одном – поскорее выбраться из-под ее тяжелого, скользкого тела.

Господин Кравцов построил большой загородный дом с двумя спальнями – для себя и жены, – и супруги перестали делить ложе страсти, встречаясь преимущественно за завтраками и ужинами, лениво перебрасывались пустыми фразами и расходились. Он ехал в офис работать, она оставалась дома – смотреть часами в окно, на оформленный дорогим дизайнером ландшафт из нагромождения камней, искусственных источников, вечнозеленых деревьев и деревянных столбов с грубо вырезанными ликами языческих идолов, на синюющий вдали, за бетонным забором, лес, на равнодушное высокое небо. Это созерцание сопровождалось курением или пережевыванием пищи, вкус которой настолько приелся госпоже Кравцовой, что она перестала его чувствовать. Изредка она бранилась с прислугой или отчитывала кухарку, а когда совсем уж одолевала скука, включала телевизор или бралась за телефон. Так проходила ее жизнь – день за днем, месяц за месяцем.

В молодости муж, тогда еще бойкий, подающий надежды комсомольский вожак, заставил ее сделать два аборта, и больше она забеременеть не смогла. Счастье материнства обошло ее стороной, профессионально она тоже не состоялась, так как Никиша решительно потребовал уволиться из редакции и заниматься хозяйством, заботиться о домашнем очаге. С годами нужда в этой заботе отпала, появился достаток, домработница и прочие прелести обеспеченной жизни. Когда им обоим перевалило за сорок, Кравцову захотелось иметь ребенка, и он предложил воспользоваться услугами суррогатной матери. У жены случилась истерика – первый и последний раз она устроила неожиданно громкий, бурный скандал, кричала, что он испортил ей жизнь, превратил в никчемный придаток к своему бизнесу, растоптал ее молодость, лишил интересов и желаний и вообще... погубил ее тело и душу.

– Посмотри, на кого я стала похожа! – размазывая по щекам злые слезы, рыдала она. – У меня же ничего не осталось!

– По-моему, я обеспечил тебя с головой, дорогуша! – взревел Никифор Петрович. – Кем ты была, когда выходила за меня? Бедной журналисткой из третьесортной газетенки, которой не хватало на приличные туфли и парикмахерскую! Ходила с обломанными ногтями и красила волосы чернилами! А сейчас?! Сколько стоят бриллианты в твоих очаровательных ушках? А маникюр, а косметичка, которой ты платишь из моего кошелька, а...

– Замолчи! Закрой свой поганый рот! – расплакалась Софья. – Что мне с этих серег? И никакие косметические маски не остановят мою старость! Зачем я живу, скажи?

– Давай разведемся, – словно ледяной струей окатил ее Кравцов.

«Я могу иметь молодую красивую жену, – мстительно подумал он. – Она может родить мне сына. Или маленькую хорошенькую девочку. Кому я оставлю свой капитал?»

«Я ненавижу его, – подумала она. – Ненавижу! Начинать жизнь сначала поздно. Но я еще успею наказать его!»

Такие мысли появлялись у обоих все чаще, накладывая незримую холодную тень отчуждения на все вокруг.

– Я прочитаю тебе гороскоп, – настояла госпожа Кравцова, и крупные бриллианты в ее ушах зловеще вспыхнули.

– Ладно, давай, – решил не спорить Никифор Петрович.

Он уже предвкушал страстные поцелуи, сладкий вкус молодых губ, упоительную свежесть гладкого, упругого тела... Он едва не испытал оргазм от одних только мыслей. Особенно его возбуждало то, что Лиленька не желала, но подчинялась, покорно исполняла любую его прихоть.

– «Сегодня вам следует быть весьма осторожным, – вслух прочитала жена. – Если вы не остановитесь, вас ждет крупная неприятность!»

– Чушь! Тебе не надоели всякие бредни?

Кравцов не остановился... Его манили эротические фантазии, которые этим вечером снова станут

реальностью. Кто говорил, будто любовь за деньги не купишь? Все это выдумки обозленных неудачников!

После полуночи в спальне Софьи раздался телефонный звонок. Хриплый голос начальника охраны ее супруга сообщил, что господина Кравцова нашли мертвым в его машине... в загородном лесу...

– Неужели инфаркт? – плача, спросила она. – Никиша совсем не берег сердце!

– Он... покончил с собой, – растерянно произнес начальник охраны. – Застрелился.

– Господи! Его убили! Убили! – завопила новоиспеченная вдова. – Куда же вы смотрели? Зачем вы отпустили его одного?

– Это самоубийство, Софья Ивановна. Нет никаких сомнений. Выстрел произведен в упор из личного пистолета Никифора Петровича... Оружие он держал в руке... Отпечатки пальцев на пистолете только его...

– Горе, горе-то какое... – рыдала госпожа Кравцова. – Как же это он? Почему?..

* * *

Известие о смерти господина Кравцова удивило детектива, которого нанимала его жена – теперь вдова, и он аккуратно навел справки.

Софья Ивановна оказалась вне подозрений – она весь тот вечер и ночь провела дома, что подтвердили прислуга и охрана. Было проведено формальное разбирательство, не обнаружившее оснований усомниться в самоубийстве предпринимателя. Странно, но вдова ни словом не обмолвилась о молодой любовнице покойного мужа. Оно и понятно – кому нравится выносить сор из избы? Да и порочить честь умершего вроде как неуместно. И все же...

Чисто из профессионального любопытства детектив отыскал Лилию Градову и удивился еще больше. Девушка переехала в квартиру с ремонтом, привезла из Ростовской области молодого человека весьма болезненного вида, который передвигался на новенькой инвалидной коляске. Однажды детектив выбрал удобный момент и подошел к ней на улице.

– Хочу поговорить о Кравцове, – сказал он.

– Кто это? – распахнула она восхитительно-длинные, загнутые вверх ресницы.

– Не прикидывайся! Откуда у тебя деньги появились? Никифор Петрович все-таки дал?

– Нет. Я не понимаю...

– Значит, Софья Ивановна. За то, что ты ее муженька ухлопала. Пистолет она тебе сама принесла, а все детали вы обсудили. Ловко!

Бывшая модель молча стояла, не отрицая, но и не подтверждая предъявленных обвинений. Детектив пустил в ход веский аргумент – вытащил и развернул веером сделанные им компрометирующие фотографии. Краска бросилась девушке в лицо.

– Теперь я смогу заплатить за лечение, – волнуясь, сказала она. – Антона придется везти в Германию, но он поправится. Мы поженились еще до того, как его забрали в армию. Мне по условиям контракта запрещалось вступать в брак, вот мы и обвенчались... тайком. Видите, какой он вернулся? – Она запнулась. – Вы ничего не докажете!

– Я и не собираюсь, – вздохнул детектив. – Как ты жить-то с этим будешь?

Она отвернулась, сдержала слезы.

– Я свой грех искуплю.

«Чем?» – хотел спросить детектив. Она его опередила.

– Чистой любовью... – прошептала. – Пусть бог нас рассудит.

Детектив целый день размышлял об этом разговоре. «Что есть *грех*? – думал он. – Что есть *искупление*?» Вечером он не выдержал, позвонил госпоже Кравцовой и многозначительно произнес:

– Я все понял. Чужими руками достали каштан из огня...

– Вы о чем? – усмехнулась она. – Кстати, вы верите в гороскопы? Прочитать вам прогноз на завтра? Рекомендую...

Гатьяна Устинова

Часы с секретом

Накануне вечером он сильно поспорил с женой, а утром выяснилось, что из сейфа в офисе пропали все деньги.

Замечательно. Ничего лучшего невозможно придумать для тридцатого декабря, даже если очень стараться.

– Кто первый увидел, что сейф открыт? – спросил Федор, рассматривая полированную дверцу, прикрывавшую бронированную панель. Рассматривать было нечего, но он все-таки рассматривал – что ему оставалось делать?!

– Я, – откликнулась Катя, и, отвернувшись от сейфа, Федор уставился на свою заместительницу.

Заместительница была как заместительница, ничего особенного – очки, мышинного цвета брючный костюм, белая мужская сорочка с остроугольным воротником, длинные ногти с маникюром в виде отсутствия маникюра, сигарета и крохотный мобильный телефон, болтающийся на запястье.

Катя как Катя.

Сейф тоже был как сейф, тем не менее из его тесного свинцового нутра исчезли, испарились деньги.

Бутылка коньяка – пузатая, темного стекла, наполненная только до половины, осталась на месте и какие-то бухгалтерские книги – зачем они в сейфе? Кому и когда они могут понадобиться? Коробка с подарочными часами, очки с вылетевшей линзой – пыльная линза валялась отдельно, – все было на месте, кроме денег.

Катя подошла поближе, они повернулись и стали смотреть в сейф вдвоем.

– Я пришла на работу, заглянула сюда, думала, что ты уже приехал, и увидела...

– Что?

Катя тихонько вздохнула. У шефа редко бывало плохое настроение, но когда случалось, лучше всего было держаться от него подальше. Катя сейчас с удовольствием оказалась бы подальше. Жаль, что самолет только в полночь. Если бы он улетал утром, Катя была бы уже где-нибудь над Средиземным морем, наверное. Или нет?

– Я увидела, – голосом девочки-отличницы, которую подозревают в том, что она не приготовила домашнее задание, начала Катя, – что дверь в твой кабинет открыта, а тебя нет. Я все-таки зашла, потому что думала, может, ты за компьютером. За компьютером тебя тоже не оказалось, но сейф был открыт. Я подошла поближе и заглянула. И... увидела.

– Кто вчера последний уходил?

– Я точно не знаю. Я уехала, наверное, в половине десятого.

Федор усмехнулся:

– Так долго праздновали?

Вчера отмечали день рождения начальника компьютерного отдела Олега Бойко. Федор поздравил Олега, преподнес подарок «от коллектива», выпил шампанского и уехал раньше всех, когда компания еще только-только разогревалась.

Зря уехал. Лучше бы остался допивать.

Он приехал домой в восьмом часу с елкой, бутылкой вина и огромным пакетом еды из «Седьмого континента» – очень гордый добытчик, заботливый муж и внимательный отец. Елку он тащил на плечах, потому что в лифт она не входила – дом был старый и к жизни приспособленный плохо.

Дома никого не оказалось. Он пристроил елку, рассовал еду, водрузил на стол вино, полюбовался на него немного и стал ждать.

Ждал он долго, и есть ему хотелось ужасно – от бокала проклятого шампанского, выпитого в офисе, в желудке завывала голодная метель, и было обидно, что семья никак не является и некому оценить его героические усилия, и елка, пока он ее тащил, исколола ему всю шею, которая теперь зудела и чесалась, и наконец позвонила теща и сказала, что они сегодня забрали из школы Мишу, а из сада Сашу и отвезли к себе на дачу.

– Что им в Москве сидеть? – бодро спросила теща. – На участке лучше, правда? Сашенька, подойди сюда, девочка, хочешь с папой поговорить?

– Почему вы меня не предупредили, что вы их заберете? – негромко спросил Федор, и теща поняла, что дело плохо. Когда он говорил таким тихим голосом, или становился как-то особенно, безукоризненно

вежлив, или долго молчал, прежде чем ответить на вопрос, – следовало ждать беды.

– Марина попросила забрать, – пробормотала теща и моментально поняла, что оплошала. Поняв, она заторопилась, как будто зять гнался за ней с лопатой: – Вы же все равно приедете на Новый год, правда ведь? Ну вот, вам еще, наверное, и завтра на работу надо, а погода такая замечательная, мы и решили, что они хоть погуляют подольше, дед завтра не работает, на горку с ними сходит, а вы тридцать первого под вечер...

– Все это замечательно, – перебил ее Федор, – большое вам спасибо, Ирина Михайловна. Просто я не знал, что вы собираетесь их забрать, и был к этому... не готов. Марина меня не предупредила. Забыла, наверное.

Теща моментально согласилась, что Марина «скорее всего забыла», и все его сегодняшние старания потеряли всякий смысл.

Кому нужна его елка, которая уже упоительно пахла в домашнем тепле и расправляла толстые упругие зеленые иголки – Федор долго и дотошно выбирал елку с плотными и твердыми ветками, а не какую-то там худосочную! – и пакет с мандаринами, и дурацкие «Киндер-сюрпризы», которые он ненавидел, но покупал, потому что его дети, как и все остальные дети, павшие жертвами телевизионной рекламы, эти «сюрпризы» обожали, и буженина, и сыр, и то, что он приехал в восьмом часу, а не в двенадцатом, и то, что на работе он выпил только один бокал шампанского, – все это оказалось никому не нужно.

В довершение предпраздничного вечера выяснилось, что у жены не отвечает мобильный телефон.

Он не отвечал ни в девять, ни в десять, ни в одиннадцать. К часу она приехала, и они поссорились так, как не ссорились никогда за долгие шестнадцать лет совместной жизни.

А наутро выяснилось, что из сейфа в его кабинете уперли все деньги.

Блеск. Вот Новый год так Новый год. Просто петь хочется от радости.

Федор покосился на Катю, которая маялась рядом. У нее вечером самолет, вспомнил он. Она летит куда-то далеко, опробовать новую доску для серфинга и нового любовника.

– Ты ушла раньше, чем все уехали, или позже?

– Ребята-программисты раньше ушли, – подумав, сообщила Катя, – а остальные еще оставались. А что? Ты думаешь, это кто-то из наших?...

– Из каких же еще! – сказал Федор с досадой. – Конечно, из наших! Мы на четвертом этаже, внизу охрана, на этаже пост, если бы кто-нибудь полез, охрана бы сразу доложила и ментов вызвала! Ты не спрашивала, никаких ЧП ночью не случилось?

– Нет, – подумав, сообщила Катя, – не случилось. Можно у Дмитриева уточнить, но мне никто ничего...

– Вот видишь. Никто и ничего. Значит, наши. Черт бы их всех...

В коридоре перед дверью его кабинета стояла небольшая любопытствующая толпишка испуганных сотрудников. Дверь украшала блестящая гирлянда, в середине – синтетический елочный венок с какими-то красными гроздьями. Широко шагая, Федор дошел до двери и захлопнул ее прямо перед носом у сотрудников. Синтетический венок содрогнулся, будто от отвращения.

– Кто, кроме тебя, вчера тут... веселился? Я уехал, когда были Олег Бойко, программисты, как их... Толя, Коля и Игорь...

– Толян, Ники и Гарик, – поправила Катя и улыбнулась. Программистам было чуть за двадцать, и ей казалось, что она старше их лет на триста.

– Да. Толян, Колян, то есть Ники, и Гарик. И еще эти две новенькие из рекламного отдела – Валя и...

– Галя, – подсказала Катя, и Федор посмотрел на нее подозрительно – не смеется ли она над ним. Она внимательно изучала свой маникюр – и не думала смеяться.

– Валя и Галя, – согласился Федор, – а еще кто?

– Дмитриев приехал из типографии. Кстати, никакой макет он не привез, конечно. Какой макет, когда до Нового года два дня!.. Там все пьют давно. Юра с нами сидел. Я решила, что в машине его держать – свинство.

– Свинство, – согласился Федор. Юрой звали Катиного водителя. – Больше никого?

– Уборщица пришла. С ведром. Она собиралась полы мыть, но ее тоже угощали, потому что она рано явилась, еще никто не расходился.

Федор снова посмотрел в сейфовое нутро и вдруг взбеленился:

– Какого хрена там эта бутылка стоит?! Кто ее в сейф поставил?! Кому в голову пришло коньяк в сейфе держать?!

– Тебе, по-моему, – ответила Катя невозмутимо, – я ее туда не ставила, это точно. А ключи только у меня, у тебя и у Дмитриева.

Ключи. Конечно. Как это он сразу не подумал?

Федор вытащил из кармана носовой платок, очень белый и твердый от крахмала, и сразу расстроился. Платок ему сунула жена, еще когда в их жизни все было хорошо и они не знали, что вскоре решат разводиться. Придерживая платком полированную дверцу, он подвигал ее туда-сюда, глядя очень внимательно.

– Посвети мне.

– Как?

– Лампой – как, как! Возьми у меня со стола лампу и посвети.

Никаких отпечатков на дверце не было. То есть вообще никаких.

Ерунда какая-то.

– Катя, – сказал Федор и сунул платок в карман, – поставь обратно лампу и давай всех сюда.

– Кого – всех? – не поняла она.

– Своего водителя, Дмитриева, Олежку Бойко, Галю с... Валею, уборщицу с ведром, Толяна, Ники и Гарика. Сама тоже приходи.

Катя посмотрела на него настороженно:

– Будешь следственный эксперимент проводить?

– Я буду проводить дознание, – буркнул он, – меня не устраивают воры в офисе. А тебя?

– Меня вызывать не надо, – сказал от двери Олег Бойко, – я уже давно здесь. А братва только пришла. Курит и происшествие обсуждает. Я могу сходить. Или ты их приведешь, Катя?

– Приведу, – пообещала заместительница.

– Ты что, Федя? – спросил Бойко и сел верхом на стул. – Думаешь, тебя кто-то из моих архаровцев обокрал?

– Я не знаю.

– Они хорошие ребята, – сказал Бойко уверенно, – дай мне сигарету. Они отличные ребята. Малость с приветом, конечно, но – отличные. Ты не смотри, что они говорят, как умственно отсталые, и одеты черт знает как! Это у них так теперь принято. Один браслеты носит серебряные, второй косу отрастил, а третий в одном свитере полгода ходит. Я ему вчера говорю: «Гарик, ты бы его хоть постирал, смотри, все обшлага белесые от пыли», а он мне...

– Олежка, мне наплевать на то, как они одеты! – сказал Федор с досадой. – У меня из сейфа деньги пропали, а вчера вы уходили последними, и замок не взломан, а открыт. Ключом открыт. И отпечатков никаких. А ты говоришь – рукава грязные!..

Шеф сказал: «Вы уходили последними», и Бойко моментально оскорбился. Оказывается, дело не только в программистах, которых Олег готов был защищать. Шеф подозревал *и его тоже*, и это было неприятно. Неприятно и унижительно. И, самое главное...

– ...а я говорю, что все равно уволюсь!.. И не надо меня вести, я сама отлично дойду!.. – За приоткрытой дверью послышались шум, возня, возникло и пропало напряженное Катино лицо, и ввалилась высокая худая девица в джинсовом комбинезоне и с ведром.

– Вы кто? – спросил Федор изумленно.

– Уборщица, – сказала она с вызовом, – и я все равно уволюсь, потому что вы сейчас заявите, что я украли ваши проклятые деньги! А я их не крада! У меня у самой перчатки утащили, новые совсем, я их даже из пакета ни разу не достала, и мне пришлось все голыми руками убирать!... И не брала я ваших денег! Так что увольняйте меня! Прямо сейчас увольняйте!

– Уволю, – пообещал Федор, – обязательно уволю, не волнуйтесь. Олежка, налей ей кофе. Вы панель, за которой сейф, когда в последний раз протирали?

– Не помню, – огрызнулась девица и обеими руками взяла чашку с кофе, которую подал ей Бойко. Руки были красные, и заливчатый лак на ногтях кое-где потрескался и облупился. Видно, и впрямь все полы перемыла без перчаток.

– Вчера протирали?

– Нет, – сказала девица решительно и отхлебнула кофе, – вчера точно не протирала. Я и так поздно начала, половину сделать не успела!.. Пришлось с утра приходиться, чтобы закончить, а мне, между прочим, в институт надо, у нас уже консультации начались.

– Вот я вас уволю, и вы сможете с утра до ночи консультации посещать, – буркнул Федор, и девица неожиданно шмыгнула носом, что было странно при ее гренадерском напоре.

У дверей снова послышался шум, произошло замешательство, и в кабинет ввалилась небольшая толпа – две девицы, три программиста – «хорошие, отличные ребята!» – солидный Дмитриев, водитель Юра и заместительница Катя с мобильным телефоном на запястье.

Все они, несколько оробев при виде пасмурного шефа, застряли в дверях, никто не решался первым

пройти внутрь кабинета и сесть.

– Можно? – пискнула наконец какая-то из девиц.

– Да, – сказал Федор, – проходите.

Некоторое время все усаживались, двигали стулья, шикали друг на друга, менялись местами – как школьники, врасплох застигнутые директором. Федор молчал.

– Ладно, – сказал он, когда сотрудники наконец более или менее уgomонились, – все знают, что у меня из сейфа пропали деньги. Вчера вечером я перед уходом сейф проверял, все было на месте. Сегодня утром выяснилось, что денег нет. Вы были последними, кто ушел с нашего этажа. Следовательно, деньги взял кто-то из вас. – Он выговорил это и вдруг удивился, что стало так тихо.

Щелкнула зажигалка, Бойко неторопливо прикурил.

– Мы можем сейчас начать выяснять, кто именно их взял, а можем не выяснять, если он готов их вернуть. Ну что?

– Мы не готовы! – тоном студента-двоечника отозвался кто-то из программистов и посмотрел на сотоварищью гордым победителем – раз, и отбрил шефа, знай наших!

Федор вздохнул:

– Понятно. Тогда как в кино. Долго и нудно. По порядку. Саша Дмитриев. Ты во сколько пришел?

– Часов в восемь, наверное. Я в этой типографии полдня провел и никаких дел не сделал. Я тебе позвонил, а мне сказали, что ты уже уехал. На мобильный я не стал. Что, думаю, беспокоить!.. И ключ от сейфа у меня пропал, – добавил он с тоской. – Я принялся искать, когда переполох начался, а его и нет. Черт знает что!..

– Ты все время за столом сидел или выходил?

– Вроде нет, не выходил.

– Выходили, – подала голос одна из девиц, то ли Валя, то ли Галя. Конечно, Федор не разобрал, какая именно. – Мы все выходили. Катерина Николаевна сказала, что курить только в коридоре можно, а в переговорной нельзя. Мы же в переговорной сидели. Ну вот, все и выходили покурить.

– Я не курю, – сказал Дмитриев, – я, наверное, просто так выходил.

Тут он покраснел как рак, и Федор посмотрел на него с неудовольствием. Что еще за девичья стыдливость?

– А вы? – спросил Федор у девиц. – Выходили?

– И мы выходили, – затарахтели обе, перебывая друг друга.

– Мы вначале покурить выходили...

– ...потом позвонить...

– ...у Галки свидание было назначено, а она никак на него не успевала...

– ...и мы решили предупредить, что она не придет...

– ...а потом мы еще... просто так выходили.

– ...то есть в туалет.

Тут они обе замерли и уставились друг на друга.

– Извините, пожалуйста, – пробормотал кто-то из них.

Олег Бойко прикурил следующую сигарету, и один из программистов, сидевший рядом с ним, привстал и переехал вместе со стулом подальше, к окну. Федор посмотрел. Должно быть, тот самый Гарик – рукава свитера у него и впрямь были измазаны чем-то белым.

– И я выходил, – подал голос Катин водитель, – я машину смотрел. Вокруг петарды запускают, бабахает кругом, у нее сигнализация включается то и дело. Я два раза спускался, думал, что ее угоняют.

– В коридоре никого не видел?

– Первый раз никого, – сообщил Юра и почесал нос, – а второй раз... Олег Петрович в коридоре стоял.

И он посмотрел на Бойко, как будто извиняясь.

– Я жене звонил! – вскинулся Олечка. – Ну и что? Не мог же я разговаривать, когда вокруг все ревет, как белые медведи? Я и вышел! А за мной еще Ники выходил. Он за пивом, что ли, бегал. Ну и что?!

– Бегал, – согласился длинноволосый Ники, – я водку не пью. И шампанское ваше тоже не пью. Я за пивом ходил и за сигаретами.

– А я куда не ходил, – заявил безмятежный Толян и тряхнул браслетами на тонком курином запястье. Браслеты звякнули, как наручники. – Я все время на месте сидел. Впрочем, пардон. Один раз выходил. Так сказать, по естественной надобности, что очень актуально, когда пьешь пиво.

– Я его видела, – сказала Катя, – я тоже звонила. Только не с мобильного, а из твоей приемной, Федор. Он мимо меня два раза прошел – туда и обратно.

– Все звонили!.. – пробормотал Федор. – И почему-то в коридоре болтались, хотя у всех мобильные

телефоны в карманах.

– Я никуда не звонила, – сообщила мрачно уборщица, больше похожая на манекенщицу, а на самом деле оказавшаяся прилежной студенткой, – я пришла, в переговорной веселье на полную катушку, ну, меня тоже пригласили, усадили, я шампанского выпила. Потом все разошлись, и я убираться стала.

– И панель, за которой дверь сейфа, вы сегодня ничем не протирали?

– Нет. Я и так не успевала, говорю же!...

– И больше никто никуда не ходил?

– Я покурить выходил, – сказал Гарик и пожал плечами, – как все. В переговорной курить нельзя, ну, я на лестнице...

– Сколько раз вы выходили?

Гарик опять пожал плечами, и студентка, по совместительству уборщица, сказала:

– Я только один раз видела. Хотя я недолго была. Он вернулся, все посидели еще минут двадцать и разошлись, и больше никто не выходил.

– Разошлись, – повторил Федор, – понятно. Все могут разойтись, – сказал он сотрудникам, – с Новым годом.

– Ты что? – спросила Катя с изумлением, не донеся зажигалку до сигареты.

– Ничего, – ответил Федор и поймал за рукав программиста Гарика, – денежки тебе придется вернуть, браток. Со мной шутки плохи, это я тебе точно говорю.

– Вы... что? – забормотал Гарик и посмотрел на свою руку, которую Федор прихватил увесистой, совсем не бизнесменской лапой. – Вы... с чего, вы... откуда?..

– Оттуда, – сказал Федор, – на полировке никаких следов нет, уборщица дверь не протирала, значит, открывали в перчатках. Перчатки у уборщицы пропали, ей пришлось все голыми руками мыть. У тебя весь свитер в тальке, а тальком всегда резиновые перчатки изнутри обрабатывают, чтоб не слипались. Бойко сказал, что ты в этом свитере полгода ходишь и ни разу его не поменял, значит, и вчера в нем был. После того как в переговорной появилась уборщица, ты один выходил покурить. Курить ходил, а от дыма как черт от ладана шарханулся, когда Олежка закурил. Ты у Дмитриева ключи вытащил, а у уборщицы перчатки, взял деньги из сейфа и вернулся в переговорную. Правильно?

Гарик сопел, косил налитым кровью глазом – молчал.

– Только ты дурачок, – сообщил Федор скучливо, – там денег всего триста долларов было. Я же не мальчик-зайчик, чтобы на рождественские каникулы в офисе всю наличку оставлять! А вот часики ты не взял напрасно. Часики «ПАТЕК ФИЛИПП», Швейцария. Знаешь такую фирму? У них самые дешевые часы то ли тысячу долларов, то ли две стоят. А эти не самые дешевые.

– Ты себе купил? – как ни в чем не бывало спросила Катя.

– Я жене купил, – буркнул Федор, вспомнив про ссору, – на Новый год.

И тут у него в кармане зазвонил телефон. Рукой, свободной от Гарика, он кое-как вытащил аппарат.

– Да!

– Федор, это я.

– Да.

– Я тебя так люблю, – выговорила жена торопливо, – я просто с ума схожу, когда мы ссоримся!.. Ну прости меня ну, дура я! Я даже на работу не пошла. Осталась и нарядила твою елку! Ты скорей приезжай, пожалуйста!..

– Да, – сказал он, – я сейчас.

Юлия Шилова

Заложница страха, или история моего одиночества

Господи, как же больно об этом вспоминать. Больно-то как. Казалось бы, прошло столько лет, а вспоминать об этом по-прежнему больно.

В тот день меня знобило, и ты сказал, чтобы я осталась дома. Странно, но я не чувствовала симптомов простуды. Я знала, что меня знобит от нервов, только я никак не могла понять, почему я нервничаю. Ты всегда хвалил меня за мою интуицию, получается, что в тот день я ощущала приближение беды, во мне бурлило предчувствие чего-то плохого. Ты заставил меня надеть свитер, несмотря на то что я говорила тебе, что мне не холодно, и в квартире было тепло. А затем приготовил чай и вопреки моей воле стал поить меня маленькими глотками, поставив передо мной чашечку с медом. Ты поехал на встречу один, вопреки моим уговорам никуда не ехать и остаться дома вместе со мной. Ты говорил, что эта встреча очень важна, что ты не можешь ее пропустить и что как только ты освободишься, то сразу вернешься домой. А я... Я словно чувствовала, что ты больше уже никогда не приедешь. Я пыталась тебя остановить, но не смогла, потому что ты принадлежал к числу тех людей, которые твердо шли к своей цели и никогда ни перед чем не останавливались. Я говорила тебе о том, что в последнее время происходит что-то не то и что ночами мне становится по-настоящему страшно и я больше так не могу. Но ты улыбнулся, сказав, что я слишком эмоциональна, что все будет хорошо, просто я слегка приболела и мне нужно хорошенько выспаться. Прижав меня к себе, ты поцеловал мою макушку и хлопнул дверью. Я выбежала на балкон, посмотрела, как ты садишься в свою машину, и проводила тебя грустным взглядом. А затем зазвонил телефон, и в нем опять послышалось молчание. Точно такое же, как и все последние дни. Телефон звонил иногда днем, а иногда ночью. На том конце провода – тишина, ни единого звука. Пустота в телефоне доконала меня окончательно. Выдернув шнур из розетки, я просидела полчаса, тупо смотря в стену, а затем пулей выскочила из квартиры, встретив в подъезде недоумевающую соседку, которая не могла не уколоть меня репликой по поводу того, что на улице жара, а я иду в свитере. Поймав первую попавшуюся машину, я назвала загородный ресторан, в котором ты должен был встречаться со своим партнером, и, сев на заднее сиденье автомобиля, попыталась унять еще большую дрожь по телу, но это оказалось для меня непосильно. Водитель с опаской смотрел на меня в зеркало заднего вида и несколько раз спросил, не может ли он мне чем-нибудь помочь. Я ответила ему, что хочу, чтобы он довез меня как можно быстрее. А затем я достала сигарету и стала нервно курить. Моя рука так тряслась, что сигарета несколько раз падала на пол. Когда мы подъехали к ресторану, я увидела много машин и какое-то непонятное скопление народа. Машина еще не успела остановиться, а я уже почти из нее выскочила и, подвернув ногу, бросилась к стоящей толпе. Таксист крикнул мне вслед, что я сумасшедшая, что я должна рассчитаться за проезд, но я уже ничего не слышала. Я бежала туда, где стояли люди.

Ты лежал на земле лицом вверх, а твои глаза смотрели в небо. На твоей рубашке проступили красные пятна, а под тобой вырисовывались темные лужицы. Я стояла как вкопанная и убеждала себя, что это всего лишь дурной сон, что сейчас ты встанешь, откроешь глаза, улыбнешься, скажешь мне, что все это дурацкая шутка, что я одета не по погоде и что этот нелепый сон не заслуживает моих слез. А мне как раз сегодня ночью снился воробей. Такой маленький, серенький и какой-то грязненький. Он сидел на карнизе и стучал клювом в мое окно. Когда я утром рассказала тебе о том, что мне приснилось, ты, как всегда, улыбнулся и отметил, что я всегда обращаю внимание на ненужные мелочи.

Когда я бросилась в твою сторону и встала перед тобой на колени, по толпе пролетело слово «жена». Тогда я еще плохо понимала, что ты уже мертв, я кричала, почему до сих пор не вызвали «Скорую», трясла тебя за плечи в надежде, что сейчас ты откроешь глаза или подашь хоть какой-нибудь знак в доказательство того, что ты жив. Но ты лежал без движения и не реагировал на мои мольбы и просьбы не оставлять меня одну и защитить от тех невзгод, которые на нас навалились в последнее время. А потом рядом со мной появился Вадим. Он положил руки на мои плечи и сказал мне о том, что приехали сотрудники милиции, что я должна отойти и не мешать им работать. А я... Я не понимала, как я могу от тебя отойти. Как я могу отпустить твою руку? Прекратить целовать твои холодные губы?!

«Скорая помощь»... Милиция... Когда мне говорили, что ты мертв, до меня плохо доходило, что это такое. Вадим отвел меня в сторону, а подошедшие «добрые люди» наперебой рассказывали мне о том, что, как только ты вышел из своей машины, из стоящей неподалеку старенькой иномарки без номеров раздались выстрелы. Некоторое время ты еще мог стоять на ногах и даже успел достать свой пистолет, но так и не смог

им воспользоваться. Ты что-то протяжно закричал, захрипел и повалился на землю. Иномарка рванула с места и пропала бесследно. А затем наступила тишина, точно такая же, как до того, как тебя убили. Играла лишь легкая музыка из приемника у стоящего неподалеку шашлычника, который тут же бросил готовить свои шашлыки и стал звать на помощь.

Вадим прижимал меня к себе, смахивал мои слезы, винил себя за то, что не приехал на эту встречу первым, потому что смог бы заметить подозрительную иномарку и, возможно, успел бы спасти тебе жизнь. А я смотрела глазами, полными ужаса, на растекающуюся и увеличивающуюся под тобой лужу крови и не могла понять, почему все так нелепо закончилось. Я рассказала Вадиму про свой ночной сон. Про мокрого, грязного воробья, который упорно стучал клювом в мое окно и наводил на меня панический ужас. Вадим постоянно гладил меня по голове и говорил, что это просто недоразумение. А я смотрела на небо и спрашивала его о том, где же тогда справедливость?

Люди в форме пытались меня о чем-то спрашивать, но, глядя на мою усиливающуюся лихорадку, прекратили это делать. Я не осознавала, что от меня требуется, тогда меня просто оставили в покое и стали расспрашивать Вадима, который в отличие от меня понимал смысл задаваемых ему вопросов и давал вполне вменяемые и внятные ответы. Я курила сигарету за сигаретой, стряхивала пепел прямо на свои туфли и ощущала, как по моим щекам текут слезы.

Даже теперь, после того как прошло столько лет, я закрываю глаза и все отчетливо вижу, словно просматриваю старую киноленту, где еще свеж в памяти каждый эпизод, каждое мгновение и каждое сказанное мною слово. В тот день так быстро решилась твоя судьба. Еще утром я проснулась в твоих объятиях и подумала о том, что как же все-таки замечательно быть женой, а ближе к вечеру я вдруг услышала жуткое и жестокое слово «вдова». Я даже шарахнулась в сторону и закрыла лицо влажными от волнения ладонями, после того как меня первый раз так называли. Мне показалось, что меня так не называли, а обозвали. Для меня это было оскорбительно и жестоко. Болезненная и мощная пощечина, которую нанесла мне моя судьба. А затем до моего мутного сознания стали доноситься различные слухи... Кто-то говорил, что тебя убили потому, что ты занимался криминальным бизнесом. Я украдкой смотрела на этих людей, нервно сжимала кулаки и думала о том, что в то время, когда тебя убили, честного бизнеса просто не существовало. Это сейчас можно строить свой бизнес более разумно и легализованно, а тогда было совсем другое время и другие нравы. Ты смог заставить меня уважать и ценить деньги, потому что до тебя я вообще не знала, как трудно, оказывается, их зарабатывать и с каким риском они даются. До тебя я жила одним днем и понятия не имела о том, что свою жизнь нужно планировать и даже с математической точностью просчитывать. Помнишь, ты всегда говорил, что у меня чутье на деньги? Так это ты же сам его выработал. Ты выдал мне аксиому о том, что для того, чтобы иметь деньги, нужно заплатить слишком большую цену.

После того как тебя не стало, для меня начались трудные времена. Меня часто посещали мысли о смерти. Я ведь знала, что мы две половинки единого целого, а теперь получилось, что осталась только моя половина, которая уже никогда и ни к кому не сможет приткнуться. В то время у меня пропал смысл жизни. Мне было не для кого и не для чего жить. Твои друзья пытались меня поддержать, предлагали свою помощь, но меня все это только раздражало. Я злилась на них за то, что они живы, а тебя уже нет. Я считала, что все вокруг виноваты в твоей смерти, потому что нам с тобой была нужна помощь при жизни. Все знали, что у тебя слишком много проблем, но никто не предложил их разрешить тогда, когда ты был еще жив. Я знаю, что у меня за спиной все говорили о том, что тебя сгубили деньги, что ты слишком многого хотел, что тебе постоянно было мало и что ты лез в дебри, куда тебе лучше было бы не лезть. Они говорили, что тебя сгубила жадность. Я не обращала внимания на подобные разговоры и пропускала их мимо ушей. Какая разница, жадным ты был или нет? В конце концов, ты занимался бизнесом и делал деньги ради денег. Я никогда не поверю, что человека, занимающегося бизнесом, может обойти стороной жажда наживы. На черта он нужен тогда, такой бизнес? Бизнесом не занимаются ради удовольствия, иначе можно прогореть и стать банкротом на первой же сделке.

Прошло девять дней с момента твоей смерти, я спряталась от внешнего мира за стенами своей большой квартиры. Я не брала телефон, потому что боялась услышать молчание в трубке. Он так часто звонил, что я выдернула шнур из телефонной розетки и в полном отчаянии разбила новенький аппарат о стену. Мне хотелось, чтобы он навсегда оставил меня в покое, чтоб замолчал и не обременял меня жизнью из внешнего мира, находящейся за стенами моей квартиры.

Я бродила по квартире в твоей рубашке, заходила в твой кабинет, сидела за твоим рабочим столом, держала в руках твою ручку и смотрела на твои фотографии. А еще я много пила. Я пила вино, открывала двери большого массивного шкафа, рассматривала твои вещи, обнималась с твоими свитерами, вдыхала запах твоих рубашек, которые пахли твоим любимым парфюмом. Иногда подходила к старинному проигрывателю, ставила твои любимые пластинки, вновь пила, слишком много курила, а один раз открыла

окно и посмотрела вниз, на шумный проспект. У меня возникло желание выброситься. Наклонившись как можно сильнее, я вдруг резко отпрянула и подумала о том, что если бы ты был жив, то никогда бы мне этого не простил. Ведь с того самого дня, как мы с тобой познакомились, ты делал все возможное для того, чтобы я полюбила жизнь.

В тот день я первый раз подошла к зеркалу и посмотрела на свое отражение. Если бы ты меня такой увидел, то наверняка бы очень сильно испугался. На моем лице было столько боли, а под моими глазами были такие черные круги и мешки, что мне показалось: еще немного – и мои глаза вообще куда-нибудь провалятся. В дверь настойчиво звонили. Несмотря на то что я уже давно не реагировала на любые вмешательства из внешнего мира, я все же подошла к двери, открыла ее и увидела обеспокоенного Вадима. Он сказал, что сегодня сороковой день после твоей смерти. Подумать только, я просидела в добровольном затворничестве ровно тридцать один день. А ведь я этого не ощутила. Вадим пытался затащить меня в душ, что-то кричал по поводу того, что я заживо себя похоронила, что все эти дни он пытался до меня достучаться и дозвониться, что в ресторане сидят люди, справляющие сорок дней, и что я обязана там появиться. Ты знаешь, тогда у меня началась настоящая истерика. Я кинула в Вадима пустой бутылкой из-под вина, но он успел увернуться. Я стала кричать ему о том, что я никому и ничем не обязана, что того человека, которому я действительно была обязана, больше со мной нет. Я кричала, что в ресторане сидят чужие люди, что все это показуха, что все эти люди только делают вид, что скорбят, а в глубине души они радуются, что тебя больше нет. А потом я сказала, что доверяю только одному человеку – это Вадиму, потому что вы с ним как братья. Вы выросли в одном дворе, дрались друг за друга с соседскими пацанами, купили в складчину свою первую машину, вместе набивали шишки и учились зарабатывать деньги.

Тогда Вадиму все же удалось заставить меня привести себя в надлежащий вид, надеть темные очки во все лицо, приехать в ресторан на твои поминки и слушать про тебя высокие и хвалебные речи. Я смотрела на твой портрет, стоящий среди множества строгих букетов, всматривалась в твои глаза и думала о том, что еще совсем недавно ты был хорош собой, а в твоих глазах бурлила шальная жизнь. А ведь в тот день, когда я фотографировала тебя на этот портрет, ты почти сутки не спал, но это никак не отразилось на твоей внешности. Знаешь, а ведь я всегда поражалась твоей работоспособности. Ты мог не спать несколько суток подряд, но при этом всегда выглядел так, словно только что приехал с неплохого курорта.

А когда Вадим привез меня на кладбище, я вдруг подумала о том, что уж коли мы с тобой половинки единого целого, то настанет день, и я обязательно тебя найду. Если я нашла тебя на этом свете, значит, смогу найти и на том. Оглянувшись на другие могилы, я остановила свой взгляд на Вадиме и как-то испуганно произнесла:

– Вадим, как-то страшно стоять двум живым среди такого количества мертвых.

Но Вадим сказал, что нужно бояться живых, потому что мертвые уже ничего плохого сделать не могут. А еще он сказал, что я просто обязана жить, хотя бы ради тебя или ради твоей памяти. Тогда я еще подумала, как же бледна теперь будет моя жизнь. Жизнь, где нет тебя. Конечно, я постараюсь. Ты же всегда говорил, что я сильная и что у меня все получится. Я постараюсь, только в моем сердце навсегда останется холодная осень.

Вернувшись в свою квартиру, я окончательно поняла, что я больше здесь жить не могу. Слишком много здесь пережито и много сказано. Помнишь, как мы с тобой спорили, где у нас будет камин, стоит ли соединять кухню со столовой. А еще я всегда мечтала иметь квартиру с большими потолками, под четыре метра. Тогда мы еще с тобой смеялись, что впору достраивать второй этаж. А помнишь, как мы оба сидели в ванне, брызгали друг в друга мыльной пеной и строили планы нашего светлого будущего? У нас была ванная комната с большим окном, за которым рос величественный тополь. Все это было, и все это было в этой квартире. Смех, слезы, наши надежды, победы и разочарования. Господи, как же больно это все вспоминать. Как же больно...

...Поправив непослушную прядь волос, я подняла голову и с безразличием посмотрела на наклонившегося к окошку мужчину.

– Я вас слушаю, – тихо сказала я и немного прокашлялась.

Мужчина смотрел на меня так, как смотрят на привидение, и не мог произнести даже слова.

– Говорите. К какому врачу собрались?

– Я?!

– Ну, не я же. Вам карточку или вас к врачу записать?

– Полина.

Я улыбнулась через силу и почувствовала, какой натянутой получилась моя улыбка.

– Да, Полина, и что? А откуда вы знаете мое имя?

Я задала вопрос и, покосившись на стоящую рядом со мной табличку с четкими именем и фамилией

дежурного регистратора, тут же подумала о том, что узнать мое имя проще пареной репы, нужно только немного желания и умения читать буквы.

– Полина...

– Да я уже черт знает сколько лет Полина. А вы, между прочим, очередь задерживаете. Мужчина, если вы решили со мной познакомиться, то сразу говорю вам о том, что вы напрасно тратите свое и мое время. Знакомство с мужчинами не входит в круг моих служебных обязанностей.

– Полина, ты что, меня не узнаешь, что ли?

– А мы разве с вами знакомы? – Я попыталась всмотреться в лицо совершенно незнакомого мужчины и поймала себя на мысли о том, что, по всей вероятности, он меня с кем-то путает.

– Полина, это я, Вадим.

– Вадим?!

– Ну да.

– Вы ошиблись. Скорее всего, вы меня с кем-то путаете, – сделала я окончательный вывод. – Наверно, я похожа на вашу знакомую...

– Полина, да что с тобой произошло? Что творится-то? Ты что тут делаешь?

– Как что? – опешила я от столь бестактного вопроса. – Я с вами на «ты» не переходила. Если вы до сих пор не поняли, что я тут делаю, то я тут, между прочим, работаю регистратором. Вы посмотрите, сколько народа собралось. Это вам поликлиника, а не бюро знакомств. Сюда люди за помощью идут, а не затем, чтобы компостировать мозги так, как это делаете вы.

Люди, стоящие в очередь к моему окошечку, моментально меня поддержали и стали наперебой требовать, чтобы мужчина отошел от окна и не отвлекал регистратора.

– Полина, я друг Виктора! Ты меня что, совсем не помнишь?! – перекрикивая доносящийся из-за спины шум, раздраженно сказал мужчина.

– Какого еще Виктора?

– Твоего мужа.

– Моего мужа? Знаете ли, а я не замужем.

– Но ведь была же.

– Не была, – отрицательно покачала я головой.

В этот момент закончилось терпение у разбушевавшейся очереди, и мужчину просто оттолкнули от моего окошка.

– Странный какой-то, – тихо проговорила я и, посмотрев на наклонившегося к окошку разъяренного дедулю, уже бодро проговорила:

– Слушаю вас. Вам карточку?

Очередной рабочий день пролетел незаметно. Ближе к вечеру в регистратуру зашла Варвара, медсестра из хирургии, и живо проговорила:

– Полинка, тебя главный врач к себе вызывает.

– Зачем? – Я бросила взгляд на часы и, немного поразмыслив, повторила тот же вопрос: – Не знаешь, зачем?

– Откуда мне знать. Там у него мужчина представительный сидит. Одним словом, тебя ждут.

– Знать бы, зачем вызывают, – встала я со своего места. – На ковер или на чашку чая. К чему готовиться?

– На чашку чая у нас главный врач вряд ли кого вызывает. Он привык без нас чаевничать, – не могла не заметить Варя. – Да не переживай ты так. Самое главное, чтобы зарплаты не лишили, а все остальное пережить можно. Кстати, если я правильно заметила, то, по-моему, там все сидят в настроении. Так что не переживай ты так сильно. Давай топай. Ни пуха ни пера.

– К черту, – тут же ответила я и, выйдя из регистратуры, направилась к кабинету главврача.

Немного прокашлявшись, я попыталась прислушаться, что творится за дверью, и, набравшись решимости, постучалась и зашла внутрь. Рядом с главным врачом нашей поликлиники сидел все тот же мужчина, который сегодня днем утверждал, что мы с ним знакомы, не давал мне работать и создавал очередь.

– Полина, заходи и присаживайся, – наш некогда строгий главный врач расплылся в приветливой улыбке и указал мне на свободный стул.

Как только я села на предложенный мне стул, мой начальник кивнул головой в сторону вальяжно сидящего напротив меня мужчины и осторожно спросил:

– Полина, ты узнаешь этого человека?

– Нет, – отрицательно покачала я головой. – Я уже сегодня ему об этом говорила.

– Это Вадим.

– Я уже это сегодня слышала. Петр Борисович, он то ли сумасшедший, то ли меня с кем-то путает, но я вас уверяю, что никогда не видела его раньше.

Мужчина взял лежащие рядом с ним на журнальном столике фотографии и протянул их мне.

– Это по поводу того, что мы с тобой незнакомы. Посмотри, на этой фотографии я тебя даже обнимаю. Еще скажи, что это не ты. Только на фотографии ты блондинка. Ты всегда была блондинкой, а сейчас ты шатенка.

– Это я, – не скрывая своего любопытства, ответила я и ощутила, как от чрезмерного нервного напряжения меня слегка затрясло. – А это кто? – Я ткнула пальцем на стоящего рядом со мной мужчину.

– Это твой муж.

– Муж?!

– Ну да. Это Виктор. Ты его так сильно любила.

– Любила?!

– Ну да. Ты что, не знаешь, что такое любовь?

– Нет, – грустно покачала я головой. – Я и не знала, что я была замужем. А дети у меня есть?

– Детей нет. Не успели вы завести детей, а оба хотели.

Я рассматривала одну фотографию за другой и чувствовала, как по моим щекам текли слезы.

– А где он сейчас, этот мужчина?

– Какой мужчина? – не сразу понял меня Вадим.

– Ну, муж. – Я почему-то с трудом выдавила из себя это слово. Мне было тяжело называть человека, которого я в первый раз видела в своей жизни, своим мужем.

– Умер.

– Он что, болел?

– Его убили.

– Боже, кошмар какой. За что?

– Хороший вопрос, – усмехнулся Вадим. – За что людей убивают? Наверно, за то, что они кому-то мешают. Он бизнесом занимался, а бизнесмены всегда кому-то мешают.

Как только я закончила рассматривать фотографии и протянула их сидящему напротив меня мужчине, Петр Борисович полез в стол, достал бутылку коньяка и позвонил секретарше для того, чтобы та принесла ровно три рюмки.

– Ну, что, ребята. Я считаю, что за такое дело нужно выпить. Не каждый день люди теряют свое прошлое, а затем его находят. Полиночка, я Вадиму все рассказал.

– Вы о чем?

– О том, как ты попала в нашу поликлинику. О том, что тебя сюда устроил мой очень хороший давний знакомый хирург, работающий в Склифе. Он рассказал о том, что к ним поступила пациентка, которая совершенно сознательно бросилась под машину и просто чудом осталась жива. У этой пациентки при себе не было документов, а то, что о ней написали в газете и сказали по ТВ в надежде, что ее смогут опознать, не дало результатов. Дело в том, что Полина перенесла серьезную операцию и потеряла память. Врачи надеялись на то, что память потеряна частично, что сохранятся хотя бы детские воспоминания или отдельные жизненные эпизоды, но этого не произошло. Девушка помнила только то, что ее зовут Полиной, и ничего больше. Амнезия – страшная и коварная штука. Видимо, задеты важные мозговые центры. Так вот, Полина долго лежала в больнице, восстанавливалась, а когда окончательно восстановилась, то так и не смогла вернуть свою память. Мой друг хирург настолько проникся к девушке, что позвонил мне и попросил взять ее на работу без документов и помочь с жильем, хотя бы временно. Полине некуда было идти после больницы. Конечно, я нарушил закон, но мы все его иногда нарушаем, потому что, помимо закона, у нас есть и человеческие понятия. Я сделал ей санитарную и трудовую книжку, записав туда первую попавшуюся фамилию и отчество. Сначала Полина мыла полы, затем стала потихоньку помогать в регистратуре. Тихая, славная девушка, которую мне пришлось поселить недалеко от больницы у своей престарелой родственницы, уход за которой полностью взяла на себя Полина. А сегодня – как гром среди ясного неба! Нашелся человек, который открыл глаза на прошлое моей подопечной. Я думаю, за это надо выпить. Полина, а чего ты плачешь?

– Извините. – Я тут же достала платок и смахнула слезы.

– Радоваться надо! Понимаешь, радоваться?! Ты можешь себе представить, как распорядилась твоя судьба? Ты же раньше на дорогой машине ездила и в дорогих магазинах одевалась, а теперь тряпку в больнице таскаешь, полы моешь и пациентам карточки выдаешь.

– Да мне это несложно, – тихо произнесла я и заерзала на стуле. – Я ведь и машину-то водить не умею.

– Научись, – рассмеялся Петр Борисович. – Ты у нас теперь как младенец. Тебе многому придется учиться и все с нуля познавать.

– А раньше ты так хорошо водила машину, – не мог не заметить Вадим. – Лихачила. Тебя разве догонишь.

– А теперь я даже не знаю, где там педали, – неестественно улыбнулась я.

Вадим поднял свою рюмку и посмотрел в мою сторону проникновенным взглядом.

– Знаешь, у тебя когда мужа убили, ты словно сошла с ума! Из дома практически не выходила, не желала со мной общаться. А однажды я приехал к тебе на квартиру, а мне открыли дверь совсем другие люди. Они сказали, что являются новыми хозяевами твоей квартиры. Ты продала квартиру и скрылась в неизвестном направлении. Я очень долго тебя искал. Приезжал к твоей матери, но ты у нее больше не появлялась. Ты исчезла. Я ездил на кладбище к Виктору, в надежде там с тобой встретиться, но ты даже там не появлялась. Ты не появилась на кладбище и на годовщину смерти. Для меня это было странно, потому что ты говорила мне о том, что могила твоего мужа – это единственное место, куда хочется приехать и излить душу. А тут сложилась такая ситуация, что ты даже не стала ухаживать за могилой. Я чувствовал, что с тобой что-то случилось, только не знал, где тебя нужно искать. Я нанял частного детектива. Подумать только, и он тебя нашел. Он искал тебя очень долго и нашел совершенно случайно. Оказалось, что его жена пользуется услугами этой поликлиники. Она не могла не заметить девушку, похожую на ту девушку с фотографии, которую поручено найти ее мужу. Так что мне хочется поднять тост за жену нанятого мной детектива. А ведь она могла сюда и не прийти. Но тот, кто пишет сценарии там, сверху, сделал так, чтобы она все же сюда пришла, заглянула в окошко регистратуры и внимательно всмотрелась в твое лицо.

– А я хочу выпить за все то, что так хорошо кончается. Правда, для Полины все только начинается, – поддержал Вадима Петр Борисович. – За Полину! Амнезия странная и еще до конца не изведенная штука. Дай бог, чтобы к девушке вернулась память. А не вернется, так и жалеть не о чем. Никогда не поздно начать жизнь с новой страницы. С чистого листа. И вообще, хорошо было бы, если бы из нашей памяти исчезло все плохое, а оставалось все только хорошее.

Выпив по рюмке коньяка, мы все рассмеялись и взяли по кусочку нарезанного на подносе яблока.

...Этим вечером для меня началась совершенно непонятная жизнь. Жизнь, которой я жила раньше. Я нежно расцеловала Петра Борисовича и поблагодарила его за то, что он меня приютил.

– Знаешь, а мне, если честно, жалко с тобой расставаться, – в сердцах произнес растроганный Петр Борисович. – Ты же хороший, дисциплинированный работник. Большая умница. Мы все без тебя будем скучать. Обещай, что ты нас не забудешь и будешь обязательно к нам приезжать.

– Обещаю.

Вадим достал из кармана конверт и положил его на стоящий перед ним стол.

– Это вам в знак благодарности.

– Да что вы, это лишнее, – произнес Петр Борисович и моментально сунул конверт в карман своего медицинского халата.

– Это никогда не бывает лишним.

Когда я выходила из поликлиники, меня провожали все, кто еще не успел уйти домой. Подойдя к дорожному джипу, я испуганно посмотрела на Вадима и с неловкостью в голосе спросила:

– Твой?

– Мой, – кивнул головой Вадим.

– Дорогой, наверно.

– А я на дешевых машинах не езжу.

– А я на таких и не ездила никогда.

– Смешная ты стала какая-то. Раньше бы ты на такие мелочи и внимания не обратила. Ну что, садись?

– Сейчас, я только с девчонками попрощаюсь.

Я подошла к провожающим меня девчонкам и с особой болью в голосе произнесла:

– Девочки, мне пора. Я обещаю, что никогда вас не забуду и что обязательно к вам приеду. Спасибо, что вы здесь все так ко мне хорошо относились, что прятали меня, когда были различные проверки, потому что я без документов.

– О чем ты говоришь, – обняла меня за плечи Варвара. – Мы все к тебе очень привыкли, и нам всем будет тебя не хватать. Мы все тебя любим. Полинка, ну и машина у твоего кавалера. Прямо дух захватывает. Красивая.

– Да это не кавалер.

– А кто?

– Это друг моего мужа.
– А друг холостой?
– Понятия не имею.
– Может, познакомишь как-нибудь? – не на шутку покраснелась Варвара.
– Если он захочет, то обязательно познакомлю.
– Постарайся, чтобы захотел, – Варя украдкой взглянула на Вадима и мечтательно произнесла: – Ох, мне бы такого мужчину! Такие, наверно, в холостяках-то не ходят. Таких ловят, когда они находятся еще на самом взлете.
– А откуда ты знаешь, что он уже взлетел? – влезла в разговор другая регистраторша, которая была значительно старше Вари.
– Такая машина...
– А при чем тут машина?
– Красивая больно. Сразу видно, что немалых денег стоит.
– А может, у него, кроме этой машины, вообще ничего нет. Может, он водитель какой, начальника возит? Вот он на машине своего начальника и приехал. Верно, Полина, я говорю?
– Ой, девочки, я про него сама ничего не знаю. Можно сказать, что сама сегодня с ним первый раз познакомилась.
– Интересная у тебя жизнь, – заметила одна из окруживших меня женщин.
– Да уж, интересная, врагу не пожелаешь, – заступилась за меня Варя. – Интереснее просто не бывает. Ни одна из вас бы не хотела без памяти остаться и снова учиться жить.
Увидев, что на Вариных глазах показались слезы, я прижала ее к себе и произнесла трогательным голосом:
– Варя, почему ты плачешь? Видишь, как все хорошо складывается? Я нашлась.
Распровавшись со своими сотрудницами, я села к Вадиму в машину и тоже смахнула слезы.
– Ну у вас тут и проводы, – сказал, отъехав от поликлиники, Вадим.
– Да мы тут все сдружились. У нас коллектив замечательный.
Вадим посмотрел на меня пристально и протянул мне сигарету:
– Будешь?
– Я не курю.
– Давно бросила?
– А я разве курила?
– Курила, и очень много. Полина, если бы мне кто-нибудь сказал о том, что ты в поликлинике полы мыть будешь, я бы в жизнь не поверил. Ты дома-то их никогда не мыла. У тебя домработница была.
– Ты же не видел, как я полы мыла. Тебе меня довелось в регистратуре увидеть.
– Но ведь по вечерам ты их все равно мыла.
– Да мне не тяжело.
– Еще скажи, что тебе это нравится, что это твое призвание.
– Ну, я не могу сказать, что мне это нравится... Я об этом не думала. Просто я была благодарна тем людям, которые меня приютили и дали мне эту работу.
– Если бы эти люди знали, кого они заставляли мыть полы, то им бы стало плохо, – усмехнулся Вадим и закурил сигарету.
– А кем я была?
– Женой бизнесмена.
– Вадим, а можно с тобой на «ты»? – спросила я нерешительно.
– Не можно, а нужно. Мы же с тобой друзья закадычные были. Я с Витькой в одном дворе рос. Он мне как брат.
– Помнишь, ты конверт Петру Борисовичу дал?
– И что?
– А что там было?
– Баксы.
– Доллары?
– Ну, доллары или баксы... Какая, собственно, разница?
– Ты же его оскорбил.
– Чем? – от удивления поднял брови Вадим. – Деньгами?
– Вот именно, деньгами. Он же от чистого сердца меня приютил. Я из-за твоего поступка от стыда готова провалиться. Разве можно так с людьми поступать?

– Да брось ты. Вот если бы я ему денег не дал, то я бы точно его оскорбил. Человек сам сказал, что закон нарушил. Взял тебя на работу по поддельной санитарной и трудовой книжке. А за такие вещи, между прочим, благодарить надо. Твой Борисович нормальный мужик и все сразу правильно понял. Полина, как же ты изменилась. Вещи странные говоришь. Ты как из космоса свалилась. Деньги оскорблением считаешь.

Через полчаса мы уже сидели друг напротив друга и ужинали в ресторане. Вадим помог мне выбрать еду и принялся с любопытством меня рассматривать.

– Ты что так смотришь?

– Мне кажется, что я тысячу лет тебя не видел. Соскучился. Ты даже не представляешь, как долго я тебя искал. Ты продала квартиру и исчезла в неизвестном направлении. Куда ты тогда исчезла? – Вадим задал вопрос и тут же махнул рукой. – Черт, зачем я тебя спрашиваю? Ты все равно не ответишь.

Когда официант принес мне горячее, я взяла вилку с ножом и рассмеялась.

– Вот черт, забыла, в какой руке вилка, а в какой нож.

– Ну ты даешь. Вилка в левой, нож в правой. А ты зачем волосы перекрасила? Кстати, а тебе этот цвет идет. Надоело быть блондинкой?

– А я себя с другим цветом волос не помню.

– Точно. Одним словом, тебе лучше не задавать вопросы, потому, что ты все равно не сможешь дать на них ответы. Полина, может, ты пока у меня поживешь? Прежде чем к матери поедешь, немного в себя придешь, морально подготовишься. Ты только представь, как ты своим близким покажешься, если ты вилку с ножом держать не умеешь? У меня места много, не переживай. Так что быстро сможешь оклематься.

Я не могла не заметить, что Вадим заметно занервничал.

– А ты не против?

– Если я это тебе сам предлагаю, значит, я не против.

– Логично.

Квартира Вадима оказалась большой и просторной. После того как Вадим провел экскурсию по всем комнатам, я не могла не изумиться подобной роскоши и не высказать своего восхищения.

– Красиво. Я никогда не была в подобных квартирах.

– Да ладно тебе. У тебя квартира круче была.

– Куда уже круче?

– Я тебе говорю, что твоя была лучше.

– Вадим, а где твоя жена? – Я задала вопрос, который вертелся у меня на языке.

– А я не женат.

– Почему?

– Потому, что я тебя люблю.

– Что? – Я посмотрела на Вадима непонимающими глазами и зачем-то отошла к стене.

– Что слышала. Полина, я до сих пор не женился, потому что искал тебя. Хотя уже если честно, то слабо верил в то, что найду.

– Ты же сам сказал, что ты друг моего мужа... Как ты можешь меня любить?

– Виктора нет. Он должен быть спокоен, потому что теперь ты не одна. Я смогу о тебе позаботиться. Полина, выходи за меня замуж.

– Замуж?!

– Вот именно, замуж. Мы с тобой счастливо проживем. Я же для тебя носом землю рыть буду. Королеву из тебя сделаю. Сама подумай, куда ты сейчас без меня? Ни памяти, ни денег, ни связей, ничего нет. Куда ты поедешь, к матери? На шее у нее сидеть будешь?

– С чего ты взял, что я буду сидеть на шее?

– Но ведь ты даже родную мать в лицо не узнаешь? Как тебе дальше жить?

– Живут же как-то люди без памяти. Буду учиться жить по новой. – Немного помолчав, я украдкой взглянула на стоявшего напротив меня Вадима и сказала растерянным голосом: – Вадим, я очень благодарна тебе за то, что ты меня нашел. Если бы не ты, то неизвестно, что бы со мной дальше было. Главному врачу моей поликлиники надоело бы подставлять свою голову под топор, скрывая отсутствие моих документов. Я бы просто очутилась на улице, и неизвестно, как бы дальше сложилась моя судьба. Ты не думай, я никогда не забуду, что ты для меня сделал.

– Да не надо мне никаких благодарностей. Я лишь хотел отдать должное памяти своего друга. А еще я не скрываю того, что искал тебя потому, что испытываю к тебе самые трепетные и нежные чувства. Полина, я тебя ни в коем случае не тороплю. Я прекрасно понимаю, как тебе сложно, и протягиваю тебе руку помощи.

– Вадим, я совершенно тебя не знаю. Ведь если так разобраться, то я только сегодня с тобой

познакомилась.

- Ты меня вспомнишь. А если не вспомнишь, то обязательно ко мне привыкнешь.
- А если не привыкну? – Я посмотрела на Вадима взглядом, в котором читался вызов.
- Если не привыкнешь, то узнаешь меня заново.

В этот момент у Вадима зазвонил телефон, и он моментально снял трубку. Сказав несколько сухих фраз, он положил трубку на место и взял меня за руку.

– Полина, я ненадолго отъеду. Всего на пару часов. Неприятности на работе. Ты располагайся. Чувствуй себя как дома. Прими ванну. Надевай любой банный халат на выбор. Завтра мы с тобой в магазин поедем, накупим разной одежды. Тебе же надеть нечего. А ты ведь раньше жуть какая модница была. Мне даже как-то непривычно видеть тебя в такой бесформенной юбке и непонятной кофте.

– Нормальная юбка, – слегка раскраснелась я и поправила свою кофту.

– Ты не против, если я отъеду?

– Отъезжай.

– А ты куда не уйдешь?

– Хочешь, можешь закрыть меня на ключ, – как-то не по-доброму усмехнулась я.

– Не хочу. Просто, знаешь, я так долго тебя искал, что мне будет тяжело потерять тебя еще раз. Я могу быть спокоен, что не потеряю?

– Не потеряешь.

Вадим наклонился ко мне, чтобы поцеловать в губы, но я резко отвернула голову в сторону и процедила сквозь зубы:

– Не надо.

– Не буду.

Как только за Вадимом закрылась дверь, я подошла к окну и, убедившись в том, что он уехал, зашла в его кабинет и, недолго думая, включила его компьютер. Найдя файл с фотографиями, я стала внимательно всматриваться в лица тех, кто был сфотографирован либо с моим мужем, либо с Вадимом. Затем, открыв папку с документами, я принялась изучать то, что представляло для меня наибольший интерес, не забывая при этом постоянно поглядывать на часы и прислушиваться к тишине в квартире. Когда два часа были уже почти на исходе, я услышала, как открывается входная дверь, и, моментально выключив компьютер, выбежала из комнаты.

Вадим стоял в коридоре и медленно снимал свои ботинки. Заметив меня, он посмотрел на меня удивленно и, повесив свой пиджак на вешалку, тихо спросил:

– Ты чем занималась?

– Сидела на кухне и смотрела в окно.

– Не думал, что это может быть так интересно.

– Вадим, а я была раньше в этой квартире?

– Тысячу раз. Вы с Витькой постоянно сюда приезжали. Мы здесь даже один раз Новый год все вместе встретили. Веселый Новый год получился. Бабу снежную во дворе лепили, на горку ходили кататься.

– А у меня такое ощущение, что я здесь никогда раньше не была.

– Неудивительно. У тебя такое ощущение, что ты и меня ранее не знала. Я думал, что ты уже ванну приняла, лежишь телевизор смотришь.

– А я думала, что мы с тобой вместе ванну примем, – загадочно произнесла я и расплылась в улыбке.

– Что ты сказала? – от удивления Вадим выронил из рук пачку сигарет, но тут же наклонился и ее поднял.

– Ты же все прекрасно слышал. Зачем спрашиваешь?

– Я подумал, что мне показалось.

– Тебе не показалось. Сейчас я налью ванну.

Пока я наливала воду, Вадим сидел на кухне и нервно курил. Как только я заглянула на кухню, он сразу задал вопрос, который, видимо, беспокоил его в данный момент:

– Полина, что это на тебя нашло? То поцеловать не даешь, то предлагаешь вместе ванну принять?

– Говорят, добром за добро платить нужно.

– Значит, таким образом ты решила со мной расплатиться?

– А ты против?

– Нет, – замотал головой Вадим.

– Так ванна уже готова.

Окончательно растерявшийся Вадим тут же потушил сигарету и, взяв меня за руку, тихо спросил:

– Ты со мной?

– Конечно, с тобой. Я там в твоём баре видела красное вино. Как ты смотришь на то, чтобы выпить по бокалу?

– Я сейчас его открою. – Вадим словно ошпаренный бросился к бару и достал из него бутылку. Быстро ее открыв, он хотел было разлить вино по бокалам, но я перехватила его руку и томно произнесла:

– Я сама.

– Как хочешь...

– Садись в ванну, а я сейчас еще фруктов порежу и принесу все на подносе.

Когда я зашла в ванную комнату, Вадим уже сидел по пояс в пене и смотрел на меня счастливым взглядом.

– Полина, знаешь, с того момента, как я тебя сегодня увидел, моя жизнь обрела смысл. Я сейчас по делам отъезжал и не мог понять, что со мной творится. Я не могу описать тебе эти ощущения, когда я что-то делаю и знаю, что ты меня ждешь. Я же об этом всю жизнь мечтал!

– О чем? – безразлично спросила я и поставила поднос на небольшой столик, стоящий рядом с ванной.

– О том, чтобы ты меня ждала, – ответил Вадим и спросил меня возбужденным голосом: – Ты разведаться будешь? Садись ко мне в ванну.

Демонстративно скинув свою кофту и юбку, я кинула вещи на пол и, сняв нижнее белье, села напротив Вадима в ванну, закрыв свою грудь мыльной пеной.

– Полина, – от волнения Вадим даже заикался. – У тебя фигура красивая.

– Спасибо.

– Это я тебе от чистого сердца говорю.

– А я от чистого сердца сказала тебе спасибо.

Взяв один бокал с вином, я протянула его Вадиму и, ощутив, как на лбу от горячей воды выступил пот, произнесла:

– Я обожаю красное полусладкое вино. Девчонки в поликлинике всегда его на праздники покупали.

– Раньше ты пила виски.

– Я не помню, что было раньше.

– Такого вина ты точно не пила. Оно слишком дорогое. А я всегда думал о том, что медики пьют медицинский спирт.

– Бывает иногда, – честно призналась я, а затем посмотрела на Вадима проникновенным взглядом и тихо спросила:

– Вадим, а тебе Виктора не хватает?

– Все как-то глупо получилось...

– Ты не ответил на мой вопрос.

– Мне его не хватает.

– Тогда давай выпьем за него.

– Если бы ты знала, сколько я уже за него выпил...

– Так давай выпьем еще.

Как только мы осушили свои бокалы до самого дна, Вадим протянул мне пустой бокал и не мог не заметить:

– Вообще-то за покойников водку пьют.

– Я водку не пью.

– Ты ее и раньше никогда не пила. Полина, ты на меня как-то недобро смотришь. Ты, пожалуйста, поспешных выводов не делай. Ты только пойми, я тебя люблю. Возможно, и ты сможешь ко мне привыкнуть и меня полюбить. Я буду стараться. Вот увидишь, я буду делать все от меня зависящее. Ты не пожалеешь. Ты никогда и ни о чем не пожалеешь.

– А Виктор как же?

– Но ведь его нет!

– Почему его нет?

– Как почему? Его уже убили.

Вадим не мог отвести взгляда от моей груди, с которой слетела мыльная пена.

– Полина, твоего мужа убили, – на всякий случай еще раз напомнил мне он. – Преступление не раскрыто. Сама знаешь, как тяжело раскрываются заказные преступления, а в том, что оно заказное, не остается сомнения. Заказчик до сих пор не найден. Дело – висяк. У твоего мужа было столько врагов, ты даже представить себе не можешь! В его смерти можно подозревать кого угодно.

Посмотрев на настенные часы, я закрыла лицо ладонями и приглушенно спросила:

– Вадим, знаешь, у меня к тебе всего один-единственный вопрос. Я хочу тебя спросить, как ты с этим

живешь?

Но ответа на мой вопрос не последовало. Убрав ладони от лица, я увидела, что голова Вадима лежит на бортике ванны, а его глаза смотрят в сторону. Я совершенно не испугалась, не стала хватать Вадима за руку и пытаться нащупать его пульс. Я знала, что он мертв, только вот жаль, что он так и не смог ответить на заданный мной вопрос, и, конечно же, жаль, что я не смогла задать его раньше.

Встав, я быстро закуталась в полотенце, налила себе полный бокал вина и, смахивая побежавшие по щекам слезы, улыбнулась грустной улыбкой.

– Вот и все, Вадим. Вот и все. Жаль, что ты так и не ответил на мой вопрос о том, как ты жил с этим грузом все это время? Как живется после того, когда ты заказываешь своего самого лучшего друга, с которым ты рос в одном дворе, бил за него других пацанов и учился делать свои первые деньги? Как ты жил со всем этим? Ты фактически завладел его бизнесом и бредил мыслью о том, чтобы завладеть его женщиной. Ты забрал у него жизнь, офис, принял все его дела, перевел на себя все счета его компании. Ты получил все, что хотел, только ты так и не смог получить меня. А ведь, Вадим, твоему хладнокровию и твоей хитрости нужно отдать должное. Ты обеспечил себе слишком качественное алиби. Ты клялся на похоронах найти убийцу и отомстить за друга, который уже почти стал твоим братом. Ты поставил красивый памятник и нанял людей ухаживать за могилой. Но ты не оценил меня. Ты так и не понял, что доведенная до отчаяния женщина способна в этой жизни на все.

Скинув с себя полотенце, я не спеша надела свои вещи и, взяв бокал, из которого пил Вадим, вышла из ванной комнаты. Бросив его в пакет, я достала из кармана носовой платок, тут же его намочила и на всякий случай вытерла все, чего я только касалась в этой квартире, не забывая про хозяйский кабинет и компьютер. Перед тем как уйти, я заглянула в ванную комнату и еще раз посмотрела на лежащего в ванной Вадима.

– Вот и все, – глухо ответила я и тихонько всхлинула. – Девушки Полины, потерявшей память, не существует. Существует жена убитого Виктора, которая наконец-то смогла отомстить за смерть своего мужа.

Перед глазами возник любящий меня Виктор, его лучший друг Вадим, на которого он всегда мог положиться и которому он всегда доверял. Я вспомнила, как мы дурачились на берегу моря, как кидали в него камни и загадывали свои желания, как Вадим сказал, что белой завистью завидует нашему счастью и что если он когда-нибудь соберется жениться, то обязательно женится на девушке, которая как две капли воды будет похожа на меня... Я вспомнила наш Новый год. Как мы пускали салюты, горланили песни и как я произносила тост по поводу мужской дружбы... Я говорила о том, что никогда в жизни не видела более преданных друзей, чем те, которые сидят со мной за одним столом и дружат с ясельной группы детского сада. Я вспомнила, как попала в аварию, как стояла у разбитой машины и, позвонив Виктору, тут же набрала телефон Вадима. Как я стояла у своей разбитой машины и видела, что вы едете ко мне наперегонки для того, чтобы протянуть свою руку помощи...

– Спи спокойно, Вадим. Спи спокойно...

...Господи, как больно вспоминать... Больно-то как. Столько лет прошло, но мне по-прежнему больно.

Знаешь, милый, когда я узнала, что тебя убили, я не могу описать то ощущение, когда я поняла, что это сделал Вадим. Ты же всегда хвалил меня за мою интуицию. Видимо, тогда сработала именно она. Для того чтобы это понять, мне стоило всего лишь заглянуть Вадиму в глаза... То, что Вадим меня любит, я знала и раньше, когда еще жила с тобой. Женщина не может не чувствовать мужчину. Только не думай плохого. Между нами ничего не было. Я научилась держать мужчин на определенном расстоянии, и у меня это хорошо получается. Вадим убил тебя не из-за любви ко мне. Он убил тебя из-за твоих денег.

Говорят, что деньги затмевают человеческий разум, а иногда жажда наживы становится неконтролируемой. Вы были с Вадимом партнерами и часто зависели друг от друга в делах. Помнишь, как в нашей с тобой квартире поселился страх? Постоянные звонки с молчанием в трубку... Ночные звонки в дверь, в домофон, непонятные письма с угрозами. Этот страх сплотил вас с Вадимом еще сильнее. Поняв, что кто-то под тебя копает, Вадим взял серьезную часть всех дел на себя, и ты позволил ему это сделать, потому что безгранично ему доверял. Ты и подумать не мог, что страх в нашем доме поселил сам Вадим. Знаешь, после того как тебя не стало, я стала заложницей этого ужасного чувства и подумала о том, что, несмотря на все свои чувства ко мне, Вадим может запросто со мной расправиться, потому что доля того, что после тебя осталось, должна была отойти мне. И я просто... пропала. Не стала ни на что претендовать. Я подумала о том, что мне нужно время. Пусть Вадим успокоится и заживет своей жизнью. Хотя, если честно, я не думаю, что он получил удовлетворение от того, чем завладел. Я так и не успела задать ему вопрос: как же он со всем этим жил? Говорят, груз предательства давит, не дает спать ночами и съедает человека, предавшего собственную совесть, по маленьким кусочкам.

Так вот, я продала квартиру и бесследно исчезла из прошлой жизни, уехав в другой город. Я ведь знала,

что придет время, и я вернусь для того, чтобы отомстить, потому что Вадим загубил ровно две судьбы, твою и мою. Я дала Вадиму время и возможность насладиться тем, что он имеет, и зажила в другом городе совсем другой жизнью, поставив жирный крест на своем прошлом. От своей мамы я узнала о том, что Вадим меня ищет, и решила ему помочь, попросив своего хорошего приятеля сыграть роль детектива. И он отлично справился со своей ролью, получив при этом неплохую сумму денег от Вадима за то, что должен меня найти. После этого я обратилась к другу своего отца, который работал хирургом в Склифе и на которого я возлагала многочисленные надежды. Моему отцу пришлось изрядно потрудиться для того, чтобы убедить его мне помочь. И он сдался. Он понял, как для меня это важно. Позвонив своему хорошему другу, главному врачу поликлиники, он рассказал ему о пациентке без памяти и попросил его временно меня приютить.

После того как я поработала в больнице определенное время, мой приятель, сыгравший роль детектива, помог Вадиму меня найти, а что было дальше, ты уже знаешь. Сначала я залезла в компьютер Вадима и нашла файлы, в которых он прописал схему слияния вашего бизнеса, но она была бы возможна лишь только в случае твоей смерти. А затем я нашла его компьютерный дневник, в котором он ненавидел себя за то, что натворил, и описывал вечера, как он глушил свою боль водкой. Когда я просматривала файл с фотографиями, я видела, как на одной из фотографий Вадим зачеркнул твое лицо, а нас с ним соединил нарисованным сердцем. Когда Вадим пошел в ванную, я бросила в его бокал с вином быстродействующий яд и наблюдала за тем, как он медленно, по глоткам, пил свою смерть.

Ты спрашиваешь меня о том, почему я пошла на преступление, а не сдала Вадима милиции сразу после твоего убийства? Отвечаю. У меня не было доказательств. Только одна интуиция. Я часто задавала себе один и тот же вопрос. А если бы тогда на встречу я поехала вместе с тобой, был ли дан киллерам приказ убить и меня? Или ты позвонил Вадиму по телефону и сказал, что я осталась дома? Я уже никогда не получу ответы на эти вопросы, потому что ты уже давно не умеешь говорить. Ты умеешь только меня слушать. Я исчезла из жизни Вадима, чтобы он понял, что я не претендую на твои деньги. Я не могла расквитаться с ним сразу после твоей смерти, потому что всем стало бы понятно, кто это сделал, и меня бы запросто уpekли за решетку. Я тщательно разработала план и выждала время. Убитая горем вдова исчезает из прошлой жизни и начинает новую жизнь в другом городе. Ведь с Вадимом рассчиталась за твою смерть не я, а девушка, потерявшая память. Вадим слишком хорошо меня знал. Он понимал, что я его подозреваю. Никогда в жизни он бы не оставил меня одну у себя дома, потому что знал о моей природной хитрости и изобретательности. Он понимал, что я могу найти то, что не должна находить. А увидев девушку, потерявшую память, он даже предложил мне жениться, и я уверена, что это предложение было честным и искренним. Он знал, что теперь я никогда не доберусь до самой сути, что гибель моего мужа никогда не встанет между нами и что мы можем быть счастливы. Ему вдруг показалось, что забота обо мне сможет искупить часть его вины перед тобой. Он мне поверил и потерял бдительность. **ОН ТАК И НЕ ПОНЯЛ, ЧТО ТАКИМ ЖЕНЩИНАМ, КАК Я, ЛУЧШЕ НЕ ВЕРИТЬ, ПОТОМУ ЧТО, ЧТО БЫ Я НИ ДЕЛАЛА И НИ ГОВОРИЛА, НИКТО НИКОГДА НЕ ПОЙМЕТ, ЧТО НА САМОМ ДЕЛЕ У МЕНЯ НА УМЕ.**

Знаешь, а ведь никто не поверит, что Вадима убила я. Ведь это была не я, а девушка, потерявшая память... А я уехала из города сразу, как только справила твои сорок дней. Я зажила новой жизнью в новом городе и не виделась с Вадимом с сорокового дня твоих похорон. А то, что мне пришлось вернуться в свое прошлое совсем ненадолго и протянуть бокал вина своему врагу прямо в ванной, – это наша с тобой маленькая тайна. Вадим всегда шел по трупам. Одному богу известно, сколько у него врагов и сколько людей было заинтересовано в его смерти. Бизнес. В то время был такой страшный бизнес. Его строили на крови своих друзей. Если бы ты знал, как выглядит бизнес сейчас, ты бы никогда не поверил. Раньше мы и подумать не могли о том, что он может быть честным и легализованным. Времена и нравы меняются. Ты не смог застать тот бизнес, который есть сейчас. Мы запомнили его таким, каким он был раньше.

Знаешь, милый, мы не виделись с тобой годы, но я помню каждую твою черточку и каждую родинку на твоём теле. Сегодня такой сильный дождь. Так громко барабанит по стеклам. Ты остался где-то там, далеко... В моих прошлых воспоминаниях, переживаниях и моих мыслях. Знаешь, я сейчас стала совсем другой, какой-то степенной, более спокойной и уравновешенной. Я никогда не верила в жизнь после смерти, но мне почему-то кажется, что ты где-то там, наверху, и ты всегда все видишь и следишь за каждым моим шагом. А еще я знаю, что ты меня бережешь. Ведь я бывала в таких передрыгах... Мне всегда кажется, что там, наверху, ты радуешься моим маленьким победам и вместе со мной закрываешь глаза на все мои поражения. Помнишь, ты всегда говорил мне о том, что самая большая ценность успеха – это умение прятать свой неуспех. Знаешь, я всегда его прячу. Даже сейчас, когда я попробовала взять высокую планку и слепо верила в свой успех, я вдруг поняла, что я проиграла... Успех в очередной раз надо мной посмеялся и прошел стороной. В моей жизни вновь начался период пустых обещаний и неудовлетворенных амбиций. Но ты же знаешь, я все это спрячу глубоко внутрь и буду сама себе на уме. Я не буду сдаваться, я буду думать о

том, как же мне развернуть фортуны к себе лицом, потому что я слишком верю в себя и собственное провидение, а этому научил меня ты.

Знаешь, я часто поднимаю голову к небу, смотрю на проплывающее надо мной облако и понимаю, что это ты. Я машу тебе рукой и люблю наблюдать за тем, какие причудливые формы ты иногда принимаешь. Я знаю, что ты меня дразнишь и хочешь меня рассмешить. Иногда ты бываешь маленькой красивой лошадкой, иногда медвежонком, а иногда каким-нибудь зайчиком. Я люблю смотреть на небо, потому что ГДЕ-ТО ТАМ ТЫ. Я буду всегда благодарна тебе за все, что ты для меня сделал. Ты научил меня ценить каждый новый день, потому что никогда не знаешь, что принесет тебе завтрашний.

На улице закончился дождь, а над моим домом повисла смешная и причудливая тучка. Я выхожу на улицу, улыбаюсь тебе счастливой улыбкой и пытаюсь угадать, какую же форму ты принял на сей раз...

---

notes

Примечания

1

Чик-лит – от англ. chick-lit, буквально – литература для цыпочек, легкое дамское чтение.